

В жёлтой жаркой Африке...

К 50-летию Александра Желтова

Отв. редакторы: В. Ф. Выдрин, А. В. Ляхович

Нестор-История
Санкт-Петербург
2017

УДК 81:39

ББК 81.2

В 11

В 11 В жёлтой жаркой Африке... К 50-летию Александра Желтова /
Отв. ред. В. Ф. Выдрин, А. В. Ляхович. — СПб.: Нестор-История,
2017. — 240 с., ил.

In the hot yellow Africa... In honor of Alexander Zheltov on the occasion
of his 50th birthday / Ed. by Valentin F. Vydrin, Anastasia V. Lyakhovic.
SPb.: Nestor-Historia, 2017. — 240 p., il.

Дизайн обложки: В. И. Кузнецова.

*В дизайне обложки использовано изображение домашнего оберега
народа мумуйе, привезённого А. Ю. Желтовым из Нигерии в 2012 году
и подаренного им МАЭ РАН*

УДК 81:39

ББК 81.2

ISBN 978-5-4469-1172-1

© Коллектив авторов, 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всё чаще доводится слышать, что жанр фестшрифта себя изживает. И что надо не фестшрифты издавать, а печататься в рецензируемых журналах. И что в начале третьего тысячелетия, когда медицина грозитя не сегодня-завтра обеспечить человеку техническую возможность бессмертия, пятьдесят лет, особенно для лингвиста — это самое начало научной карьеры...

Но все эти благоразумные доводы не устояли перед чувствами авторов, среди которых оказались и ученики юбиляра, и его товарищи по экспедициям, и просто близкие люди, друзья и коллеги, с которыми у него проведено немало дней и ночей в бурных спорах на кухнях и в курилках.

На первый взгляд может показаться, что получившийся сборник по своей тематике не укладывается ни в какие рамки, рискуя в любой момент сорваться в пропасть под названием «эkleктика». Но если взглядеться повнимательней, то, как на картине художника-авангардиста, случайный набор цветowych пятен и штрихов постепенно начинает приобретать внутренний смысл: практически каждая статья оказывается созвучна той или иной грани личности юбиляра. А если какие-то из этих граней оказались в сборнике не отражены, то и на это найдётся элегантноe когнитивное объяснение: все грани юбиляра в обложку не поместились бы.

После нескольких неудачных попыток редакторы отказались от ранжирования статей сборника по какому-либо признаку — по значимости для мировой науки, по тематике, по близости к интересам юбиляра... Есть ли тот прибор, который позволит определить, что важнее, значимее и ближе — взгляд африканиста на пути от архаики к неотредиционализму или особенности употребления баманских терминов родства без посессора? Формирование спортивной терминологии в хауса или история османских питейных заведений? Поэтому статьи оказались выстроены по самому простому и справедливому принципу — в алфавитном порядке фамилий авторов (причём по-петербургски: сначала — кириллица, затем — латиница). Лишь «лирический» раздел, следуя уже устоявшейся традиции петербургских африканистических фестшрифтов, помещён в конце, чтобы усталый взгляд читателя, прорвавшегося через междисциплинарное многоголосье этой книги, мог отдохнуть на незатейливых, но искренних признаниях в любви и дружбе.

Наверное, ни к чему пытаться в кратком предисловии пересказать всё то, что должна сказать вся книга. Читателю — приятного чтения, юбиляру — горячие поздравления со славным юбилеем!

В. Ф. Выдрин

Екатерина Сергеевна Аглонова
СПбГУ, *aplooon@gmail.com*

УПОТРЕБЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ РОДСТВА БЕЗ ПОСЕССОРА В БАМАНА

1. Введение

В языке бамана (манде < нигер-конго) термины родства обычно употребляются с эксплицитно выраженным посессором. Например, в (1) термин родства (далее TP) *kàròkè* ‘старший брат’ употребляется с местоимением первого лица ед. ч. в качестве посессора.

- (1) *Ń bɛ t̩̀ga ń kàròkè ségɛɛ.*
1SG IPFV.AFF идти 1SG старший.брат соединять
‘Я иду встретиться с моим старшим братом’ *dumestre-
geste_2bakari_bilisi.*

Однако существует ряд контекстов, в которых возможно опущение посессора при TP. Ср. (2), где TP *f̩̀* ‘отец’ и *bá* ‘мать’ не имеют посессора.

- (2) *Jàra-den yé f̩̀ mìnɛ kà bá mìnɛ.*
лев-ребёнок PFV.TR отец хватать INF мать хватать
‘Львёнок схватил отца и схватил мать’ *gogog1979-
waraden_min_be.*

Посессор при TP, как правило, выступает в качестве референциально-го якоря [Dahl, Kortjevskaja-Tamm 1998:44], за счёт которого происходит интерпретация TP. Ср. примеры из русского:

(3а) *Сестра вошла в комнату.*

(3б) *Сестра Маши вошла в комнату.*

Вне контекста (3а) можно интерпретировать двумя способами: либо это чья-то сестра, тогда, скорее всего, посессор уже был упомянут ранее или будет упомянут; либо это не TP, а, например, медсестра или монахиня. Что касается (3б), наличие эксплицитно выраженного посессора даёт нам возможность однозначно интерпретировать ИГ.

Данная статья посвящена установлению факторов, которые связаны с возможностью употребления ТР без посессора. Исследование было проведено на материале корпуса языка бамана (<http://cormand.huma-num.fr>).

2. Факторы, влияющие на опущение посессора

2.1. Обзор выборки

Таблица 1. Употребление ТР с посессором и без

ТР	С посессором	Без посессора	Доля употреблений без посессора относительно общего количества	ВСЕГО
<i>mùso</i> 'женщина/ жена'	378	1468	0,8	1846
<i>cè (kè)'</i> 'мужчина/ муж'	231	1098	0,8	1329
<i>dép</i> 'ребёнок'	657	702	0,5	1359
<i>bá</i> 'мать'	404	171	0,3	575
<i>fâ</i> 'отец'	466	133	0,2	599
<i>kòròkè</i> 'старший брат'	80	37	0,3	117
<i>dògòkè</i> 'младший брат'	34	14	0,3	48
<i>sìnamuso</i> 'со-жена'	39	9	0,2	48
ВСЕГО	2289	3632		5921

¹ *Cè* и *kè* — диалектные варианты, для стандартного бамана более типичен вариант *cè*.

Корпус языка бамана состоит из двух подкорпусов: со снятой омонимией и с неснятой омонимией. В данной работе материалом послужил только корпус со снятой омонимией, объём которого в апреле 2017 г., когда проводилось исследование, составил около 700000 слов.

В Таблице 1 представлено количество употреблений наиболее частотных ТР с эксплицитно выраженным посессором и без него.

Как видно из Таблицы 1, ТР в бамана можно разделить на 2 группы: с большей долей употреблений без эксплицитно выраженного посессора и с меньшей. К первой группе относятся лексемы *mùso*, *kè(cè)* и *dén*. Эти три лексемы полисемичны: они могут реферировать как к реляционному имени, то есть к ТР, так и к автосемантическому. Таким образом, *mùso* – это и жена, и просто женщина, *kè (cè)* — это и муж, и мужчина, *dén* — это и чей-то ребёнок, и не взрослый человек. Так в (4a) речь идёт о женщине, тогда как в (4б) – о жене.

- (4a) *Nin ké-ra mùso dɔ́ yé.*
 это делать-PFV женщина некоторый PP
 ‘Это случилось с (некоторой) женщиной’
 baabu_ni_baabu_11tunkara-tulogeren_saba.
- (4б) *Mɔ̀gɔ́ mán kán k' í gùndo*
 человек QUAL.NEG равный INF REFL секрет
fɔ́ í mùso yé.
 говорить REFL женщина PP
 ‘Не нужно рассказывать жене о своих секретах’
 bailleul-sagesse_bambara_02b.

Ко второй группе относятся лексемы, которые в абсолютном большинстве случаев² являются ТР: *bá* ‘мать’, *fā* ‘отец’, *k̀̀rɔ̀kɛ* ‘старший брат’, *d̀̀gɔ̀kɛ* ‘младший брат’, *s̀̀namuso* ‘со-жена’. Далее речь пойдёт исключительно о ТР второй группы. Полисемичные и наиболее частотные ТР (*mùso*, *kè(cè)* и *dén*) обсуждаться не будут, так как разметать вручную их употребления в качестве ТР долго и не всегда возможно однозначно определить семантику каждого конкретного употребления. Таким образом, наша выборка составляет 1387 употреблений ТР, в том числе 1023 с посессором, а 364 – без посессора.

В данном исследовании отсутствие эксплицитно выраженного посессора понималось исключительно формально. В категорию ТР без

² Допустима интерпретация некоторых из этих существительных как апеллятивов, ср. с русским *отец*, *брат* и т.д.

посессора попадали все существительные, слева³ от которых отсутствовал посессор. То есть даже если ТР имел внешнего посессора в левом контексте, он попадал в категорию ТР без посессора. При формулировке запросов учитывалась вероятность появления зависимого от посессора прилагательного (*bá jùman dën* ‘ребёнок хорошей матери’) и посессивного послелога *ká*⁴ (*à ká sinamuso* ‘её со-жена’).

Наличие послелога *ká* в посессивной группе с ТР – редкое явление, так как в бамана посессивные конструкции с реляционными именами в качестве зависимых обычно образуются без посессивного послелога *ká* (1-4, 9-14). Такая конструкция называется конструкцией неотчуждаемой принадлежности. Однако в корпусе зафиксировано несколько примеров ТР в конструкциях отчуждаемой принадлежности, то есть с послелога *ká*. В (4-7) между посессором и ТР есть посессивный послелог *ká*.

- (5) *Dó ká bá dè mána sà...*
 некоторый POSS мать FOC COND.AFF умирать
 ‘Если мать некоторого человека умрёт...’ *sidibe-basa_ku*.
- (6) *Á tàga-ra sé à ká kòroke*
 3SG идти-PFV достигать 3SG POSS старший.брат
sìgi-len mà.
 сидеть-PTCP.RES PP
 ‘Он пришёл к своему сидящему брату’ *meyer_gorog-contes_bambara*.
- (7) *Dawuda ká kòroke nà-na sùnɔgɔ.*
 Дауда POSS старший.брат приходит-PFV спать
 ‘Старший брат Дауды пошёл спать’ *meyer_gorog-contes_bambara*.
- (8) *Ń bá ká sinamuso ká filen cì-ra*
 1SG мать POSS со-жена POSS калембаза бить-PFV
ń bólo.
 1SG рука
 ‘Калембаза со-жены моей матери разбилась в моих руках’
meyer_gorog-contes_bambara.

³ В бамана в генитивной именной конструкции посессум следует за посессором.

⁴ Наличие посессивного послелога при посессоре перед ТР – редкое явление, при этом даже если послелог есть, его можно опустить.

По этим немногочисленным примерам трудно судить о наличии общей закономерности, связанной с возможностью использования *ká* в посессивных конструкциях с реляционными именами.

2.2. Отсутствие посессора и детерминативы

Для исследования контекстов отсутствия посессора по данным Корпуса была необходима гипотеза о наличии некоторых формальных факторов, связанных с возможностью опущения посессора. Была сформулирована рабочая гипотеза, согласно которой наличие или отсутствие посессора при ТР может быть связано с наличием при нём детерминативов.

Детерминативы в бамана подразделяются на количественные числительные и собственно детерминативы, которые в свою очередь делятся на квантификаторы и шифтеры⁵ (*wére* ‘другой’, *mín* ‘который’, *yèrê* ‘тот самый; сам’, *dóron* ‘только’). Квантификаторы по-разному влияют на референциальный статус существительного. Референтные определённые (*nín*, *ín* ‘этот’, *ò* ‘тот’) и референтные неопределённые (*dó* ‘один, некий’, *dámado* ‘несколько’) повышают референциальный статус существительного, нереперентные неопределённые или генерические (*béé* ‘все, весь, всё’, *sí* ‘никакой’), напротив, понижают его. По корпусу было проверено, существует ли связь между наличием в ИГ различных детерминативов и возможностью опущения посессора. ИГ с детерминативом *ò* ‘тот’ в выборку не вошли, так как он занимает левую позицию по отношению к ИГ, совпадающую с позицией посессора. Множественное число в ИГ с детерминативами маркируется на детерминативах, так что проверялись как формы ед. ч., так и мн. ч. (*nínnu*, *innu*, *nínw*, *ínw*, *dów*). Исключением является детерминатив *béé* ‘все, весь, всё’, при котором клитика мн. ч. присоединяется к существительному, если референция осуществляется к каждому конкретному и определённому участнику группы.

Таблица 2 иллюстрирует зависимость между наличием/отсутствием собственно детерминатива в ИГ и выраженностью посессора.

Как и все последующие таблицы, Таблица 2 организована следующим образом: в столбцах представлена информация о количестве ИГ с посессором и без, а в строках количество ИГ с детерминативами и без (с указанием долей). В столбце «Доля употреблений без посессора» указано соотношение количества ТР без посессора к общему количеству вхож-

⁵ Здесь и далее источником сведений о грамматике бамана является статья «Бамана» В. Ф. Выдрин в энциклопедии «Языки мира» [Выдрин 2017: 46-143].

дений. Данные каждой таблицы были проверены тестом на статистическую значимость хи-квадрат (*chi-square test*), который позволяет постулировать наличие корреляции между проверяемыми параметрами, сравнивая наблюдаемое распределение с ожидаемым. Результатом теста является значение p – вероятность того, что различие между наблюдаемым и ожидаемым распределением могло возникнуть случайно, то есть чем меньше значение p , тем более значимо распределение.

Таблица 2. Посессор и собственно детерминативы

	Есть посессор	Нет посессора	Доля употреблений без посессора	ВСЕГО
Есть собственно детерминатив	17	22	0,6	39
Собственно детерминатива нет	1023	342	0,3	1365
ВСЕГО	1023	364		1387

Согласно данным, представленным в Таблице 2, наличие собственно детерминатива коррелирует с опущением посессора. Распределение статистически значимо ($p < 0.001$), доля употреблений без посессора ИГ с детерминативами выше, чем аналогичная доля для ИГ без детерминативов (0,6 vs. 0,3). В (9) *dʒoʔke* ‘младший брат’ имеет эксплицитно выраженного посессора *à* ‘его’, но не имеет детерминатива, тогда как в (10) *kə̀roʔke* ‘старший брат’ употребляется без посессора, но с детерминативом *in* ‘этот’.

- (9) *Û ká mùso-w fúru ká*
 3PL POSS женщина-PL жениться QUAL.AFF
dí à dʒoʔke-w mà.
 быть.приятным 3SG младший.брат-PL PP
 ‘Женитьба нравится его младшим братьям’ berete-faba_janjo.
- (10) *Nká kə̀roʔke in tà ké-ra*
 но старший.брат этот собственность делать-PFV

nin уé.

это PP

‘Но это предназначалось старшему брату’ tarawele-faciyen.

Таблица 3 иллюстрирует зависимость между наличием/отсутствием числительного в ИГ и выраженностью посессора.

Таблица 3. Посессор и числительные

	Есть посессор	Нет посессора	Доля употреблений без посессора	ВСЕГО
Есть числительное	3	21	0,9	24
Нет числительного	1020	343	0,2	1363
ВСЕГО	1023	364		1387

Наличие числительного также связано с опущением посессора, распределение, представленное в Таблице 3, не могло возникнуть случайно ($p = 0$), доля употреблений TP с числительными без посессора в несколько раз больше, чем доля без числительных (0,9 vs. 0,2). Ср. пример (11), где TP *bá* ‘мать’ с числительным не имеет эксплицитно выраженного внутреннего посессора.

(11) *À bɛ bá fila béɛ sín mìn.*

3SG IPFV.AFF мать два все грудь пить

‘Он пьёт грудное молоко обеих матерей (букв.: всех двух)’

jama14_30dunbuaya-kante_solomana.

Таблица 4 иллюстрирует зависимость между наличием/отсутствием квантификаторов в ИГ и выраженностью посессора. Квантификаторы разделены на три группы: определённые референтные ((*n*)*in* ‘этот’), референтные неопределённые (*dɔ* ‘некоторый’) и нереперентные (*béɛ* ‘весь, все’, *sí* ‘никакой’).

Таблица 4. Посессор и квантификаторы

		Есть посессор	Нет посессора	Доля употреблений без посессора	ВСЕГО
Есть кванти- фикатор	опред.	8	15	0,7	23
	<u>реф.</u>	2	0	0	2
	<u>нереф.</u>	6	4	0,4	10
Нет кванти- фика- тора	опред.	1015	349	0,3	1364
	<u>реф.</u>	1021	364	0,3	1385
	<u>нереф.</u>	1017	360	0,3	1377

Распределение оказалось значимым только для определённых детерминативов ($p \ll 0,001$). Ср. (12), где при TP *bá* ‘мать’ не выражен посессор, но есть определённый детерминатив *nìn* ‘этот’.

(12) ...*kà nà dúmuni dí bá nìn mà*
 INF FUT.AFF пища дать мать этот PP
dùgutilama fê.
 полночь PP

‘... и покорми эту мать в полночь’ meyer_gorog-contes_bambara.

Что касается неопределённых детерминативов, согласно статистическому тесту, их наличие никак не коррелирует с наличием посессора. Это можно объяснить тем, что важным фактором, определяющим наличие или отсутствие выраженного посессора, является референциальный статус. Посессор необходим для интерпретации TP, то есть за счёт посессора происходит повышение референциального статуса всей ИГ. Если TP уже обладает высоким референциальным статусом, как в случае наличия детерминатива (*n*)*n* ‘этот’, вероятность опущения посессора увеличивается. Детерминативы же *dó* ‘некоторый’, *bée* ‘весь, все’ и *sí* ‘никакой’, напротив, понижают референциальный статус (или, по крайней мере, не повышают его) и никак не способствуют отсутствию посессора. Так, в примерах (13, 14) при TP с неопределёнными детерминативами посессор выражен.

- (13) *Môgɔ fâ tɛri tɔn yé í fâ dɔ́*
 человек отец друг PST EQU 2SG отец некоторый
yé.
 PP
 ‘Друг отца был одним из твоих отцов’ *dumestre-
 geste_5biton_genies.*
- (14) *Dén fâ àní dén bá bée bé*
 ребёнок отец и ребёнок мать все IPFV.AFF
hámi.
 грустить
 ‘Все отцы и матери ребёнка грустят’ *jekabaara329_11sidibe-
 an_ka_korolenw.*

3. Некоторые выводы

Итак, к формальным признакам, связанным с опущением посессора при TP, относится наличие детерминативов. Детерминативы в какой-то степени уже интерпретируют TP, выполняя, таким образом, функцию потенциального посессора. К тому же, формальное наличие большинства детерминативов – это отражение повышения референциального статуса ИГ. Исключением являются неопределённые детерминативы-квантификаторы *dɔ́* ‘некоторый’, *bée* ‘весь, все’ и *sí* ‘никакой’, понижающие референциальный статус. Их наличие оказалось не связанным с опущением посессора, что может расцениваться как аргумент в пользу определяющей роли референциального статуса при опущении посессора: чем выше референциальный статус TP, тем больше вероятность опущения посессора.

Список сокращений

ИГ – именная группа
 TP – термин родства
 COND.AFF – утвердительный условный показатель
 EQU – эквативная копула
 FOC - фокализатор
 FUT.AFF - утвердительный показатель будущего
 INF – показатель инфинитива
 IPFV.AFF – утвердительный показатель имперфектива
 PFV.TR - показатель перфектива для переходных глаголов
 PFV – суффикс утвердительного перфектива (для непереходных глаголов)

POSS – посессивный послелог

PP – послелог

PST – показатель ретроспективного сдвига

PTCP.RES – суффикс результативного причастия

REFL - рефлексив

QUAL.AFF – утвердительный показатель квалификативного глагола

QUAL.NEG – отрицательный показатель квалификативного глагола

SG – единственное число личных местоимений

Литература

- Выдрин 2017 — В. Ф. Выдрин. Бамана язык // Языки мира: Языки манде / Отв. ред. В. Ф. Выдрин, Ю. В. Мазурова, А. А. Кибрик, Е. Б. Маркус. М.: Институт языкознания РАН. — СПб.: Нестор-История, 2017. С. 46-143.
- Le Corpus Bambara de Référence*: [Электронный ресурс]. <http://cormand.humanum.fr/>. (Дата обращения: 17.04.2017).
- Dahl, Koptjevskaja Tamm 1998 — Ö .Dahl and M. Koptjevskaja Tamm. Alienability splits and the grammaticalization of possessive constructions // XVIth Scandinavian Conference of Linguistics. University of Turku & Åbo Akademi, 1998. P. 44-45.

Елизавета Вячеславовна Волкова
Ecole Pratique des Hautes Etudes / Institut des mondes africains
elivolk@gmail.com

«Африканское имя» исследователя в жизни и в поле

Исследователи, работающие с информантами из Западной Африки или проводящие исследования в странах Западной Африки, в определенный момент получают местное имя. Это событие может остаться лишь неприметным фактом в череде этнографических событий и открытий, а может и сопровождать человека всю его научную карьеру, наложив отпечаток, более или менее сильный, на собираемый полевой материал.

1. Контекст

Данная статья основана на опыте моих полевых исследований, проведенных в регионе Казаманс (Сенегал) с 2007 по 2016 гг.

Казаманс представляет собой историческую область на юге Сенегала, расположенную между южной границей Гамбии и северной границей Гвинеи-Бисау. С точки зрения административно-территориального деления, Казаманс включает в себя три региона: Зигиншор, Кольда и Седью.

Мои полевые исследования были посвящены шуточному родству в Казамансе, а именно, у народов джоола и мандинка.

Феномен шуточного родства широко распространен как на африканском континенте, так и за его пределами. Отношения шуточного родства могут устанавливаться между этническими группами, между кланами, деревнями и кварталами в пределах одной деревни, между некоторыми родственниками (например, кросс-кузенами), и т.д. Шуточное родство проявляется в повседневной жизни в обязательном ритуальном подшучивании, в поведении, которое допустимо в рамках шуточного родства, но в другой ситуации может считаться неприемлемым. Кроме того, шуточное родство несет в себе функцию разрешения конфликтов, когда партнера по шуточному родству привлекают для примирения противоборствующих сторон [Fouéré 2005; Canut, Smith 2006].

Изучение такого рода отношений в поле возможно прежде всего с помощью бесед и интервью. Но особое место в моем исследовании зани-

мали наблюдения, в частности, включенное наблюдение. Именно поэтому вопрос максимально возможной интеграции в изучаемое общество во время полевого исследования стоял для меня так остро.

2. Имя

У мандинка, как и у других народов манден, клановое имя, используемое в качестве фамилии, имплицитно содержит ряд важных сведений, касающихся носителя этого имени: этническую принадлежность, географическое происхождение, место, которое он занимает в социальной иерархии. Клановое имя может сообщить нам о принадлежности человека к одной из социо-профессиональных групп: «свободных» или «благородных» людей — *fóro*, или же так называемых каст *ñàmaala* [Tamaɾi 1997]. Принадлежность к третьей группе — людям подневольного статуса, потомкам «рабов» — в большинстве случаев, не может быть отпределена по имени. Военнопленные, попадавшие в эту категорию, обычно получали имя семьи *fóro*, к которой они были прикреплены. Что касается географической составляющей, есть клановые имена, распространенные во многих странах региона (Джало, Сисе), но есть и другие, более локальные. Например, мандинка четко выделяют *pàka-wunka*, жителей исторической области Пакао, для которых характерны следующие клановые имена: Кома, Коте, Баро, Силаме и Соли.

У джоола нет кланов, как нет и иерархической социальной структуры, подобной той, которую мы встречаем у мандинка¹. Фамилии у них появились не так давно, возможно, в колониальную эпоху, когда возникла необходимость составления колониальных регистров гражданского состояния [Thomas 1975:177; Diédhiou 2011:63; Diatta 1998: 86]. В Казамансе рассказывают о человеке, который в то время систематически записывал своих соседей по деревне под фамилией Джатта, чтобы они могли получить удостоверение личности. Считается, что именно поэтому эта фамилия настолько распространена в Нижнем Казамансе, в районе побережья: в деревнях Усуй, Кабрус, Джемберенг, Юту, Эфок. При этом, фамилии джоола чаще всего говорят нам об этнической и географической принадлежности собеседника. Например, по фамилии Баджи также можно с высокой долей вероятности определить джоола.

¹ Поэтому мы будем различать «фамилии», говоря о джоола, и «клановые имена», если речь идет о бамана и мандинка.

Набор фамилий / клановых имен в Казамансе сравнительно невелик. Мне удалось собрать список, состоящий из примерно 200 фамилий и клановых имен.

Как у джоола, так и у мандинка во время знакомства у собеседника принято всегда спрашивать имя и фамилию. Это позволяет сразу же понять, с кем человек имеет дело, определить место собеседника в социальной структуре, его происхождение (для джоола весьма важно, из какой деревни происходит человек). У джоола банджаль знакомство может выглядеть так:

- *Kasumay* ? 'Как дела ?'
- *Kasumay bare!* 'Все в порядке !'
- *Kajayi bu* ? 'Как твое имя ?'
- *Robert*. 'Робер'.
- *Kasaafi bu* ? 'Как твоя фамилия? ?'
- *Manga*. 'Манга'.
- *Yo* ! 'Хорошо!'

У мандинка ситуация знакомства выглядит следующим образом:

- *Í wùraara!* 'Добрый вечер!'
- *Kònton?* 'Клановое имя?'
- *Faati*. 'Фати.'
- *Faati, Faati!* 'Фати, Фати!'

Важно помнить, что границы этой социальной структуры больше не являются настолько четкими, изменения в обществе, происходящие естественным образом, меняют его устои. Но, в любом случае, владение этой информацией необходимо и неизбежно для понимания функционирования изучаемых нами обществ.

3. Как дают имя европейскому исследователю

Нередко первые шаги исследователя в поле начинаются с получения «местного» имени. Это характерно для разных культур, не только западноафриканских².

Факт получения иностранцем местного имени автоматически вписывает его в сложную структуру общественных отношений. Как отмечают Клеменс Зобель и Ян Янсен [Jansen, Zobel 2004: 118], «Клановое имя

² Например, Мельвин Коннер, работавший в Ботсване, описывает ситуацию, когда его зятю-европейцу впервые дали местное имя, что было необходимым для того, чтобы стать полноправным человеком, членом общества [Konner 2011].

является необходимостью в мандингском контексте, чтобы быть принятым всерьез в ходе построения социальных отношений, без этого имени нет личности. Клановое имя дает привязку к прошлому и связь с другими членами общества. Это необходимое условие достойного поведения».

Известно, что у многих ученых-африканистов есть «африканское имя» которое они используют в большей или меньшей степени. Для одних это имя остается исключительно в рамках «поля», другие пользуются им как в поле, так, например, и в своих публикациях³, и др.

Если вернуться к вопросу кланового имени как маркера социальной и профессиональной принадлежности, стоит отметить, что исследователи-иностранцы чаще всего получают имена категории «свободных» / «благородных» людей. Поскольку имя является, в некотором роде, инструментом интеграции, «кастовые» имена даются иностранцам редко. Связано это, по всей видимости, с тем, что касты занимают особое место в общественной иерархии, что они выполняют специфические функции, традиционно недоступные другим категориям. Принадлежность к профессиональной «касте» зачастую предполагает владение предписанным ей ремеслом или искусством: игрой на музыкальных инструментах, знанием устной традиции, изготовлением железных сельскохозяйственных орудий, выделкой кожи, и т.д. Кроме того, люди, принадлежащие к этой группе, выполняют ряд ритуальных, символических и магических функций: проведение обряда мужской и женской инициации, участие в деятельности тайных обществ. Исключение может быть сделано для ученых, прицельно занимающихся исследованием каст и стремящихся досконально изучить их функции в обществе и особенности их ремесла.

Обычно африканское имя и фамилию дает молодому исследователю его первый серьезный информант, или же один из членов семьи, которая принимает его во время первого полевого исследования. В первом случае, чаще всего, выбираются простые, распространенные имена и клановые имена, которые никоим образом не могут повредить работе исследователя в поле, его интеграции в изучаемое общество. Если же речь идет о принимающей семье, то исследователь получает клановое

³ Например, Клеменс Зобель и Ян Янсен подписали упомянутую выше статью [Jansen, Zobel 2004 :118] не только своими европейскими именами, но и малийскими – Брехман Джабате и Сидики Куяте. На обложке бамана-французского словаря Шарля Байёля также фигурирует и его малийское имя – Баабилен Кулибали.

имя этой семьи, и символически «принимается» в семью на правах младшего родственника: сына или дочери, брата или сестры.

4. Интеграция с помощью имени

Стоит уточнить, что такое «усыновление» или «удочерение» принимающей семьей нового европейского «родственника», так же как и интеграция в общество с помощью местного имени, является своего рода игрой. Вновь приобретенная идентичность зачастую используется нами «понарошку», при этом помогая нам максимально приблизиться к объекту исследования в условиях, близких к реальным. В процессе сбора полевого материала исследователю приходится постоянно переходить от своей настоящей идентичности к идентичности местной, связанной с местным именем. Даже в том случае, когда информанты знают настоящее имя исследователя, они могут обращаться к нему по местному, новому имени, что, с одной стороны, однозначно дает ему привязку к изучаемому обществу, но, с другой стороны, все участники исследования понимают, что речь идет о фикации, о чисто символической интеграции.

У многих народов Западной Африки хорошо развит и отработан процесс интеграции человека в новое для него общество с помощью имени. Интеграция ближайших соседей происходит благодаря наличию эквивалентов у многих клановых имен, которые меняются от региона к региону и от народа к народу. Например, баманское клановое имя Джара превращается у сенегальских волофов в Ндйя, Траоре – в Диоп, Сидибэ – в Соу. Человеку путешествующему или переехавшему на новое место жительства это помогает находить свое место в новой социальной структуре. С течением времени «старое», «настоящее» имя может постепенно утратиться. Так, один из моих информантов на юге Сенегала с большим трудом нашел следы своих родственников, много лет назад перебравшихся на север страны. Дело в том, что на новом месте все знали их исключительно под новой фамилией Диоп, которая как раз является таким официальным эквивалентом их прежнего кланового имени Траоре.

5. Новое имя и стратегии его использования

Если получение нового местного имени – достаточно обыденное явление, то использование этого нового имени, жизнь с ним может проходить по-разному. Необходимо четко представлять себе различные возможные стратегии использования местного имени (а также своей новой, местной идентичности).

В этой связи большой интерес представляет анализ, проведенный Яном Янсенем и Клеменсом Зобелем [Jansen, Zobel 2004]. Ученые рассказывают о своем опыте полевого исследования, проведенного под клановыми именами касты гриотов. Описываются две возможные стратегии поведения: полное принятие своей новой идентичности, связанной с местным именем, или же наоборот, сохранение исследователем своей настоящей идентичности и имени, когда подчеркивается исключительно символический характер получения местного имени. Каждая из выбранных стратегий имеет свои сильные и слабые стороны в том, как она оказывает влияние на сам ход полевого исследования, на получение доступа к информации, на методологические аспекты и полученные результаты. Факт принятия нового имени определяет наше положение в изучаемом обществе. При этом важно быть осмотрительным при любых манипуляциях с новым именем. Незнание культурных кодов, местного контекста может спровоцировать затруднительные для исследователя ситуации.

Для своих полевых исследований я выбрала первую стратегию: работать, насколько возможно, под местным именем и использовать его как методологический инструмент работы в поле.

Свое баманское имя, Фанта Джара, я получила в Санкт-Петербурге от своих информантов-малийцев. Я намеренно сохранила это имя в дальнейшем, во время экспедиций в Сенегал⁴. Сенегальские мандинка воспринимали это имя как малийское, поэтому меня часто определяли как *tilibojka* ('живущий на востоке', слово, используемое для обозначения бамана). Благодаря системе эквивалентов западноафриканских клановых имен, о которой говорилось выше, мне удалось воспользоваться всеми благами интеграции в исследуемом обществе, которые может дать местное имя.

Факт наличия у меня африканского имени имел большое значение для моего исследования: я могла практически на равных с моими информантами участвовать в ситуациях ритуального подшучивания. Мне была предоставлена возможность погрузиться в удивительный мир ритуальных насмешек, где необходимо постоянно чувствовать грань между

⁴ Считается, что факт сохранения исследователем своего первого нового имени приветствуется информантами, поскольку свидетельствует об уважении исследователя к человеку, давшему ему местное имя и помогшего ему сделать первые шаги в новой культуре.

разрешенным и недопустимым, смешным и грубым, игрой и реальностью. Мне пришлось изучить то, как устроены отношения шуточного родства между кланами, как они работают. Чтобы начать коммуникацию в рамках шуточного родства, необходимо убедиться, что собеседник знает и разделяет то, что мы с ним (как представители определенных кланов или определенных деревень, и т.д.) состоим в этих отношениях и, соответственно, нам предписано ритуальное подшучивание друг над другом. Такие отношения являются симметричными, они возможны в том случае, если все участники беседы принимают правила игры.

Коротуму Траоре родилась в Мали, но живет со своей племянницей Хади Траоре в Зигиншоре, по соседству с принимающей меня семьей. Они связаны отношениями шуточного родства с «моим» кланом Джара. После нашего знакомства я несколько раз заходила к ней в гости: поприветствовать ее, побеседовать. Во время одной из таких бесед с Коротуму я решила обратиться к ритуальным насмешкам в рамках шуточного родства. Я сказала ей, что в её клане нет хороших людей. В обычной ситуации это могло бы расцениваться как беспричинное оскорбление. Однако Коротуму поняла, что речь идет именно о ритуальных насмешках, что позволило ей, в свою очередь, ответить мне подобающим образом. С тех пор каждый мой визит к Коротуму сопровождался ритуалом шуточного родства. Племянница Коротуму последовала ее примеру. Например, она обращалась ко мне «Траоре», предлагала мне сменить клановое имя на Траоре. Каждый раз она предлагала мне поесть, поскольку «все Джара - обжоры», предлагала приготовить для меня бобы, и т.д.

Описанная ситуация, возникшая в ходе моего полевого исследования, позволила мне, во-первых, воссоздать практически спонтанные моменты взаимодействия, возникающего между людьми, связанными отношениями шуточного родства, освоить правила и рамки подобного взаимодействия, набор возможных тем для подшучивания, и во-вторых, более легко и свободно задавать информантам вопросы, касающиеся разных аспектов шуточного родства.

В отличие от мандингов, у джоола практически не существует подобной возможности интеграции посредством имени. В отсутствие клановой структуры, иерархизированных социальных групп, джоола приобрели паспортные фамилии относительно недавно, и поэтому они не играют такой важной роли, как клановые имена *jàmu* у бамана и *kòntonɔŋ* мандинка. Поэтому информанты джоола и не стремятся давать иностранцам местные имена для их интеграции в общество: поскольку их общественное устройство отличается, например, от бамана и мандинка, то и механизмы

интеграции здесь другие, более сложные. Во время моей первой экспедиции в деревню джоола информанты «примеряли» мне несколько местных имен (но не фамилий), но ни одно из них мне «официально» так и не дали.

6. Местное имя и трудности полевой работы

Нельзя не согласиться с тем, что местное имя во многом облегчает интеграцию исследователя в поле, в частности, среди манден. Становится возможным непосредственно и без особых трудностей получить место в обществе, получить идентичность, даже понимая, что это имя, эта идентичность – являются заимствованными, как бы взятыми напрокат. Такая позиция «альтер эго» позволяет приблизиться к идеальной ситуации полевого исследования, когда ученый, с одной стороны, максимально возможно интегрируется в изучаемое общество, чтобы уменьшить воздействие своего присутствия на информантов, но при этом сохраняет дистанцию, необходимую для анализа, для исследовательской работы.

Также очевидно, что полевое исследование, намеренно проводимое под местным именем, имеет свои недостатки, свои границы применимости и свои трудности.

Тот факт, что исследователь отзывается на имя, которое явно не является его настоящим именем, нередко вызвало, по моим наблюдениям, негативную реакцию местных жителей, особенно среди молодежи. Их критика относительно использования местного имени доходила до обвинений во лжи, в стремлении обмануть, обхитрить информантов. Подобные ситуации не прибавляли взаимопонимания с информантами.

Другая трудность заключается в том, что местные личные имена, которые получают иностранцы, несут в себе религиозную коннотацию⁵. Подавляющее большинство мандинка (как и бамана) исповедуют ислам, следовательно, велика вероятность, что иностранца назовут распространенным местным именем, воспринимаемым как мусульманское. Поэтому тот факт, что исследователь отзывается на такое имя, вызывает интерес и вопросы относительно его религиозной принадлежности. Многие из моих информантов, соседей и собеседников

⁵ Тесное сосуществование в Казамансе христианства и ислама приводит к тому, что личное имя не всегда отражает религиозную принадлежность его носителя. Так, здесь можно встретить людей, которых зовут Катрин Фату (христианское и мусульманское имя), Абу Жан-Жак и т.д.

мандинка неоднократно подчеркивали необходимость принять ислам для человека, который добровольно соглашается, пусть и временно, носить имя, считающееся мусульманским. Известно, что во многих культурах при переходе в другую религию человек получает новое имя.

Подобные трудности могут возникнуть у исследователя, который работает под именем, говорящем о принадлежности к профессиональным кастам. Неспособность выполнять профессиональные и символические функции, ожидаемые от человека кастового происхождения, может также спровоцировать негативное отношение информантов к исследователю.

Кроме того, как было сказано выше, получая местное имя, мы получаем все связанные с ним атрибуты, в частности, определенное место в общественной иерархии. В западной научной среде ведется дискуссия об исследовании «у себя»: может ли ученый успешно изучать свою собственную культуру [Diawara 1985 ; Ouattara 2004]? Какую-то информацию, которая может быть «секретной» для членов данного общества или его части, могут доверить иностранному исследователю по той причине, что он — иностранец, и потому не сможет использовать ее неправильно, во вред себе или другим. По этой же причине «своему» могут не открыть всех дверей: он – часть этого общества, где есть информация, скрытая от мужчин, от женщин, от людей, не имеющих детей, не прошедших инициацию и т.д. Иностранец – в первую очередь иностранец, для него/неё не важны различия пола и возраста, он далек от данного общества, поэтому ему могут многое доверить. Именно поэтому, принимая местное имя, мы становимся в меньшей степени чужаками, и от нас ждут поведения, предписанного категории, в которую мы попали. Так, например, когда гриот воспевает клан Джара, присутствующие представители этого клана должны щедро отблагодарить гриота. Когда представителем клана Джара оказываюсь я, то ожидается, что гриоту заплачу именно я. Таким образом, мне приходится поддерживать отношения, которые традиционно существуют между различными социальными категориями: свободные или благородные люди поддерживают дистанцию с людьми кастового происхождения и ведут себя с ними в соответствии с правилами этикета.

В заключение стоит отметить, что заимствованное местное имя может эффективно использоваться в качестве метода полевого исследования у многих народов Западной Африки. Существующая традиция интеграции ближайших соседей посредством кланового имени доказала свою продуктивность. Особенно эффективно действует этот механизм для изуче-

ния шуточного родства: возможность оказаться «в шкуре» местного человека позволяет быть принятым всерьез, понять изнутри сущность этих отношений. Однако необходимо на протяжении всего исследования отдавать себе отчет в субъективности собранных таким образом данных и в их качестве относительно той идентичности, которую мы берем за точку отсчета.

Литература

- Canut, Smith 2006 — C. Canut, E. Smith. Pactes, alliances et plaisanteries. Pratiques locales, discours global // Cahiers d'études africaines 184.
- Diatta 1998 — Ch. S. Diatta. Parlons jola. Paris : L'Harmattan.
- Diawara 1985 — M. Diawara. Les recherches en histoire orale menées par un autochtone ou l'inconvénient d'être du cru // Cahiers d'Études africaines XXV, 97 (I). P. 5-19.
- Diédhiou 2011 — P. Diédhiou/ L'identité jóola en question (Casamance). Paris: Karthala.
- Fouéré 2005 — M.-A. Fouéré. Les métamorphoses des 'relations à plaisanteries' // Cahiers d'études africaines 178.
- Zobel, Jansen 2004 — B. Diabate (C. Zobel), S. Kouyate (J. Jansen). The researcher and his host in Mande // Jansen J. (Ed.) Mandé-Manding: Background Reading for Ethnographic Research in the Region South of Bamako. P. 118-130.
- Konner 2011 — M. Konner/ Two Women // Davis S.H., Konner M. (Eds.) Being There. Learning to Live Cross-Culturally. Harvard University Press. P. 66-83.
- Ouattara 2004 — F. Ouattara. Une étrange familiarité. Les exigences de l'anthropologie « chez soi » // Cahiers d'études africaines 175. P. 635-657.
- Thomas 1958 — L.-V. Thomas. Les Diola. Essai d'analyse fonctionnelle sur une population de Basse-Casamance. Dakar: Ifan.

В. Ф. Выдрин

INALCO — LLACAN — IUF — СПбГУ, vydrine@gmail.com

ВЫРАЖЕНИЕ ПРЕДИКАЦИИ КАЧЕСТВА В ГВИНЕЙСКОМ МАНИНКА

Вместо введения

В фештшифты принято писать статьи, темы которых близки к сфере интересов юбиляра или хотя бы оказываются смежными с ней. В нашем случае сделать это не так трудно: юбиляр интересуется буквально всем — от верховьев Нигера до низовьев Конго [Желтов 2008], от дитранзитивов в языке ньонг [Желтов 2014: 164-166] до приоритета интересов личности над интересами государства [Желтов 2015: 604-606]¹. После некоторый колебаний, я решил попытаться избежать ловушки банальности и выбрать тему, которой юбиляр, как мне казалось, специально не занимался. Но когда моя статья уже дописывалась, я обнаружил, что эта попытка оказалась неудачной [Желтов 2014: 159-60; Желтов 2016: 83-84] — но, может быть, оно и к лучшему.

1. История вопроса

Публикаций, посвящённых полностью или частично изучению качественных глаголов и прилагательных в языках манден, не так уж и мало [Creissels 1985, 2003; Vydrine 1990; Выдрин 2004; Tröbs 2008], и для таких языков, как бамана или мандинка, ситуация уже достаточно ясна. В несколько упрощённом виде она может быть представлена так.

В бамана выделяется лексико-грамматический класс качественных (качественных) глаголов, который можно считать особой частью речи (хотя включение его в качестве подкласса в часть речи «глагол» также допустимо). Качественные специализированы в функции предикативного выражения качества; от остальных («динамических») глаголов они отличаются по морфосинтаксическому критерию (имеют свой набор предикативных показателей — служебных слов, формирующих аналитическое

¹ Злые языки уличают его и в интересе к русскоязычным племенам людоедов, проживающим вблизи танзанийской границы (см., в частности, <http://othereal.ru/afrikanskoe-plemya-lyudoe-dov-govorit-po-russki/>), однако эта непроверенная информация здесь рассматриваться не будет.

спряжение, — не совпадающих с предикативными показателями «динамических» глаголов), а также иной деривационной моделью. В то же время в бамана имеются и прилагательные, основное употребление которых — в качестве атрибутивного определения существительного. Прилагательные образуют особую часть речи, включающую в себя и непроезводные лексемы (число которых достаточно велико), и значительное количество производных лексем, образованных от существительных или от качественных глаголов деривацией или конверсией. Качественные глаголы в бамана сравнительно немногочисленны, их всего около 60, однако они (и производные от них прилагательные) выражают ядерные адъективные значения. Прилагательных значительно больше; в словаре *Bamadaba* (Bailleul et al. 2011-2017) их насчитывается более 600 (т.е. около 5% всей лексики), при этом более половины из них — производные.

В мандинка качественные глаголы отсутствуют; качественный предикат выражается формой фактатива глаголов соответствующей семантики, формально не отличающихся от всех остальных глаголов. Имеются также прилагательные [Creissels & Sambou 2013: 100-103] — часть речи, близкая по своим характеристикам к аналогичной части речи в бамана.

Возникает соблазн представить способы предикативного выражения качества в идиомах манден в виде одной шкалы, на которой бамана и мандинка фигурировали бы как крайние точки, однако такое представление не вполне корректно. Помимо критерия «наличие/отсутствие формального класса качественных глаголов», важными оказываются и другие факторы, комбинации которых оказываются многомерными и особыми для каждого идиома. Иначе говоря, ситуация в каждом идиоме заслуживает отдельного внимательного рассмотрения. Здесь будут рассмотрены формальные средства для выражения предикативного качества в гвинейском мандинка.

2. Базовые сведения о гвинейском мандинка

Гвинейский мандинка является родным языком для 4-5 миллионов человек, главным образом в области Верхняя Гвинея, но также и в Лесной Гвинее, на Фута-Джаллоне, в столице Гвинеи, Конакри; имеется и весьма значительная диаспора гвинейских мандинка в Сьерра-Леоне и Либерии. Ещё несколько миллионов человек пользуются гвинейским мандинка как языком межэтнического общения.

В данной статье используется официальная гвинейская орфография для мандинка, основанная на африканском варианте МФА (главные отличия от универсального МФА: *c* обозначает глухую среднеязычную

аффрикату, *j* – звонкую среднеязычную аффрикату). Тоны в латинской графикой обозначаются в соответствии с принципами, принятыми в Справочном корпусе манинка [Maslinsky, Rovenchak, Vydrin 2016-2017].

Допустимые типы слога в манинка – V, CV, CVn (*n* обозначает носовой элемент, который, возможно, следует считать гласным нулевой степени открытости с ограниченным распределением). Имеется два тона, высокий и низкий (обозначаются, соответственно, акутом и грависом), при этом сферой действия тона является, как правило, целое слово (независимо от его длины), поэтому для определения тонального контура слова достаточно обозначения тона первого слога. В некоторых типах именных и глагольных конструкций тон первого слова распространяется на всю синтагму, которая при этом функционирует как тонально-компактное единство. На поверхностном уровне реализация тонов регулируется достаточно сложными правилами (их краткое изложение дано в предисловии к словарю [Выдрин, Томчина 1999]). Знаком апострофа в постпозиции к слову обозначается «плавающий» низкий тон, который выступает в манинка в функции референтного артикля. Тональная нотация в данной статье соответствует таковой, принятой в Справочном корпусе манинка (ср. [Maslinsky, Rovenchak, Vydrin 2016-2017], а также рекомендациям по обозначениям тонов в [Diané & Vydrin 2014]).

Порядок слов в простом предложении фиксированный. В глагольном предложении: Подлежащее – Предикативный показатель – (Прямое дополнение) – Глагольное Сказуемое – (Косвенное/ Непрямое дополнение/ Сирконстант) – (Послелог). Предикативный показатель кумулятивно выражает видо-временные и модальные характеристики и полярность; показателем переходности глагола является наличие в позиции к нему прямого дополнения (при опущении которого глагол автоматически становится непереходным). В именной группе зависимое существительное (именное определение или посессор) предшествует главному, атрибутивное определение (прилагательное, причастие) следует за определяемым.

При обилии имеющихся материалов по гвинейскому манинка приходится признать, что грамматическая система этого языка остаётся изученной очень поверхностно и несистематически. Одной из лагун оказывается и сфера предикативного выражения качества; заполнению этой лагуны и посвящена данная статья. Материалы для неё были собраны в ходе полевой работы (в разные годы) с Мамади Джане, директором Института прикладных лингвистических исследований (Institut de recherches linguistiques appliquées) в Конакри. Также активно привлекались данные Справочного корпуса манинка [Maslinsky, Rovenchak, Vydrin

2016-2017]; данные из Корпуса снабжены отсылками к источникам, для примеров и Корпуса нко дано и оригинальное написание. Примеры, полученные в ходе элицитации, даются без указания источника; примеры из Корпуса снабжены ссылками на источники.

3. Выражение квалитативной предикации в манинка

В гвинейском манинка имеются две конструкции для выражения квалитативной предикации².

Одна из них аналогична баманской и строится по формуле: $S\ k\grave{a} / m\acute{a}n\ P$, где S — ИГ подлежащего, P — лексема, выступающая в качестве предиката, $k\grave{a}$ — предикативный показатель в утвердительной конструкции, $m\acute{a}n$ — предикативный показатель в отрицательной конструкции. Такую конструкцию я буду называть «квалитативной глагольной», а лексемы, способные выступать в ней в позиции P — «квалитативными глаголами» (как и в бамана)³.

Вторая конструкция имеет вид $S\ P$ — утвердительная, и $S\ P\ t\acute{e}$ — отрицательная, например: $\acute{A}\ s\grave{a}l\grave{a}$. ‘Он ленив’. Можно было бы предположить, что она строится по модели простого предложения со значением идентификации (ср. $M\grave{u}so\` I\grave{e}\ (y\acute{e})$. ‘Это женщина’, $M\grave{d}\grave{o}\ t\acute{e}$. ‘Это не человек’), однако, в отличие от последнего, здесь наличие фокализатора после адъективного предиката не является обязательным (и чаще всего он отсутствует), а наличие копулы невозможно. Лексемы, которые могут заполнять позицию P в такой конструкции, я буду называть «предикативными прилагательными», а саму конструкцию — адъективно-предикативной.

Рассмотрим каждую из этих конструкций, а также оба выделенных класса лексем, более детально.

4. Квалитативная глагольная конструкция и квалитативные глаголы

Эта конструкция по своим характеристикам близка к аналогичной конструкции в бамана [Creissels 1985; Vydrine 1990], однако некоторые её особенности всё же заслуживают обсуждения.

² Здесь не будут рассматриваться особенности выражения вторичной предикации в манинка; это должна быть тема отдельного исследования.

³ Название «качественные глаголы» также представляется приемлемым. Ср. термин «глаголы качества и состояний» у С. И. Томчиной [1978: 40].

4.1. *Предикативные показатели*: В принципе, обсуждаемо и рассмотрение предикативных показателей качественной конструкции — и в бамана, и в манинка — как префиксов, поскольку они всегда непосредственно предшествуют качественным глаголам (т.е. по критерию неотделимости). Надо сказать, что слитное написание этих показателей с качественными глаголами встречается не так уж редко и в баманских, и в манинканских текстах — как в графике нко, так и (особенно) в латинской (впрочем, раздельное написание преобладает повсюду с большим отрывом).

Против префиксальной трактовки этих показателей можно выдвинуть два аргумента.

Во-первых, следует принимать во внимание парадигматический фактор. Хотя парадигма качественных глаголов и не составляет единого целого с парадигмой глаголов динамических, можно считать что она примыкает к ней. То, что предикативные показатели динамических глаголов не являются глагольными префиксами, достаточно очевидно, и представляется логичным распространение не-префиксной трактовки и на качественные показатели.

Во-вторых, в бамана эти показатели оказываются тонально-рецессивными, т.е. они не имеют лексически приписанного им тона и получают тон от левого соседа по известным правилам (см. подробнее [Vydrin 2016]). Таким образом, они оказываются, по фонетическому критерию, правосторонними клитиками и примыкают к ИГ подлежащего (или к оператору прошедшего времени *tùn*), но никак не к качественному глаголу. О тональном поведении этих показателей в манинка будет сказано ниже.

Что же касается критерия отделимости/неотделимости, то для непереходных глаголов (которыми и являются все качественные глаголы) он нерелевантен: все непереходные глаголы (в т.ч. и динамические) непосредственно примыкают к предикативным показателям.

Сегментная форма утвердительного показателя качественной конструкции тривиальна (*ká*). Отрицательный же показатель имеет два алломорфа, *mán* и *má*. В таблице 1 приведена статистика употребления этих алломорфов в двух подкорпусах Справочного корпуса манинка — латинографичном и нко-графичном (далее — «Латинский Корпус» и «Корпус нко»).

Таблица 1. Статистика употребления алломорфов отрицательного предикативного показателя качественной конструкции

	Значение	Корпус нко		Латинографичный корпус	
		<i>mán</i>	<i>má</i>	<i>man</i>	<i>ma</i>
Лексе ма					
<i>dóo</i>	малочисленный	7	0	0	0
<i>fàsan</i>	жесткий	0	1	0	0
<i>fisa</i>	лучший	18	2	3	0
<i>gbèlen</i>	трудный	29	0	6 ⁴ (B)	6
<i>gbílin</i>	тяжелый	2	0	0	0
<i>gbó</i>	плохой, невкусный	5	0	3	0
<i>jàn</i>	длинный	61	6	69 (B)	1
<i>júu</i>	плохой, злой	13	1	9	0
<i>kán</i>	равный; долженствовать	377	34	102	54
<i>kénde</i>	здоровый	18	0	27 (B)	0
<i>nìn</i>	хороший	9	371	69 (B)	39
<i>síya</i>	многочисленный	79	4	45	12
<i>sùdun</i>	короткий	3	0	0	0

Примечания: 1. В таблицу не включены те качественные глаголы, которые не встретились в Корпусах в отрицательной конструкции, а также те (в первую очередь *dí* ‘хороший, приятный’), которые омонимичны другим высокочастотным словам, что затрудняет статистический подсчёт.

2. На момент исследования Корпус нко включал тексты общим объёмом в 3 174 484 слов, а Латинский Корпус — 396 389 слов, т.е. в 8 раз меньше, при этом более 80% Латинского Корпуса (точнее, 309 788 слов) составлял перевод Ветхого Завета.

3. Тексты на нко в целом содержат сравнительно немного орфографических ошибок. В Латинском Корпусе в этом отношении наблюдается большое различие между переводом Библии (и иными миссионерскими изданиями), где орфография достаточно последовательна, и прочими публикациями (особенно периода Первой Республики), которые нередко характеризуются орфографической небрежностью, иногда доходящей до полного орфографического нигилизма.

Как видно из таблицы, в Корпусе нко алломорф *mán* в целом оказывается примерно в 10 раз употребительнее, чем *má*. В этой ситуации

⁴ Все 6 примеров — из перевода Библии.

допустимо считать написание *má* банальной орфографической ошибкой (появлению которой способствует тот факт, что отрицательный показатель аориста также имеет форму *má*). Исключение представляет собой глагол *ɲin* ‘быть хорошим’, с которым алломорф *má* встречается в 41 раз чаще, чем *mán*.

В Латинском Корпусе, если отвлечься от *ɲin* ‘быть хорошим’, то в Библии употребляется практически только алломорф *man*. В других публикациях встречается в основном *ma*, однако причиной этому можно считать общую орфографическую неурегулированность таких текстов (иначе говоря, данные латинографических публикаций, помимо миссионерских, по-видимому, вообще не следует принимать во внимание, поскольку непонятно, в какой мере они отражают фонетический облик слов). *ɲin* — единственный квалитативный глагол, который и в Библии может сочетаться с аллофоном *ma*.

Можно сделать вывод, что оба алломорфа распределены лексически: *má* — с качественным глаголом *ɲin*, *mán* — со всеми остальными. Такое распределение соответствует и языковой интуиции моего основного информанта Мамади Джане. Отклонения от этого правила можно считать, по-видимому, орфографическими ошибками⁵.

Что касается тонов предикативных показателей квалитативной конструкции в манинка, то их окончательная идентификация наталкивается на отсутствие, на данный момент, представительного аудиокорпуса манинка, на котором можно было бы проверить тональные реализации. В какой-то мере это компенсируется наличием Корпуса нко, в котором тоны маркированы, причём в письменности нко обозначаются именно тоны поверхностного уровня. В Корпусе нко оба интересующие нас показателя выступают практически всегда с высоким тоном (редкие случаи, когда их тон обозначен как низкий, можно причислить к орфографическим ошибкам). В предварительном порядке, по-видимому, можно считать, что в гвинейском манинка этим показателям высокий тон приписан на лексическом уровне⁶.

⁵ Тот факт, что в переводе Библии *ɲin* в большинстве случаев всё-таки выступает с показателем *man*, может объясняться борьбой интуиции переводчиков-носителей манинка с гиперкоррекцией редакторов-иностранцев.

⁶ В отличие от бамана, где предикативные показатели квалитативной конструкции не имеют лексически приписанных тонов и получают тоны поверхностного уровня по общему правилу. А именно: если показателю предшествует

присутствие артикля имеется. Дело в том, что при последующем низком тоне (в т.ч. если за словом следует частица фокализации *lè*) невозможно определить, имеет ли слово тональный артикль или нет; это — позиция нейтрализации плавающего низкого тона в манинка. Очевидно, автор текста в таких случаях обозначает тон случайным образом; в других аналогичных контекстах в тональной маркировке указание на наличие плавающего низкого тона отсутствует. Если же за качественным глаголом с аугментативным суффиксом следует копула *ué* (что является контекстом различения, т.к. копула несёт высокий тон), плавающий низкий тон в тексте нко в норме не маркируется (2), а редкие исключения (3) можно отнести к числу орфографических ошибок. По-видимому, присутствие артикля не следует постулировать и перед фокализатором *lè*, тем более что это было бы никак не оправдано морфосинтаксически, поскольку качественный глагол не образует ИГ.

В целом такое транскатегориальное употребление аугментативного суффикса *-bá* крайне необычно (и не отмечено ни в бамана, ни в мандинка [Creissels & Sambou 2013: 234-235], ни, насколько мне известно, в других идиомах манден — хотя для каких-то из них это может объясняться их недостаточной изученностью).

Несколько менее парадоксальным становится приглагольное употребление этого суффикса если принять во внимание его квази-адъективную природу: в принципе, нет формальных препятствий для трактовки приименного элемента *-ba* и как прилагательного со значением ‘большой’,⁸ поскольку непроеизводные прилагательные в манден, как и суффиксы, образуют тонально-компактное единство с предшествующими существительными. В таком случае можно считать, что речь идёт о конверсии прилагательного *ba* в наречие (хотя в целом конверсия прилагательное → наречие для манинка и не очень характерна) с ограниченной сочетаемостью — только с качественными глаголами. При этом объяснимым становится и тональная автономия *-bá*: если для прилагательных (по крайней мере, непроеизводных) характерна утрата лексического тона и инкорпорация в тональную группу существительного, то пост-глагольные наречия свой тон всегда сохраняют.

⁸ Прилагательное/суффикс *-ba*, с большой степенью вероятности, восходит к существительному *bá* ‘мать’ (аналогично тому, как диминутивный суффикс восходит к существительному *dén* ‘ребёнок’). Это предположение я услышал в личной беседе от С. И. Томчиной в 1982 году. Значительно позднее (и независимо) эта же этимология *-ba* была предложена Дени Кресселем [Creissels 2015].

- bòn* ‘быть большим’,
sèen ‘быть красивым’ (употребляется только в отрицательных предложениях),
dí ‘быть приятным’,
dóo ‘быть маленьким, молодым, немногочисленным’,
dùn ‘быть глубоким’,
fárin ‘быть агрессивным; быть храбрым, доблестным’ (слово малоупотребительное, воспринимается носителями манинка как заимствованное из бамана),
fâsan ‘быть жёстким, твёрдым; быть волокнистым; быть прочным (верёвка)’,
fisa ‘быть лучшим, предпочтительным’,
gbèlen ‘быть трудным; быть твёрдым, прочным; быть в трудном положении, быть непростым (время); быть сведущим в магических практиках; быть высоким (цена)’,
gbílin ‘быть тяжёлым; быть асоциальным, необщительным; быть домоседом’,
gbó ‘быть неприятным, плохим; невкусным; невыгодным, неуспешным’,
jàn ‘быть длинным, высоким, глубоким; далёким; долгим’,
júu ‘быть плохим; злым; опасным; дорогим; неправильным’,
kálan ‘быть горячим’,
kálin ‘быть скорым, быстрым’,
kán ‘быть равным’,
kénde ‘быть здоровым’,
kòdo ‘быть старшим’,
kúna ‘быть горьким; быть родным (дядя, племянник), близким (друг)’,
kùmba ‘быть толстым, дородным; коренастым; крупным, огромным’,
misen ‘быть маленьким, мелким; быть тонким, худым; быть мелочным’,
pèen ‘быть лёгким’,
jìn ‘быть хорошим, хорошего качества’,
séde ‘быть многочисленным’ (значительно менее употребителен, чем *síya*),
síya ‘быть многочисленным’,
sùdun ‘быть коротким, кратким, близким’,
tárin, térin ‘быть быстрым’.

5. Конструкция с предикативными прилагательными

Эта конструкция до сих пор не привлекала внимания лингвистов, что объясняется совокупностью причин: недостаточной изученностью грамматики гвинейского манинка в целом; отсутствием аналогичной конструкции в других мандингских идиомах; сравнительно низкой частотностью этой конструкции в текстах. Впрочем, если для многих прилагательных предикативное употребление малочастотно — например, для *kénde* ‘здоровый; ясный’ (5), *fin* ‘чёрный’, *gbé* ‘белый’ (6), для некоторых других этот контекст оказывается вполне обычным — например, *cènin* ‘красивый’ (7).

- (5) \bar{A} *lá* *dàlilu`* *lè* *kénde* *té.*
 3SG POSS способ-ART FOC здоровый COP.NEG
 ‘Его приёмы не ясны’ [Manden lɔnniya].

- (6) *Kòò-suluku* *fin* *té* *à* *gbé*
 старший.сиблинг-гиена чёрный COP.NEG 3SG белый
té.
 COP.NEG
 ‘Братец Гиена не тёмный и не светлый’ [Cɛnen gbanannen].

- (7) \bar{A} *nén`* *cènin* *háali!*
 3SG язык-ART красивый действительно
 ‘Его язык воистину красивый!’ [Sori ni Saran].

По-особенному ведёт себя прилагательное *kúda* ‘новый’: употребляясь в предикативной конструкции, оно обязательно сопровождается фокализатором (8). Для остальных предикативных прилагательных наличие фокализатора не является обязательным.

- (8) \bar{I} *lá* *mùru`* *là`* *kúda* *lè* *fɔ̀lɔ.*
 2SG POSS нож-ART ножны-ART новый FOC ещё
 ‘Ножны твоего ножа ещё новые’ [Kangbe lanɔɔyanɛn].

Возможно, такое нестандартное поведение прилагательного *kúda* следует трактовать так, что мы имеем в данном случае иной тип конструкции, соответствующий конструкции неглагольного предложения идентификации (ср. раздел 3), для которой наличие фокализатора также является обязательным.

5.1. Состав класса предикативных прилагательных

Ниже даётся список непроизводных прилагательных, которые, по моим данным, способны употребляться в предикативной конструкции.

bére ‘серьёзный’,
bèse ‘опрятный; элегантный, щеголеватый’,
bòmba ‘большой, толстый, просторный; обильный, многочисленный; сильный (звук), важный, значительный’,
dàngba ‘неряшливый’,
sèen ‘красивый’,
sèjuu ‘уродливый; дурной, нехороший’,
sènin ‘красивый’ (только в утвердительной конструкции),
fin ‘чёрный’,
gbánan ‘хитрый, изворотливый’,
gbé ‘белый; лишённый соуса (пицца)’,
jító ‘трусливый’,
kèle ‘ревнивый’,
kénde ‘здоровый; свежий’,
kise ‘смелый; активный, энергичный, трудолюбивый; находчивый’,
kóron ‘неловкий, бестактный; никчемный’,
kùmba ‘толстый, дородный; коренастый; крупный, объёмный’,
kúda ‘новый; недавний’,
mè, mètò ‘гурман’,
sàla ‘ленивый’,
wàna ‘знаменитый’,
wùlen ‘красный; сведущий в магии’.

Этот список, очевидным образом, не может претендовать на полноту: он составлен по результатам проверки с информантом только «ядерной адъективной» лексики (т.е. тех основ, которые в языках манден часто функционируют в качестве качественных глаголов). В ходе этой проверки информант отверг предикативное употребление для следующих прилагательных: *màan* ‘мягкий’, *misen* ‘маленький’, *пóо* ‘грязный’, *nùn-kun* ‘гладкий’, *wéne, wána* ‘жгучий (трава), зудящий’, *súma* ‘холодный, прохладный’.

В большинстве своём предикативные прилагательные могут употребляться и атрибутивно, т.е. в составе именной группы, однако для некоторых из них такая функция признана информантом недоступной. К последним относятся *sènin* ‘красивый’ и *gbánan* ‘хитрый, изворотливый’; впрочем, для *sènin* в Корпусе примеры атрибутивного употребления встречаются (9).

адъективно-предикативной — очень близка (если не идентична), то факт такого дополнительного распределения не вызывает удивления: возможность употребления одних и тех же лексем в обеих конструкциях создавало бы нефункциональную избыточность.

Было бы странно, если бы лексемы распределялись между обоими классами случайным образом. В поисках мотивации этого распределения рассмотрим, как они группируются семантически¹¹, взяв за основу известную классификацию адъективных значений Роберта Диксона [Dixon 1977], который выделяет семь групп значений: размер, физические характеристики, цвет, человеческие качества (human propensity), возраст, оценка, скорость. Конечно, это группирование нередко производится со значительной долей условности, связанной в первую очередь с полисемией лексем, поэтому к нему следует относиться с некоторой долей осторожности.

Таблица 2. Размер

Качественные глаголы	Предикативные прилагательные
<p><i>bòn</i> ‘быть большим’, <i>dóo</i> ‘быть маленьким, молодым’, <i>dùn</i> ‘быть глубоким’, <i>jàn</i> ‘быть длинным, высоким, глубоким; далёким; долгим’, <i>kán</i> ‘быть равным’, <i>kùmba</i> ‘быть толстым, дородным; коренастым; огромным’, <i>mìsen</i> ‘быть маленьким, мелким; тонким, худым; мелочным’, <i>séde</i> ‘быть многочисленным’, <i>síya</i> ‘быть многочисленным’, <i>sùdun</i> ‘быть коротким, кратким, близким’</p>	<p><i>bònba</i> ‘большой, толстый, просторный; обильный, многочисленный; сильный (звук), важный, значительный’, <i>kùmba</i> ‘толстый, дородный; коренастый; крупный, объёмный’</p>

В этой семантической группе однозначно доминируют качественные глаголы. *Kùmba* — одна из двух уже упоминавшихся основ, способных

¹¹ Не рассматриваются прилагательные, образованные при помощи суффикса *-man*: предположительно, одна из функций образования таких прилагательных как раз и состоит в том, чтобы обойти те лексические ограничения, которые нас здесь интересуют.

выступать в обеих функциях. Предикативное прилагательное *bònba* можно считать дериватом от квалитативного глагола *bòn* и в каком-то смысле аналогом производных прилагательных на *-man*; в таком случае оно может быть исключено из рассмотрения.

Таблица 3. Физические характеристики

Качественные глаголы	Предикативные прилагательные
<p><i>fàsan</i> ‘быть жёстким, твёрдым; быть волокнистым; быть прочным (верёвка),’ <i>gbèlen</i> ‘быть трудным; быть твёрдым, прочным; быть в трудном положении, быть непростым (время); быть сведущим в магических практиках; быть высоким (цена),’ <i>gbílin</i> ‘быть тяжёлым; быть асоциальным, необщительным; быть домоседом’, <i>kálan</i> ‘быть горячим’, <i>kénde</i> ‘быть здоровым’, <i>kúna</i> ‘быть горьким; родным (дядя, племянник), близким (друг),’ <i>nòon</i> ‘быть лёгким’</p>	<p><i>kénde</i> ‘здоровый; свежий’</p>

И в этой группе безусловно доминируют качественные глаголы. Единственное предикативное прилагательное, *kénde*, имеет омонимичный квалитативный глагол.

Таблица 4. Цвет

Качественные глаголы	Предикативные прилагательные
—	<p><i>fin</i> ‘чёрный’, <i>gbé</i> ‘белый; лишённый соуса (пицца),’ <i>wùlen</i> ‘красный; сведущий в магии’</p>

Предикативное выражение цветовой атрибуции обслуживается исключительно предикативными прилагательными.

Таблица 5. Человеческие качества (Human propensity)

Качественные глаголы	Предикативные прилагательные
<i>fárin</i> ‘быть агрессивным; быть храбрым, доблестным’.	<i>bére</i> ‘серьёзный’ <i>bèse</i> ‘опрятный; эlegantный, щеголеватый’ <i>dàngba</i> ‘неряшливый’, <i>gbánan</i> ‘хитрый, изворотливый’, <i>jító</i> ‘трусливый’, <i>kèle</i> ‘ревнивый’, <i>kise</i> ‘смелый; активный, энергичный, <i>mè, mètò</i> ‘гурман’, <i>sàla</i> ‘ленивый’, <i>wàna</i> ‘знаменитый’.

Человеческие качества выражаются почти исключительно предикативными прилагательными. Единственный глагол качества в этой семантической группе, *fárin*, малоупотребителен (ни в Латинском Корпусе, ни в Корпусе Нко он не встречается ни разу) и является, по-видимому, баманским заимствованием.

Таблица 6. Возраст

Качественные глаголы	Предикативные прилагательные
<i>kàdo</i> ‘быть старшим’ <i>dòò</i> ‘быть младшим, молодым’	<i>kúda</i> ‘новый; недавний’

Обе лексемы, обозначающие именно возраст (‘старый, молодой’), оказываются качественными глаголами. Что касается лексемы *kúda*, то даже в тех языках, где качественные глаголы значительно более многочисленны, чем в манинка, её когнаты чаще всего выступают только как прилагательные, но не как глаголы (ср. *kúra* в бамана).

Таблица 7. Оценка

Качественные глаголы	Предикативные прилагательные
<p><i>cèen</i> ‘быть красивым’ <i>dí</i> ‘быть приятным’, <i>fisa</i> ‘быть лучшим, предпочтительным’, <i>gbó</i> ‘быть неприятным, плохим; невкусным; невыгодным, неуспешным’, <i>júu</i> ‘быть плохим; злым; опасным; дорогим; неправильным’, <i>lìn</i> ‘быть хорошим, хорошего качества’.</p>	<p><i>cèen</i> ‘красивый’, <i>cèjuu</i> ‘уродливый; дурной, нехороший’, <i>cènin</i> ‘красивый’ (только в утвердительной конструкции), <i>kóron</i> ‘неловкий, бестактный; никчемный’.</p>

Лексемы этой семантической группы представлены в обоих формальных классах. Можно отметить, что характеристики внешности выражаются в основном предикативными прилагательными, а более абстрактные значения — в основном качественными глаголами, однако при небольшом объёме выборки нельзя быть уверенным, что это различие является релевантным.

Таблица 8. Скорость

Качественные глаголы	Предикативные прилагательные
<p><i>kálin</i> ‘быть скорым, быстрым’, <i>tárin, térin</i> ‘быть быстрым’.</p>	—

Обе лексемы, обозначающие скорость, оказываются качественными глаголами. Лексема со значением ‘медленный’, *súmatan* (которая способна употребляться и как предикативное прилагательное), является дериватом на *-tan* и потому не рассматривается — как и прилагательное *káliman* ‘быстрый’.

Подведём итоги. В группах «Размер», «Физические характеристики», «Возраст», «Скорость» оказываются, за немногими оговорками и исключениями, только качественные глаголы. Семантические зоны «Цвет» и «Человеческие качества» обслуживаются практически исключительно

предикативными прилагательными. В группе «Оценка» представлены лексемы обоих формальных классов.

По Диксону [Dixon 1977: 31], ядерными семантическими типами прилагательных являются «Размер», «Возраст», «Оценка», «Цвет», тогда как «Физические характеристики», «Человеческие качества» и «Скорость» он относит к периферийным типам. Очевидным образом, разграничение между качественными глаголами и непроезводными предикативными прилагательными в гвинейском манинка оказывается чувствительным к выделяемым Диксоном семантическим классам, но никак не соотносится с проводимым им разделением на ядерные и периферийные типы. Не помогает объяснению семантического различия двух классов лексем в манинка и попытка расположить их на шкале временной стабильности.

5.3. Предикативные прилагательные: класс или функция?

В связи с определением границ класса предикативных прилагательных встаёт важный вопрос: правомерно ли вообще говорить о выделении такого класса в манинка, отдельного от (непредикативных) прилагательных? Для того, чтобы дать окончательный ответ на этот вопрос, необходимы дополнительные исследования, однако уже сейчас можно сказать, что аргументы против обособления предикативных прилагательных (т.е. в пользу того, чтобы считать предикативное употребление лишь одной, квази-регулярной, функцией лексем класса прилагательных) достаточно сильны. Как показано выше, почти для всех предикативных прилагательных допустимы и непредикативные (атрибутивные) употребления; исключения единичны (да и они могут подчиниться общему правилу при дополнительной проверке). Запрет на предикативное употребление для многих прилагательных (который мог бы рассматриваться как аргумент в пользу выделения формального класса «предикативных прилагательных») может, по-видимому, быть сформулирован (очень предварительно и несколько безответственно) в виде лексико-семантического правила: «не могут употребляться предикативно те непроезводные предложительные, для которых имеются соответствующие качественные глаголы», при этом предварительная попытка семантического разграничения сделана в разделе 5.2.

Таким образом, на данный момент можно принять, в качестве рабочей гипотезы, подлежащей дальнейшей проверке, положение о том, что употребление в предикативно-адъективной конструкции — это функция, потенциально доступная всем прилагательным гвинейского манинка, кроме тех, которые подпадают под конкретные лексико-семантические правила.

6. Выводы

В литературе уже отмечалось, что языки манден и, шире, языки центральной подветви манде ведут себя достаточно необычно в отношении способов выражения качественных значений. В частности, Хольгер Трёбс [Tröbs 2014: 127] обращает внимание на то, что материалы языков манден, моколе, дуун, бозо опровергают сформулированный Леоном Стассеном «принцип прилагательного», в соответствии с которым «Предикативные прилагательные не имеют своей собственной стратегии кодирования. В предикативном кодировании они следуют или за глаголами <...>, или за существительными, или за локативами. Ни в одном языке не возможна стратегия, используемая исключительно для предикативных прилагательных» [Stassen 1997: 30]. Этому принципу противоречит наличие в большинстве языков манден класса качественных глаголов, которые сочетаются со специфическими предикативными показателями, несовместимыми с лексемами других частей речи.

В гвинейском манинка, помимо качественных глаголов, обнаруживается ещё одна уникальная конструкция, предикативно-адъективная, которая не воспроизводит какую-либо иную конструкцию (хотя, возможно, и восходит диахронически к именной конструкции идентификации). Таким образом, здесь «принцип прилагательного» Л. Стассена оказывается нарушен дважды.

* * *

This work is related to the research strand 3 «Typology and dynamics of linguistic systems» of the Labex EFL (financed by the ANR/CGI).

Список сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лица	NEG — отрицание, отрицательный
ИГ — именная группа	NMLZ — суффикс номинализации
ADJ — суффикс деривации прилагательных от квалитативных глаголов	P — предикат
ART — артикль (постпозитивный плавающий низкий тон)	POSS — послелог-посессивная связка
AUGM — аугментативный суффикс	QUAL.AFF — утвердительный предикативный показатель квалитативной конструкции
COP — копула	REL — релятивизатор
FOC — частица фокализации	S — подлежащее
INF.LA — суффикс инфинитива на <i>-la</i>	SG — единственное число

Источники

- [Bafilaben mansala] — Kùlibàli, Íburahima Kálilù. *Báfilaben mànsalá*. Ms.
- [Cènen gbanannen] — Kánte, Búrama. *Cènen gbànannén wála kábako dén` fásá`*. Kónakri, 2012, 49 p.
- [Dalu kende] — Dàlù kèndè (еженедельная газета на нко, выходит в Конакри).
- [Dóosan cèngbananen] — Senghor, Leopold Sedar & Abdoulaye Sadjì. *Dóosàn cèngbananén*. Tr. Kùlibàli, Íburahima Kálilù. Ms.
- [Kangbe lanóoyanen] — Diané, Mamadi Baba. *Kángbè` lánóoyanén`*. Ed. Tolno, Faya Isamel. Kankan, 2013, 112 p.
- [Manden lonniya] — Sylla, Hayamady. *Mànden lónniya` n`à lóko`*. Kónakri, 2013. 444 p.
- [Nko kódofolan] — Kánte, Sòlomáana. *Nkó kódofolan Kànjamáadi Màndén fòdoba kán ní kèlennatóo kàn*. Caire, Jàane, Bàbá Mámádi (éd.), 2003. 502 + 48 p.
- [Saranun] — Sàranun léra` mèn tóo kó: Silamá` sèn` bèn` - kélaba tòn dá` mà, ò káfa sàbá fóló. Tr. Kánte, Sùlemaana. Mísiran, 1991, 800 p.
- [Sori ni Saran] — Kàmará, Ámadu Kàráadù. *Sòri ní Sàran` kàfa fóló*. Ms. 50 p.

Литература

- Выдрин 2004 — В. Ф. Выдрин. И опять – части речи в бамана // А. П. Володин (ред.). Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского. М.: Знак. С. 145-173.
- Выдрин, Томчина 1999 — В. Ф. Выдрин, С. И. Томчина. Манден-русский словарь. Том 1. СПб: Издательство Дмитрий Буланин.
- Желтов 2008 — А. Ю. Желтов. Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб: Издательство СПбГУ.
- Желтов 2014 — А. Ю. Желтов. Элементы морфосинтаксиса языка ньонг (адамау, нигер-конго) // Антропология и лингвистика: материалы экспедиций в Африку. СПб: МАЭ РАН. С. 156-166.

- Желтов 2015 — А. Ю. Желтов. Африканистика в эпоху наукометрии, или зачем в России изучать Африку // Африканский сборник — 2015. СПб.: МАЭ РАН. С. 599-611.
- Желтов 2016 — А. Ю. Желтов. Элементы морфосинтаксиса языка майа (адамауа, нигер-конго) // В. А. Виноградов, А. И. Коваль, М. А. Косогорова, А. Б. Шлуинский (ред.) Исследования по языкам Африки. Выпуск 6. М.: Ключ-С. С. 81-89.
- Томчина 1978 — С. И. Томчина. Введение в синтагматическую морфологию языка манинка. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Bailleul, Davydov, Erman, Maslinsky, Méric, Vydrin 2011-2017 — Ch. Bailleul, A. Davydov, A. Erman, K. Maslinsky, J. J. Méric, V. Vydrin. Bamadaba: Dictionnaire électronique bambara-français, avec un index français-bambara. <http://cormand.huma-num.fr/bamadaba.html>
- Creissels 1985 — D. Creissels. Les verbes statifs dans les parlers manding // Mandenkan 10. P. 1-32.
- Creissels 2003 — D. Creissels. Adjectifs et adverbes dans les langues subsahariennes // P. Sauzet, A. Zribi-Hertz (éds.). Typologie des langues d'Afrique & universaux de la grammaire. Volume 1: Approches transversales. Domaine Bantou. Paris — Budapest — Torino: L'Harmattan. P. 17-38.
- Creissels 2015 — D. Creissels. Grammaticalization in Manding languages. 1st draft.
- Creissels, Sambou 2013 — D. Creissels, P. Sambou. Le mandinka. Phonologie, grammaire, textes. Paris: Karthala.
- Diané, Vydrin 2014 — M. Diané, V. Vydrin. Propositions pour l'orthographe du maninka (Guinée) // Mandenkan 52. P. 3-21.
- Dixon 1977 — R. M. W. Dixon. Where have all the adjectives gone? // Studies in Language 1:1. P. 19-80.
- Maslinsky, Rovenchak, Vydrin 2016-2017 — K. Maslinsky, A. Rovenchak, V. Vydrin. Corpus Maninka de Référence et Corpus N'ko. <http://cormand.huma-num.fr/cormani/projet.html>
- Stassen 1997 — L. Stassen. Intransitive predication. Oxford: Clarendon Press.
- Tröbs 2008 — H. Tröbs. Bambara // H. Tröbs, E. Rothmaler, K. Winkelmann (eds.). La qualification dans les langues africaines. Qualification in African Languages. Köln: Rüdiger Köppe Verlag. P. 13-28.
- Tröbs 2014 — H. Tröbs. Some notes on the encoding of property concepts in Vai from a typological and comparative Central Mande perspective // Mandenkan 52. P. 111-130.
- Vydrine 1990 — V. Vydrine. Les adjectifs prédicatifs en bamana // Mandenkan 20. P. 47-90.
- Vydrin 2016 — V. Vydrin. Tonal inflection in Mande languages: The cases of Bamana and Dan-Gweetaa // E. L. Palancar, J. L. Léonard (eds.). Tone and Inflection: New facts and new perspectives. [Trends in linguistics studies and monographs. Vol. 296.] De Gruyter — Mouton. P. 83-105.

Нина Валерьевна Григорьева

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», ngrigoreva@hse.ru*

ЛИОНГО ФУМО И «ГЕРОИЧЕСКИЙ ЦИКЛ» В УСТНОЙ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ АФРИКИ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Лионго Фумо (*Liyongo/Liongo Fumo*) предстает в устной традиции народов суахили как герой, наделенный многими талантами, — он воин и предводитель, обладающий необыкновенной силой и сверхъестественными способностями, а также поэт, умеющий слагать и исполнять песни, которые нравятся всем, но понятны лишь избранным. Народная традиция суахили приписывает этому герою авторство многих старинных песен и поэтических произведений. Как всякий культурный герой, Лионго преодолевает разнообразные испытания, противостоит врагам, совершает многочисленные подвиги во благо своего народа; ему свойственны лучшие человеческие качества — отвага, мудрость, справедливость. Исполнительская традиция, сложившаяся вокруг этого персонажа, — это традиция свадебного торжества, сопряженная с культурой ритуальных песнопений и танцев.

Изучение и интерпретация сказаний о Лионго Фумо имеют свою традицию на кафедре африканистики Восточного факультета СПбГУ. В той или иной степени этому герою посвятили свои работы сотрудники кафедры — Д. А. Ольдерогге [Ольдерогге 1972], В. М. Мисюгин [Мисюгин 1972], А. А. Жуков [Жуков 1985, 1997]¹. Их исследования, а также публикации московского автора, Е. С. Котляр, являются основополагающими русскоязычными работами о Лионго.

По жанровым характеристикам сказания о Лионго Фумо не могут быть отнесены к развитию героическому эпосу; по оценке В. М. Мисюгина, это — «произведения, близкие к эпическим» [Мисюгин 1972: 17]. Однако в контексте нашего исследования важным является то, что эти сказания отражают африканскую архаику, сохранившуюся несмотря на позднейшие наслоения, связанные с исламизацией народов, населявших побережье Восточной Африки. Можно предполагать, что такие

¹ Выражаю благодарность В.Ф.Выдрину за предоставленные консультации.

фольклорные формы могут быть характерны для догосударственных сообществ или сообществ, находящихся на периферии по отношению к центру государственной власти.

Эпические сказания — важная часть духовного наследия народов Азии и Африки. Исследования этого пласта народной культуры, активно проводившиеся в течение 20 века, открыли миру многие ранее неизвестные памятники устного народного творчества и связанные с ними религиозные, ритуальные и исполнительские традиции. Эти открытия, помимо своей значимости в рамках каждой из локальных культур, обладают большой ценностью для типологической фольклористики, позволяя выявлять схожесть культурных архетипов в традициях неродственных и территориально удаленных народов. Данная статья содержит краткий анализ «героического цикла» Лионго Фумо, культурного героя суахили, выполненный в сравнительном контексте фольклорных традиций народов Юго-Восточной Азии.²

До настоящего времени компаративное изучение культур (в широком смысле) Африки и Юго-Восточной Азии проводилось, в основном, на языковом материале, причем африканский континент был представлен, главным образом, его западными регионами³. Однако, представляется, что типологическая схожесть материалов, относящихся к культурам Африки и Юго-Восточной Азии, не ограничивается особенностями строя соответствующих языков, но достаточно широко затрагивает и устную традицию. Можно думать, что общность элементов фольклора этих народов, не связанных генетическим родством и населяющих столь удаленные друг от друга регионы, может происходить из тождества природных условий и сложившихся культурных институтов, а также сходства в историческом развитии.

В то время как эпика народов Африки к настоящему времени достаточно хорошо изучена и описана в значительном количестве исследовательских работ⁴, эпические традиции народов Юго-Восточной Азии в своей совокупности пока не были подвергнуты систематическому изучению. Эпос этого региона не так давно стал предметом научного анализа, и некоторые памятники только сейчас переживают этап своего

² Исследования по фольклору Юго-Восточной Азии проводились при финансовой поддержке РГНФ, проект 16-24-09001.

³ Речь идет о регулярных конференциях по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (LESEWA)

⁴ Среди работ обобщающего характера см., к примеру [Котляр 1985], [Johnson et al. 1997].

«открытия» для академического сообщества. В силу этих причин эпосоведение Юго-Восточной Азии пока развивается в рамках нескольких локальных традиций⁵, и выявление типологических черт и возможных взаимосвязей в масштабах всего региона видится весьма интересной и перспективной задачей следующего этапа исследований. В этом плане привлечение типологически близкого африканского материала с целью выявления общности знаковых элементов и морфологической организации эпических повествований представляется весьма продуктивным.

Предварительно можно думать, что наиболее значительные памятники африканского эпоса (сказания манден о Сундьяте, эпические предания суахили о Лионго Фумо, эпический цикл монго о Лианжа и Нсонго и др.) будут иметь наибольшую схожесть с такими произведениями эпоса Юго-Восточной Азии, как илоканский эпос о Лам-анге (Филиппины), эпическая поэма о Тхао Хунге тайских народов Лаоса и Северного Таиланда, сказание эде о Дам Шане (Центральный Вьетнам), а также мьонгские нарративы о короле Зит Зянге (Северный Вьетнам). Во всех этих произведениях с той или иной степенью детализации показаны этапы жизни, необычные качества героя (богатырская сила, чудесные навыки воина и предводителя, целеустремленность, дар предвидения, способность к совершению магических действий или превращений), выпавшие на его долю испытания, подвиги, совершенные во благо людей или ради утверждения нового порядка вещей. Действия героя часто не соответствуют норме — он действует вопреки воле богов или враждует с родичами, нарушает заведенные правила, силой или обманом получает желаемое, в том числе возлюбленную или жену. Гибель героя, как и его появление на свет, несет в себе знаковую символику, создавая основу для формирования соответствующих ритуалов.

В мировой фольклористике после работ Отто Ранка, Лорда Рэглана и Джозефа Кэмпбелла, предложивших модели анализа культурных героев, сложилась, несмотря на существующую критику [Мелетинский 2004: 8-9], традиция рассмотрения разнообразных героев с использованием одной из матриц. Иначе эти модели или матрицы

⁵ См., например, работы В. Р. Атнашева и Н. И. Никулина по эпосу народов Вьетнама [Атнашев 2010, Никулин 1985, Никулин 1996]; М. В. Станюкович и С. И. Яценко по эпосу Филиппин [Станюкович 2010, Станюкович 2011, Яценко 2011]; Дж. Чэмберлена об эпическом памятнике народов Лаоса и Северного Таиланда [Chamberlain 1989-1990].

называют «циклом героя»⁶. Учитывая жанровые особенности мифа, сказки и эпического сказания (при том, что границы между этими жанрами часто размыты) модель, предложенная Кэмпбеллом, «путешествие героя», представляется более подходящей для анализа сказочных или же мифических персонажей, в то время как для анализа героев эпических сказаний, с нашей точки зрения, больше подходит модель, предложенная Рэгланом. Попробуем проанализировать историю Лионго Фумо по двадцати двум позициям этой модели

Таблица 1. Структура сказаний о Лионго Фумо
(анализ по модели Рэглана)

NN	22 позиции «Архетипа героя» (модель Рэглана) ⁷	Да/Нет	Комментарий ⁸
1.	Мать героя — девушка королевских кровей	+	Лионго Фумо был сыном одной из младших жён/наложниц своего отца — вождя или правителя.
2.	Его отец король, и	+	Род Лионго Фумо, правивший в одной из областей Восточной Африки, связывают с персидским титулом 'шах'.
3.	Часто близкий родственник матери, но	-	Информация отсутствует.
4.	Обстоятельства зачатия героя необычны, и	-	Информация отсутствует.
5.	Он также считается сыном бога.	-	Информация отсутствует.
6.	При рождении предпринимается попытка, как правило, отцом или дедушкой по материнской линии, убить героя, но	-	Информация отсутствует.
7.	Его похищают, и	-	Информация отсутствует.

⁶ Под моделями анализа мы понимаем «модель или архетип героя» (Hero pattern или Hero archetype), предложенную Ранком в 1909 г. [Ранк 1909/1997] и развитую Рэгланом [1936/1990, см. Segal et al. 1990, 89-165]), или же «путешествие героя или мономиф» (Hero's journey или Monomyth) Кэмпбелла (1949 г., [Кэмпбелл 1997]).

Примером применения таких моделей может служить работа Алана Дандеса «Модель героя и жизнь Иисуса», см. [Segal et al. 1990, 179-223].

⁷ [Segal et al. 1990, 89-165]).

⁸ Комментарии составлены по [Котляр 1985, С.191-214].

NN	22 позиции «Архетипа героя» (модель Рэглана) ⁷	Да/Нет	Комментарий ⁸
8.	Он воспитывается приемными родителями в далекой стране.	-	Информация отсутствует.
9.	Мы ничего не знаем о его детстве, но	+	Информация о детстве героя отсутствует.
10.	Взрослым он возвращается или попадает в свое будущее царство.	+	Лионго Фумо вступает в конфликт со своим братом, оспаривая право на власть.
11.	После победы над королем и/или гигантом, драконом или чудовищем,	+	Лионго Фумо приписывают многочисленные победы над врагами.
12.	Он женится на принцессе, часто дочери своего предшественника, и	+	Ему отдают в жены женщину из племени галла (оромо), «чтобы сделать племя галла сильным».
13.	И становится царем.	+	Слово «Фумо» в имени героя трактуется как «вождь».
14.	Некоторое время он царствует, и	-	Лионго Фумо лишь оспаривает свое право на власть.
15.	Устанавливает законы, но	-	Информация об учреждении законов или новых порядков эксплицитно не представлена. С именем Лионго Фумо больше связана культура песенного исполнительства и танцев гунгу.
16.	Позже он теряет благосклонность богов и/или своих подданных, и	+	Горожане, недовольные Лионго Фумо, заточили его в тюрьму.
17.	Его свергают с трона или изгоняют из города.	+	Брат Лионго Фумо, Мрингвари, захватил власть, изгнал Лионго Фумо из города и стремится уничтожить его.
18.	Его постигает таинственная смерть,	+	Ночью предатель (сын или племянник, сын сестры) проколол пупок Лионго Фумо, который был его уязвимым местом, медной иглой.
19.	Часто на вершине холма,	-	Лионго Фумо умер у колодца.
20.	Его дети, если таковые имеются, не становятся его преемниками.	+	В некоторых версиях сына Лионго Фумо посылают убить отца за вознаграждение.
21.	Его тело не предается земле, но тем не менее	-	Лионго Фумо был захоронен.

NN	22 позиции «Архетипа героя» (модель Рэглана) ⁷	Да/Нет	Комментарий ⁸
22.	Существует одна или несколько его могил, почитаемых в народе.	+	Могила Лионго Фумо, как считается, находится недалеко от развалин г.Шака.
	Количество совпадений:	12	

Несмотря на то, что использование любой формальной схемы для анализа художественных произведений имеет свои ограничения, результаты проведенного сравнения представляют определенный интерес: количество совпадений содержательных элементов сказаний о Лионго Фумо с моделью Рэглана условно соответствует двенадцати⁹. Близкое количество совпадений характерно для сказаний эде о Дам Шане и мыонгских сказаний о короле Зит Зянге. Ниже, для примера, представлена матрица, содержащая анализ «героического цикла» мыонгского короля Зит Зянга.

Таблица 2. Структура сказаний о Зит Зянге (анализ по модели Рэглана)

NN	22 позиции «Архетипа героя» (модель Рэглана) ¹⁰	Да/Нет	Комментарий ¹¹
1.	Мать героя — девственница королевских кровей	+ (?)	Нанг Кит, сестра и жена правителя Та Кана, одного из первых людей, появившихся из яиц птиц-предков.
2.	Его отец король, и	+	Правитель Та Кан, один из первых людей, которые появились из яиц птиц-предков.
3.	Часто близкий родственник матери, но	+	Отец является братом матери (вышли из яиц птиц-предков).
4.	Обстоятельства зачатия героя необычны, и	+	Родился в результате инцестуальной связи.
5.	Он также считается сыном бога.	-	В мыонгском эпосе нет богов в полном смысле этого слова.
6.	При рождении предпринимается	-	Информация отсутствует.

⁹ Как часто бывает при анализе фольклорных произведений, не все соответствия можно считать идеальными: так, например, царствование Лионго Фумо весьма условно — хоть слово «Фумо» и означает «вождь, правитель», эксплицитной информации о правлении Лионго Фумо в сказаниях нет; известно лишь, что он сражается за власть со своим братом.

¹⁰ [Segal et al. 1990, 89-165]).

¹¹ Комментарии составлены по [ÐÐÐÐ 1973 и ÐÐÐÐ 2005].

NN	22 позиции «Архетипа героя» (модель Рэглана) ¹⁰	Да/Нет	Комментарий ¹¹
	попытка, как правило, отцом или дедушкой по материнской линии, убить героя, но		
7.	Его похищают, и	-	Информация отсутствует.
8.	Он воспитывается приемными родителями в далекой стране.	-	Информация отсутствует.
9.	Мы ничего не знаем о его детстве, но	+	Информация о детстве героя отсутствует.
10.	Взрослым он возвращается или попадает в свое будущее царство.	+	Родившись на возвышенностях, Зит Зянг уходит на равнины, где становится королем в землях, которые мяонги называют <i>Kinh Kỳ Kê Chợ</i> , т.е. столичный район, где есть рынок.
11.	После победы над королем и/или гигантом, драконом или чудовищем,	+	Победил чудовище <i>Tin Vin Tuong Vuong</i>
12.	Он женится на принцессе, часто дочери своего предшественника, и	-	Информации о жене короля нет. В одном из вариантов преданий (из провинции Шонла) она учит женщин выращивать тутовые деревья и разводить шелкопрядов.
13.	И становится царем.	+	
14.	Некоторое время он царствует, и	+	
15.	Устанавливает законы, но	+	
16.	Позже он теряет благосклонность богов и/или своих подданных, и	+	Дворец короля был сожжен жителями возвышенностей за предательство/неблагодарность.
17.	Его свергают с трона или изгоняют из города.	-	Информация отсутствует
18.	Его постигает таинственная смерть,	-	Информации о смерти короля нет.
19.	Часто на вершине холма,	-	
20.	Его дети, если таковые имеются, не становятся его преемниками.	-	Информации о детях короля нет.

NN	22 позиции «Архетипа героя» (модель Рэглана) ¹⁰	Да/Нет	Комментарий ¹¹
21.	Его тело не предается земле, но тем не менее	-	
22.	Существует одна или несколько его могил, почитаемых в народе.	-	Информация отсутствует.
	Количество совпадений:	11	

Близость формальных показателей, выявленная в памятниках, относящихся к разным, не связанным родством или общим источником влияния, фольклорным традициям может объясняться жанровой близостью. Следует думать, что по жанровым характеристикам упомянутые сказания относятся к архаическому героическому эпосу, представляющему собой переходное звено от богатырской сказки (в случае с Лионго Фумо) или мифологического эпоса (в случае мыонгских сказаний) к развитому героическому эпосу. Лионго Фумо, король Зит Зянг, Дам Шан и Лам-анг — это герои одной «эпической эпохи»; они существуют в догосударственных обществах, с характерными системами родства, нормами наследования и брака¹². Их подвиги ограничиваются рамками одной или нескольких областей, племени или клана, в то время как для развитого героического эпоса обычно свойственен государственный масштаб и «высокий пафос национального самосознания» [Мелетинский 2004: 447].

Рассмотренные эпические сказания в течение долгого времени в устной форме сохранялись в народной среде, несмотря на мощную инокультурную экспансию — мусульманскую, китайско-конфуцианскую или христианскую. Представляется, что прочная укорененность этих произведений в народной культуре тесно связана с их ритуальным предназначением: исполнение древних сказаний о героях всегда было и до сих пор остается важным элементом обрядов жизненного цикла создавших их народов.

¹² В упомянутых эпических памятниках прослеживаются элементы матрилинейной системы организации общественной жизни: если в сказаниях о Лионго Фумо это касается, главным образом, норм наследования, то в сказаниях эде о Дам Шане главный герой выступает против необходимости вступать в брак с двумя женами умершего деда, предпочитая взять в жены свою возлюбленную.

Литература

- Атнашев 2010 — В. Р. Атнашев. Современное состояние изучения эпоса народов Тэйнгвен во Вьетнаме // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории: статьи по материалам Маклаевских чтений 2007-2009 гг. СПб. (Маклаевский сборник; вып. 3). С. 120-126.
- Жуков 1983 — А. А. Жуков. Культура, язык и литература суахили (доколониальный период). Л. Изд. ЛГУ.
- Жуков 1997 — А. А. Жуков. Суахили: Язык и литература. СПб.: Издательство СПбГУ.
- Котляр 1985 — Е. С. Котляр. Эпос народов Африки южнее Сахары. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Кэмпбелл 1997 (1949) — Д. Кэмпбелл. Тысячеликий герой. М.: Рефл-бук, Ваклер, АСТ.
- Мелетинский 2004 — Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е издание, исправленное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Мисюгин 1972 — В. М. Мисюгин. Социальное содержание легенды о Лионго Фумо // Труды Института этнографии, т. 100. Africana (Африканский этнографический сборник) IX. Л. С. 17—22.
- Никулин 1985 — Н. И. Никулин. Мифо-эпические сказания народов Вьетнама // Специфика жанров в литературах Центральной и Восточной Азии / Ред. С. Ю. Неклюдов. М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука. С. 7-38.
- Никулин 1996 — Н. И. Никулин. Архаический эпос народов Вьетнама // Эпос народов Зарубежной Азии и Африки. М.: Наследие. С.127-185.
- Ольдерогге 1972 — Д. А. Ольдерогге. Об изучения эпоса народов Африки (современное состояние) // Труды Института этнографии, т. 100. Africana (Африканский этнографический сборник) IX. Л. С. 3—16.
- Ранк 1997 (1909) — О. Ранк. Миф о рождении героя. М.: Рефл-бук, Ваклер.
- Станюкович 2010 — М. В. Станюкович. Филиппинский эпос и связанные с ним искусственные конструкции // "Калевала" в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания "Калевалы". Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. С. 156-164.
- Станюкович 2011 — М. В. Станюкович. Эпос и память живых и мертвых // Классический фольклор сегодня: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б.Н. Путилова. Санкт-Петербург, 14-17 сентября 2009г. / Иванова Т.Г., отв. ред.. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланан». С. 472-491.
- Яценко 2011 — С. И. Яценко. Илоканский эпос «Жизнь Лам-анга»: история изучения и содержание памятника // Pilipinas muna! Филиппины прежде всего!: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова (отв. ред. и сост. М. В. Станюкович). Санкт-Петербург: МАЭ РАН.

- Chamberlain 1989-1990 — J. Chamberlain. Thao Hung or Cheuang: A Tai Epic Poem // *Mon-Khmer Studies*, vol. 18-19, 1989-1990. P. 14-34.
- Johnson et al. 1997 — J. Johnson, T. Hale, S. Belcher (eds.). *Oral Epics from Africa: Vibrant Voices from a Vast Continent*. Indiana University Press.
- ĐĐĐN 1974 — Đé đất đé nước. Truyền thuyết dân tộc Mường 1974. [Рождение Земли и Воды. Сказания мьонгов]. Nguyễn Từ Chi and Nguyễn Trần Dân. Hà Nội: NXB Kim Đồng; в тексте — ĐĐĐN.
- ĐĐĐN 2005 — Mo kể chuyện Đé Đất Đé Nước (Song ngữ Mường — Việt) 2005. [Шаман исполняет сказания о рождении Земли и Воды (Параллельные тексты на мьонгском и вьетнамском)]. Đinh Văn Ân (Sưu tầm và dịch). Hà Nội: NXB Văn hóa dân tộc; в тексте — ĐĐĐN.
- Segal et al. 1990 — R. Segal, A. Dundes, L. Raglan, O. Rank. *In Quest of the Hero*. Princeton University Press.

Валерия Николаевна Семенова
МАЭ РАН/СПбГУ, vnsemenova@gmail.com

Екатерина Валентиновна Гусарова
Институт восточных рукописей РАН/РНБ, ekater-ina@mail.ru

**ТРАДИЦИОННЫЕ ЭФИОПСКИЕ ГРАММАТИКИ
SÄWASƏW: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР,
СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЛЕСТВИЦЫ ЭФ.Н.С. 11 ИЗ
СОБРАНИЯ РНБ)**

Эфиопские грамматики языка геэз обозначаются термином *säwasəw*, что означает лестница. Геэзские лестницы¹ восходят к устной традиции, которая, как предполагают [Mulugetta 2010: 562], была зафиксирована в письменной форме в Гондарский период (1630-1760). Такое предположение связано прежде всего с тем, что этот период характеризуется стандартизацией литургии и экзегезы. Некие унификационные процессы намечаются и в палеографии. Первые датируемые рукописи грамматик относятся также к XVII-XVIII вв. Согласно местной традиции, составителем *säwasəw* считается азаж Синода, но ни одна из рукописей не содержит его имя. Синода был королевским историографом, он умер в 1726 г в Гондаре. Его перу принадлежит житие Иясу I (1682-1706). Помимо этого он написал первые 27 глав хроники Бакаффы (1721-1730). 28ая глава содержит указание на его кончину и краткий перечень основных его трудов, среди которых названа и сэвасу [Chernetsov, Nosnitsin 2010: 668]. Самая ранняя из известных грамматик содержится в рукописи 1552/53 г, на полях которой назван автор — эфиопский монах Павлос. Рукопись монаха Павлоса считается самой ранней автобиографией, в ней упоминаются события из личной жизни писца [Sokolinskaia 2010: 125]. Иов Лудольф также упоминает *säwasəw* и приводит в качестве примера фрагмент из *säwasəw*.

Вопрос происхождения грамматик сэвасу требует детального исследования имеющегося, прежде всего, рукописного материала. Однако уже сейчас можно выделить два периода в становлении этого жанра. Первый период — XVII–XIX вв, второй — с XIX в по настоящее время.

¹ Старославянское устаревшее *лествица* является ранним вариантом слова *лестница*.

Первый период представлен рукописным материалом, обозначенным выше. Происхождение эфиопской грамматики сэвасы связано с традицией, возникшей в Египте в XI–XIII вв и обусловленной упадком коптского языка как разговорного. В XI–XII вв. коптский язык, превратившись в литургический, переживает бум своего изучения [Thompson 2015: 55]. Возникает необходимость перевода коптской литературы на арабский язык. Наиболее востребованной оказалась форма копто-арабских словарей и грамматик, именуемых *sullum*, что переводится с арабского как лестница. Все эти рукописи – билингвы, в которых слева коптский текст, справа – арабский перевод [Deuydt 2010: 735]. Структура этих грамматик, видимо, и была перенята эфиопскими книжниками. Собственно грамматическая часть шла в виде пролога *muqqadama*. В сэвасы эта форма также сохранилась в виде *mäqdäm*, что, собственно, и означает предисловие, введение, пролог. Геэзский и амхарский глагол *qäddämä* означает ‘предшествовать’. Далее шли колонки слов, от которых и происходит название лестницы. Самые ранние дошедшие до нас коптские лестницы на арабском языке датируются XIII–XIV вв [Deuydt 2010: 735].

Эфиопская традиция – более поздняя, по сравнению с египетской. Однако имеется целый ряд общих черт.

Некоторые амхарские слова, обозначающие те или иные грамматические термины, являются семантическими кальками соответствующих копто-арабских² и арабских терминов. Например, арабское *ašl* соответствует амхарскому *zär* ‘корень’; араб. *ism*, амхар. *sət* ‘имя; араб. *šaddada*, амхар. *täbbäqä* ‘удваивать’.

Как и в случае с коптским языком, изучению геэза способствовал процесс сакрализации древнего языка. Вся церковная литература, необходимая для литургии, была на геэзе. Когда появились первые грамматики, геэз уже уступил место разговорного языка амхарскому и тигринья.

Säwasəw, как и коптские грамматики, также дает глоссарий геэзских лексем, которые выстроены либо в порядке их появления в нумерованных литургических книгах (обычно в Библии), либо согласно их значению.

При этом сэвасы могут отличаться друга от друга по содержанию словника. В некоторых значительное внимание уделено заимствованиям из иврита, латыни и греческого. Другие дают списки слов из какого-либо одного литургического сочинения. Например, фрагмент, приведенный

² Речь идёт о терминологии из грамматик коптского языка, написанных по-арабски.

И. Лудольфом, содержит заимствования из коптского и арабского [Mulugetta 2010: 563].

Грамматический раздел *sāwasəw* обозначается словом **አርባ(ን)** *ərba(n)* или **አርባኢታ** *ərbaḥta*, что означает ‘спряжение’ (от геэзского глагола *räbha* ‘расширять’). Эта часть содержит информацию о морфологии глагола (**ገሥ** *gäss*), имени (**ጥሪ** *ṭərə* или **ስም** *səm* или **ብትን** *bätən*) и частиц (**አገብ** *aggäbab*), здесь же перечисляются различные типы предложений.

Второй период в истории становления грамматик сэвасы связан с деятельностью эфиопских христианских ученых и появлением печатной продукции.

Печатные грамматики³ составлялись учеными людьми – мэмхырами, что переводится как учитель. Как правило, это люди, имеющие церковный сан и, конечно, получившие традиционное церковное образование.

Одним из первых грамматических сборников стала работа аеки Тайе Гэбрэ Марьяма (1860-1924)⁴, опубликованная в 1897 Евангелической Миссией. Аека был эфиопским ученым в традиционном понимании этого слова — человеком начитанным, переводчиком и преподавателем. Он получил протестантское образование и являлся членом евангелической общины. Его жизнь оказалась тесно связана со Шведской Евангелической миссией, на годы работы в которой и пришлось написать сэвасы [Gebremedhin 2010: 888]. Его труд является плодом перевода богатого литературного наследия Эфиопской Ортодоксальной Церкви и компиляции из корпуса лексико-грамматических писаний. Ученого отличало прекрасное знание сакральных текстов и, в частности, духовной поэзии на языке геэз. Книга аеки Тайе Гэбрэ Марьяма в 316 страниц состоит из двух частей: грамматического введения *mäqdəm* и длинного списка слов, выстроенных в алфавитном порядке. Кроме того, во введении слова распределены в группы по тематическому принципу [Mulugetta 2010: 563].

В 1906/07 гг. Католической миссией Кэрэна была издана грамматика в 311 страниц. Автором ее стал эритрейский католический ученый абба Тэклэ Марьям Сэмхарай (1871-1942).⁵ Его биография имеет общее с биографией аеки Тайе Гэбрэ Марьяма в том плане, что, примкнув к католической семинарии, он получил лингвистическое образование европейского типа. Одним из его учителей был мэмхыр Кыфле Гийоргис, о

³ Перечисленные далее печатные грамматики конца XIX - первой половины XX вв остались автору недоступны, поэтому описание дается по статьям в *Encyclopaedia Aethiopica*. См. ссылки и список литературы.

⁴ Aläqa Tayyä Gäbrä Maryam.

⁵ Täklä Maryam Sämharay.

грамматике которого мы скажем ниже. Помимо грамматики, Тэклэ Марьям издал первую католическую версию псалтыря. Он также способствовал распространению католицизма в Эритрее, преподавал геэз и амхарский в Университете Рима [Woldeghiorghis 2010: 842]. Его грамматику отличает современная система ссылок, алфавитный указатель, таблицы парадигм глаголов и имен.

Похожей структурой обладает грамматика аббы Якоба Гэбрэ Иесуса (1889-1969)⁶, эритрейского католического священника и богослова, много сделавшего для изучения языка тигринья. Грамматика напечатана Католической Миссией Асмары в 1928 г [Abraha 2014: 8]. В этой грамматике имеется отдельная глава, посвященная геэзскому силлабарии, что достаточно нетипично для сэвасу [Mulugetta 2010: 563].

Наиболее известной среди сэвасу является *Mäṣṣafä säwasəw wägəss wämäzǧäbä qalat ḥaddis*, дословно ‘Книга грамматики и глагола и новый словарь’. Эта грамматика имеет долгую историю издания. Составлена она была мэмышром Кыфле Гийоргисом (1825-1908)⁷, получившим классическое церковное образование. Это был очень начитанный в эфиопской экзегезе, литургии, отеческих писаниях человек. Однако собор 1878 года в Бору Меда, объявивший доктрину Трех Рождений, коей придерживался Кыфле Гийоргис, ересью, внес существенные коррективы в жизнь ученого. Ему пришлось уехать в Эритрею, где в Католической Миссии Кэрэна он получил должность профессора. Здесь в 1879 г. он помогает издать традиционную грамматику геэза-амхарского аббы Гэбрэ Микаэля. Потом были долгие годы работы в Риме в Эфиопском колледже Ватикана. Именно Кэфле Гийоргис был информантом И. Гвиди, благодаря чему увидели свет его фундаментальные труды по эфиопской литературе. Свой собственный геэзский словарь он завещал издать ученику — алеке Кидане Вэльду Кыфле (1869(70)/1871(72)-1944)⁸, которому он передал и свои обширные знания по эфиопскому богословию [Wolk, Nosnitsin 2007: 371]. Однако книга, дополненная последним, увидела свет только в 1955/56 гг, когда была издана Дэстэ Тэклэ Вэльдом (1901-1985)⁹, также получившим традиционное церковное образование и долгие годы проработавшим в крупнейших эфиопских издательствах. Его собственный словарь достоин отдельного упоминания. Изданный в 1970 г, он насчитывает 1284 страницы с 523 иллюстрациями, включает длинное грамматическое

⁶ Abba Ya‘əqob Gäbrä Iyäsus.

⁷ Mämhər Kəflä Giyorgis.

⁸ Aläqa Kidanä Wäld Kəfle.

⁹ Dästa Täklä Wäld

введение, историю амхарского и эфиопского силлабариев. Автор, как и в книге Кидане Вэльду Кыфле, применил старый эфиопский порядок согласных *abugida* [Wolk 2005: 107].

Книга Кэфле Гийоргиса / Кидане Вэльда Кыфле включает грамматику и словарь геэз. Первая часть сохраняет традиционную терминологию сэвасыу и структуру, но более систематизирована и снабжена историческим обзором. Словник отходит от классической схемы сэвасыу: словарные статьи расположены в порядке *abugida*¹⁰. Словарная статья построена по тому же принципу, который характерен для всех современных геэзских и амхарских словарей. Следом за корнем идут отглагольные имена и производные глагольные основы в 3 л. м.р. ед.ч. Каждое слово имеет амхарский перевод с информацией о флексии, предположительной этимологии, иногда — с иллюстрациями и с соответствующими примерами из геэзских текстов. Этимология слова указана в случае заимствования из другого языка: иврита, арабского, сирийского, латыни и греческого. В настоящее время словарь не потерял своей актуальности и является одной из наиболее авторитетных работ в области изучения геэза [Yimam 2007: 400].

Первые печатные издания эфиопских грамматик увидели свет благодаря деятельности различных европейских миссий. В плане метода рассмотрения языкового материала и использованной терминологии они следуют традиции. Сэвасыу XIX в., в соответствии с традицией, являются геэз-амхарскими билингвами. Эфиопы, которые составляли их, представляли собой тот замечательный круг эфиопской интеллигенции, сформировавшейся в рамках традиционного церковного образования, однако знакомых и с европейской филологической традицией. Последнее выразилось в более четкой структуре работ и наличии системы ссылок.

¹⁰Абугида — один из двух способов написания эфиопского слогового алфавита. Он характеризуется семитским порядком согласных, характерным также для иврита, арабского, сирийского языков. Эфиопская абугида начинается с семи согласных: *ḥ 'a*, *ḥ bu*, *ḥ gi*, *ḥ da*, *ḥ he*, *ḥ wə*, *ḥ zo*, которые по горизонтали образуют название этого типа алфавита. Классическим принято считать порядок *hahu*, исторически восходящий к южноаравийскому монументальному шрифту. Принцип его организации прост: в ряду представлены все порядки одного консонанта. С. Б. Чернецов пишет, что в школах при обучении геэза использовались с равным успехом обе системы, что способствовало лучшему запоминанию [Chernetsov 2003: 55].

В современном языке слово *säwasəw* переводится как собственно грамматика. Так можно назвать любую работу по грамматике — в противоположность словарю *mäzgäbä qalat* (букв. ‘собрание слов’ на геэз).

Замечательный список эфиопской лестницы хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Список носит шифр Эф. н.с. 11. Он поступил в Императорскую публичную библиотеку в 1859 г. в составе богатой коллекции Константина Тишендорфа¹¹, в которую вошли 12 эфиопских рукописей¹². К. Тишендорф интересовался древними языками и палеографией. Особую известность ему принёс тот факт, что он привез в Российскую Империю *Codex Sinaiticus* из монастыря св. Екатерины на Синае. Свою коллекцию он собирал в Египте и на Святой земле.

Рукопись получила лаконичное описание в каталоге Б.А. Тураева в 1906 г. [Тураев 1906: 115-248].¹³ Она представляет собой кодекс небольшого размера (16,8 x 11,9 x 2 см), состоящий из 121 л. Текст в одну колонку по 20 строк, написан черными и красными чернилами. Бумага с филигранью «корона с виноградной гроздью» и контрамаркой «С М». Такая бумага производилась в Восточной Европе в XVII-XVIII вв. и имела широкое распространение в Османской империи.

Переплет типичный для арабо-мусульманской среды, обтянут темно-коричневой кожей с тиснением, включающим в себя растительный орнамент.¹⁴

Почерк аккуратный, типичный для XIX в. На некоторых листах обнаруживаются скромные украшения. Рубрикация выделена красными

¹¹ Lobegott Friedrich Constantin von Tischendorf (1815-1874).

¹² К. Тишендорф в 1858 г. предпринял поездку на Восток с целью посещения греческих, коптских, сирийских и эфиопских монастырей и поиска в них и возможного приобретения рукописей. Поездка была поддержана российским правительством и на нее были выделены необходимые средства. В середине ноября 1859 г. он вернулся в Петербург из этого путешествия, которое длилось около года. Тогда же в Императорской публичной библиотеке была устроена выставка привезенных им древностей, которые были переданы в фонд ее рукописного отдела. Об этом см.: От Императорской публичной библиотеки // Санкт-Петербургские ведомости, № 251, 18 ноября 1859.

¹³ В недавнее время ее начал изучать В. М. Платонов, но ему не было суждено довести эту работу до конца. Впервые В. М. Платонов взял в руки эту рукопись 15 ноября 1962 г. (предположительно для написания дипломной работы (1958-1963 гг.). В последний раз она выдавалась ему в 2001 г.

¹⁴ Такие орнаменты принято также называть «арабесками».

чернилами. Рукопись была в употреблении и несет на себе следы реставрации с подклейкой бумаги.

Первые четыре листа разлинованы, но оставлены чистыми. На л. 5 (пронумерован как 2) список эфиопских (на амхарском языке) числительных, прописью. Лл. 6-8 чистые. Последние 12 листов (тетрадь целиком) чистые.

Большинство известных нам лествиц (грамматик и/или словарей) создавались для образовательных целей и могли использоваться как справочники в церковной службе. Списки слов (глаголов и имен) мертвого языка геэз давались с грамматическими формами и были снабжены переводами на амхарский язык. Рассматриваемый нами список был составлен для неэфиопского пользователя. Списки лексем на языке геэз с амхарскими эквивалентами, также сгруппированные тематически, снабжены переводами на арабский язык, записанными на полях в арабской графике. Это неудивительно, поскольку рукопись использовалась представителями Коптской Церкви, которая к этому времени перешла на арабский язык.

Рукопись вряд ли была переписана на территории Эфиопии, во-первых, судя по писчему материалу и общему характеру внешней стороны рукописи. Во-вторых, фолиация, хотя и выполнена эфиопскими числительными, расположена на оборотной стороне листов, в верхнем левом углу, что соответствует коптской традиции.

Перед началом основного текста помещена следующая приписка:

Л. 11: በስመ : አብ : ወወልድ : ወመንፈስ፡ቅዱስ : ሄአምላክ ::
ንጽሕፍ : ፍካሬ : ሰዋስው : ዘኢትዮጵያ : ለሊቀ፡ጳጳሳት : ጴጥሮስ :
ዘእስክንድርያ : ዓለም : በተፈጠረ : በጌሽህ : ተፈጸፀ : ዘመን፡ ጸሎቱ : ወበረከቱ :
ለአባ : ጴጥሮስ : ትንድር : በላዕሌነ : ለዓለመ : ዓለም : አሜን ::

Bäsämä 'ab wäwäld wämänfäs qäddus 'ahadu 'amlak. näṣḥaf fəḵare säwasəwu zä 'ityopya laliqä päpasat petros zä 'əskändərəya 'aläm bätäfäträ bäsäb 'attuših tä šälästu mə 'ət 'əśra kəl'etu zämän šälotu wäbäräkātu lä 'abba petros təḥädər bälä 'əlena lä 'alämä 'aläm 'amen.

Перевод: 'Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Бога единого. Мы напишем толкование грамматики эфиопской для патриарха Александрийского Петроса в лето от сотворения мира 7322. Молитва и благословение *аббы* Петроса да пребудет с нами во веки веков, аминь'.¹⁵

¹⁵ Б. А. Тураев ошибочно приводит дату написания рукописи как в эфиопском тексте, так и в переводе 7325 (и, следовательно, датирует рукопись 1833 г.), в то время как в рукописи мы читаем 7322. Эта опечатка исправлена В.М. Платоновым

После основного текста помещен колофон:

лл. 96-96об: ከተረጎሙ፡ በቀር፡ የሰዋስው፡ እርባታ። አለቀ፡ ... ዝመጽሐፍ፡ ዘሊቀ፡ ጳጳሳት፡ ዘእስክንድርያ። አባ፡ጴጥሮስ፡ወጸሐፊሁ፡ ውሂባ፡ ሥላሴ፡ አካ፡ኃዋእ፡ ወምስኪን። ሀገራ፡እብናት፡ አቡዮ፡ገብረ፡ግርዖም፡ወእምዮ፡ዖታ፡ ገብርኤል።

Kätäräsawu bäqär yäsäwasəwu 'ərbata 'aläqä ... zəməşhaf zäläqä päpasat zä 'əskəndərəya 'abba petros. wäşəhafihu wuhibä šəllase 'anä haṭ'ə wäməskin. Hagäre 'əbnat 'abuyyā gäbrä Maryam wä 'əməyyä dōta gäbrə 'el.

Перевод: ‘За исключением пропущенного (забытого), спряжения глаголов завершено. ... Эта книга Александрийского патриарха, аббы Петра. Написавший ее Вэхиба Сэлласе, грешный и нищий. Моя родная земля – Энбат.¹⁶ Мой отец Габра Марйам, а моя мать Цота Габреел’.

Петрос, для которого была составлена в 1830 г. эта лествица, был 109-м патриархом Коптской Церкви, Петром VII ал-Гавли¹⁷(1809-1852). По всей видимости, Петр VII, будучи человеком широких интересов и кругозора, заказал составление этой рукописи в целях подготовки нового митрополита для отправки в Эфиопию. При каких обстоятельствах она была приобретена К. Тишендорфом в Египте спустя почти 30 лет после написания, всего через 7 лет после кончины Петра VII, остается неизвестным.

Обратимся к содержанию рукописи. На лл. 5-94 представлен грамматический очерк, включающий списки глаголов языка геэз, с амхарскими эквивалентами, со спряжением последних по лицам и числам. Амхарский перевод зачастую неточен. Геэзские глаголы выделены красными чернилами. Например, ሰብሐ፡ *säbħa* (выделено красным), አመሰገነ፡ የሰግናል፡ሊያመሰግን፡ *'amäsägänä, yäsägnal, liyamäsägən* и прочие формы амхарских глаголов в разных временах, лицах и числах, со слитными местоимениями. На полях в начале раздела имеется арабский перевод شكر , سبح *sabaħa, šakara*. Как правило, приводится перфект и имперфект базовой и каузативной пород глаголов. Глаголы распределены в порядке знаков эфиопского силлабария по последнему радикалу, что также повторяет традицию арабских сочинений по лексикографии. Перед началом текста автор сообщает, что начинается раздел на букву ሐ *ħa*, за чем следуют глаголы, оканчивающиеся на этот символ эфиопского силлабария.

в его рукописных записях. Годы служения Петра VII указаны как 1809-1854, в то время как во всех источниках годом его смерти указан 1852 [Тураев 1906: 26].

¹⁶ Небольшой город, известный своим рынком, к юго-востоку от Гондара [Wubneh 2005: 211-212].

¹⁷ Местечко Гавли близ г. Манфалут на западном берегу Нила в Верхнем Египте.

На лл. 94об.–98об. приведен словарь имен существительных, распределенных по категориям. Названия категорий приведены на амхарском. Это говорит о том, что составитель лествицы был амхароязычным, а не носителем арабского языка, изучившим язык геэз. Кроме того, перечисленные в каждой категории слова не всегда подходят под указанную категорию. Это может быть как отражением традиционного образа мышления и восприятия предметов и понятий, так и показателем недостаточного знания языка геэз составителем лествицы.

Представлены следующие категории:

የሰው፡ አካል፡ *yäsäwu 'akal* ‘Части тела’.

ሽ-መት፡ *šumät* ‘Назначения (государственные и церковные должности и титулы)’.

እንስሳ፡ ዘቤት፡ *'ənsəsa zäbet* ‘Домашние животные’.

ወይዘሮ፡ *wäyzäro* ‘Родственники и профессии’

የዳር፡ አራዊት፡ *yädur 'arawit* ‘Дикие животные’ (сюда также включены названия оружия и музыкальных инструментов).

ዘዕፀው፡ *zä 'əḍäwu* ‘Деревья и прочие растения’.

ዘእህል፡ *zä 'əhəl* ‘Злаки’.

የጎረቤት፡ አገር፡ *yänägarit 'agär* ‘Территориальное деление Эфиопии’.

ፊደል፡ እራስ፡ ኩብዶ፡ *fidäl 'əras kəbədo* ‘Амхарские эмфатические и эйективные согласные’.

ወንጌላውያን፡ *wängelawuyan* ‘Евангелисты’.

ወር፡ *wär* ‘Месяца’ (название этой категории не выделено красными чернилами).

ዕለታት፡ *'älätat* ‘Дни недели’.

አጽዋማት፡ *'ašwamat* ‘Посты’.

ቀ-ዕር፡ ያህበሽ፡ *q'wīḍər yahəbäš* ‘Числительные’ (в список включены также некоторые местоимения и парадигма спряжения глагола-связки **ነው፡** *näwu* ‘быть’).

Лл. 98г.–99в: **የተረሳ፡ መብል፡ እንጅራ፡ ሥጋ፡** *yätäräsa mäbäl 'əngära šaga* ‘Позабывтые предметы, еда, хлеб и мясо’ (здесь же человеческие качества, атмосферные явления, четыре стороны света и пр.). Лл. 99об.–100: заметки грамматического и лексического характера другой рукой.

Лествица Эф. н.с. 11 является не только любопытным примером традиционной эфиопской грамматики, снабженной глоссарием, но и уникальным историческим источником. Дело в том, что в Эфиопии в начале XIX в. продолжалась политико-религиозная смута. Абба Кирилл занимал престол митрополита Эфиопской Церкви с 1816 по 1828 г. С 1828 г. по 1841 г. митрополита там не было,. Только в 1841 г. в Эфиопию прибыл из Египта абуна Салама III (1841-1868). Судя по всему, для его

подготовки к ответственному служению в роли главы Эфиопской Церкви и была составлена для Петра VII рассматриваемая нами рукопись.

Список сокращений.

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии Российской Академии Наук
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
РНБ — Российская Национальная Библиотека

Литература

- Тураев 1906 — Б. А. Тураев. Эфиопские рукописи в Санкт-Петербурге. (Отд. отт. из ЗВОРАО. Т. XVII.) СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1906.
- Abraha 2014 — T. Abraha. Ya‘əqob Gäbrä Iyäsus // Siegbert Uhlig and Alessandro Bausi, et al. (eds.) *Encyclopaedia Aethiopia*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014. Vol. 5. P. 8-9.
- Chernetsov 2003 — S. Chernetsov. Abugida and Hahu // Siegbert Uhlig, et al. (eds.) *Encyclopaedia Aethiopia*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2003. Vol. 1. P. 55.
- Chernetsov, Nosnitsin 2010 - S. Chernetsov, D. Nosnitsin. Sinoda // Siegbert Uhlig and Alessandro Bausi, et al. (eds.) *Encyclopaedia Aethiopia*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. Vol. 4. P. 668-669.
- Depuydt 2010 — L. Depuydt. *Coptic and Coptic Literature* // Alan B. Lloyd (Ed.). *A companion to Ancient Egypt*. Vol. I. John Wiley & Son, 2010. P. 732-754.
- Gebremedhin 2010 - E. Gebremedhin. Tayyä Gäbrä Maryam // Siegbert Uhlig and Alessandro Bausi, et al. (eds.) *Encyclopaedia Aethiopia*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. Vol. 4. P. 888-889.
- Mulugetta 2010 — M. Mulugetta. Säwasəw // Siegbert Uhlig and Alessandro Bausi, et al. (eds.) *Encyclopaedia Aethiopia*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. Vol. 4. P. 562-564.
- Sokolinskaia 2010 — E. Sokolinskaia. Pawlos // Siegbert Uhlig and Alessandro Bausi, et al. (eds.) *Encyclopaedia Aethiopia*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. Vol. 4. P. 125.
- Thompson 2015 — J. Thompson. *Wonderful Things: A History of Egyptology: 1: From Antiquity to 1881*. Cairo: The American University in Cairo Press, 2015.
- Woldeghiorghis 2010 — U. Woldeghiorghis. Täklä Maryam Sämharay Sällim // Siegbert Uhlig and Alessandro Bausi, et al. (eds.) *Encyclopaedia Aethiopia*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. Vol. 4. P. 841-842.
- Wolk 2005 — E. Wolk. Dästa Täklä Wäld // Siegbert Uhlig, et al. (eds.) *Encyclopaedia Aethiopia*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. Vol. 2. P. 107.
- Wolk, Nosnitsin 2007 — E. Wolk, D. Nosnitsin. Kəflä Giyorgis // Siegbert Uhlig, et al. (eds.) *Encyclopaedia Aethiopia*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 370-371.

Yimam 2007 — B. Yimam. Kidanä Wäld Kəfle // Siegbert Uhlig, et al. (eds.) *Encyclopaedia Aethiopica*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 399-400.

Wubneh 2005 — M. Wubneh. Əbbənat // Siegbert Uhlig, et al. (eds.) *Encyclopaedia Aethiopica*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. Vol. 2. P. 211-212.

Артём Витальевич Давыдов
СПбГУ, artdavydov@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ СВОЙСТВАХ ЛИНГВОНИМА СУАХИЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение

Слово *суахили*, произносимое по-русски профессиональным лингвистом или африканистом, имеет вполне определённое значение: речь идёт об одном из крупнейших по количеству носителей языков Африки, который относится к группе банту бенуэ-конголезской ветви гипотетической макросемьи Нигер-Конго. В классификации М. Гасри его индекс — G 42. Также речь может идти о народе, который говорит на этом языке, — суахилийцах.

То же самое слово *суахили* — особенно когда оно произносится носителем русского языка, не имеющего специальной лингвистической или африканистической подготовки — может приобретать ряд значений, далеко выходящих за рамки профессионального употребления.

В настоящей статье я попытаюсь показать, что за рамками профессионального (лингвистического, этнографического, африканистического и т.д.) дискурса *суахили* в русском языке чаще всего далеко не просто указывает, а порой и не указывает вовсе, на соответствующий язык банту и связанную с ним этническую общность, но имеет более сложную семантику, обусловленную несколькими, отчасти пересекающимися, базовыми компонентами.

Материалами для настоящей статьи послужили примеры, полученные из разных источников. Во-первых, это Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Во-вторых, это примеры, найденные при помощи поиска Google. В-третьих, я использую примеры, встреченные мной при чтении текстов на русском языке: в данном случае примеры имеют скорее случайный характер.

Поскольку речь пойдёт в том числе о художественных текстах, должен сделать оговорку: моя субъективная оценка их эстетического качества никак не была задействована при создании выборки. В неё попали как отрывки, которые я высоко ценю, так

и те, к которым я отношусь весьма скептически. Орфография и пунктуация цитируемых источников оставлены без изменений. Для удобства читателя я выделяю в цитатах слово **суахили** полужирным шрифтом.

2. Суахили: прототипический экзотический язык

Практическое владение каким-либо африканским языком — редкий навык в нашем российском и, шире, постсоветском обществе. Если в обыденном разговоре кто-то сообщает, что может говорить на африканском языке, то почти неизбежно встречается вопрос: «*На суахили?*». Здесь нет ничего удивительного: ведь, как правило, единственный африканский язык, известный обывателю хотя бы по названию, — это и есть суахили. Очевидно, по этой же самой причине слово *суахили* всякий раз всплывает тогда, когда говорящему или пишущему порусски неспециалисту нужно назвать какой-нибудь экзотический язык. Именно поэтому слово *суахили* часто употребляется в словосочетаниях *какой-нибудь [там] суахили, какой-то суахили* и подобных.

Иными словами, *суахили* выступает не в терминологическом смысле, указывая на соответствующий язык банту, а как **экземплификант экзотического языка**. Таким же образом, например, *Урютинск*, может обозначать любой провинциальный город, а *Вася* или *Петя* — любого простоватого человека мужского пола.

Я не претендую на полноту классификации всех основных возможных дискурсов, в которых может встречаться такое употребление, но постараюсь дать к ней предварительные наброски.

Чаще всего *суахили* упоминается в дискурсе, связанном с обсуждением практического освоения иностранного языка или международного социолингвистического статуса тех или иных языков. Такое употребление довольно близко к терминологическому: речь всё ещё идёт о соответствующем африканском языке, и это видно из контекста употребления. В таких случаях могут упоминаться, например, группа банту (см. Пример 1), к которой суахили принадлежит, или Кения (2) — одна из стран, где он распространён. При этом семантический компонент экзотичности становится маркирован. В Примере 3 терминологичность употребления не выводима из контекста, но её следует скорее предположить, чем отвергнуть, поскольку он взят из дискуссии на интернет-форуме эсперантистов — сообщества, члены которого, несомненно, интересуются лингвистикой.

(1) Если это - правда, что не исключено, Россия обречена и никакое надувание щек и ядерное оружие ее не спасет. А это значит, что и русский язык, и русская культура обречены стать такой же экзотикой, как **какой-нибудь суахили** (на котором, что характерно, уже сегодня говорит больше народа, чем на русском) и культура банту [<http://chegevara37.livejournal.com/1874119.html>].

(2) мне кажется не только китайский язык тяжело воспринимается на слух, а любой не родной. ...

не любой, чем проще фонетика, тем легче на слух воспринимается **какой-нибудь суахили**, поучив усиленно полгодика, будете кучу всего выхватывать из новостных передач на BBC или какой-нибудь фигни типа Sema Kenya («Говори, Кения»), не 100, разумеется, но много [Сообщения на форуме <http://bkrs.info/taolun/>].

(3) А он действительно международный. И это и не хорошо и не плохо, это просто так и есть. Примите как данность. И слава Богу, что это английский, а не **какой-нибудь суахили**. [<http://www.e-novosti.info/forumo/etnaj-lingvoj/topic1566.html>].

Следующая группа употреблений уже не связана напрямую с суахили в терминологическом смысле — во всяком случае, это никак не выводимо из контекста, хотя не может исключаться.

(4) arpad 2003-12-2408: 00 (ссылка) Шансов у арабского на международный статус не больше чем у **суахили**. Арабский язык железно замкнут в своём регионе. Каковой регион стремительно деградирует, а вовсе не развивается. Русский, японский и даже испанский также определённо привязаны ко второй группе [Запись LiveJournal с комментариями (2004)].

(5) Любить Родину — занятие для дураков, если страсть эта ограничивается пением национальных песен, покупкой ландышей в подземном переходе и отказом изучать язык **суахили** как чуждый фонетически. [Александр Мостовщиков. Опыты на людях (1997) // «Столица», 1997.06.10]

(6) Разве поэзию Народного Вожатого может переводить непонятно кто, никому неведомый ремесленник? И ладно бы на **какой-нибудь суахили**, но на русский, язык нашего важнейшего геополитического партнёра... Нет, братец, ты не осознаёшь всей значимости события [Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012)].

(7) Этому вундеркинду и в голову не пришло, что если весь мир на один язык перейдет, язык этот не обязательно немецким окажется — может, как

раз, ему-то и придется учить **какой-нибудь суахили**... [Элла Грайфер. Про свой устав и чужой монастырь
https://israelections2015.wordpress.com/2016/10/30/grayfer_rusish/]

В некоторых случаях можно констатировать, что *суахили* ассоциируется не с экзотичностью как таковой, а с теми или иными более узкими признаками. Например, таковым может быть расовая принадлежность воображаемых носителей:

(8) Как ни крути, а в любой язык из любого языка переходят слова и язык изменяется *все время*. Послушай тех же негров на наших улицах - тарабарщина несусветная на **каком-то "суахили"** и вдруг знакомые вставки на простонародном русском языке для связки слов и красочного выражения эмоций (примеры тут приводить не буду во избежание штрафа) [<http://searchengines.guru/showthread.php?t=930773&page=5>].

В более узких значениях *суахили* используется как обозначение профессионального жаргона (9), тайного (10) или просто непонятного языка (11, 12). Можно утверждать, что связь с термином потеряна полностью.

(9) <...> Ты произнес слово "лук". Я не совсем понял, какое отношение этот овощ имеет к шмотью?

-- "Лук" на фэшен-**суахили** означает "комплект одежды", -- снисходительно пояснил я [Д. Донцова. Авооська с Алмазным фондом].

(10) Quek Lin: Очень милый экскурс в смысл работ Сократа... но только почему на испанском? О_о

Лана Сиру: На испанском потому, что по настроению... <...>

Quek Lin: Если уж писать в болталке, то чтобы это осталось секретом нужно **какой-нибудь суахили** применить) [<http://coruscant.ru/index.php?showtopic=2204&st=2260&p=35173&#entry35173>].

(11) Аня весьма ловко управлялась с автомобилем, не обращая никакого внимания на прифегелых Акацук. Изредка она что-то спрашивала у Алины на **каком-то суахили**, а Алина отвечала ей по-русски. [Лино Дрес. Акацуки: Пипец Российской Армии <https://ficbook.net/printfic/17125/36460>].

(12) Слишком много примеров из жизни, когда хозяин татухи думает что у него наколота удача или ШАСТЕ, а на деле написано смывать в унитаз на **каком-то суахили** [<https://2ch.hk/b/arch/2016-04-04/res/122298949.html>].

3. (Гортанное) наречие или диалект

Ещё одно следствие экзотичности *суахили* сводится к тому, что не всегда он удостоивается звания языка, а называется вместо этого наречием (13; иногда — гортанным, 14) или диалектом (15).

(13) Если вы будете так любезны, я бы попросил вас не счесть за труд и написать своим друзьям в Москву, чтобы они — разумеется, если это не будет им в тягость, — попробовали бы достать, — это, конечно, не обязательно, но может быть, у них найдется время — достать какую-нибудь литературу на **суахили**. <...> Конечно, если это хоть сколько-нибудь затруднительно... Вытаращившись на него, я сообщил ему, что это не будет затруднительно и проглотил вопрос, висевший у меня на кончике языка. А он, глазом не моргнув, и ничем не показывая, что заметил мое замешательство, так же плавно продолжал: — Дело в том, что из всех африканских наречий — **суахили**... Слава тебе, Господи! Значит, **суахили** — это наречие. Но пялить глаза на него я все-таки не перестал [Юлий Даниэль. Воспоминания // «Родник», 1989].

(14) Судя по всему, туземцы избрали выжидательную тактику. Опасливо поглядывая на пистолет (они знают, что это такое?), они больше не приближались ко мне, разглядывали, как дети, мою одежду, жестикулировали, громко переговариваясь на непонятном мне гортанном наречии. Возможно, это был **суахили**, но возможно, и нет [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002].

(15) Не знаю 99% или число это завышенное, но у молодежи среднего класса проблемы есть и проблемы это не шуточные. На мой взгляд основная проблема упирается в образование. Я сейчас не говорю о людях с экзотическими специальностями типа "феминизм" или диалект **суахили**, хотя потом и о них [<http://polenova.livejournal.com/296531.html>].

4. Функциональный аспект: перечисление

В функциональном аспекте — как средство организации текста — *суахили* используется тогда, когда необходимо перечислить ряд языков — от самых обыкновенных до самых экзотических, как это сделано в Примере 16. Отметим, что для автора этого примера на шкале экзотичности *письмена ронго-ронго* находятся всё же выше *суахили*.

(16) Некоторые утверждают, что человеческие языки разъединяют мир. В самом деле: французский, сербский, **суахили**, *письмена ронго-ронго*...

Сейчас на земле насчитывается около 3000 только живых языков. Но есть языки, которые мир объединяют. Я имею в виду не малораспространенный эсперанто [Л. Корнилов. Не бойтесь языка химических формул // «Химия и жизнь», 1965].

Частное следствие этого свойства — использование *суахили* как средства, позволяющего в экспрессивной манере изобразить сочетание в человеке редких, почти невозможных знаний. Это можно проследить на материале юмористических текстов сетевого фольклора (17), произведений художественной литературы (18) и публицистики (19).

(17) Требования работодателей:

- Опыт работы от 50 лет.
- Вы должны победить дракона.
- Ненормированный рабочий день.
- Наличие прав на управление вертолетом.
- Умение программировать на всех возможных языках.
- Знание языка **суахили** не ниже уровня upper intermediate.
- Расширение клиентской базы на 100500 человек в день.
- Знание основ термоядерного синтеза.
- Опыт в организации концертов Бориса Моисеева в Дагестане.
- Уверенное использование телекинеза в рамках компетенции.
- Большая концентрация мидихлорианов в крови.
- Наличие золотой или серебряной медали с одной из олимпийских игр.
- Наличие собственной базы клиентов.
- Наличие нобелевской премии по физике, как плюс.

Мы предлагаем:

- Стул, кипятилок.
- Комфортабельный офис в здании заброшенной психбольницы

напротив кладбища [<http://www.anekdot.ru/id/768741/>].

(18) Встречаемся через пять минут у входа в диско-зал. В это время электронная память напоминает через стереодинамик: — Помни! В эту неделю необходимо сдать «хвост» по **суахили**; проработка на УВК; написать письмо бабушке; подготовить биоробот к сельхозработам. Все. Не правда ли, заманчивая картина? Но пока она из области фантастики [Петр Константинов. Вуз будущего // «Студенческий меридиан», 1984].

(19) <...> алгоритм Гровера — это прежде всего универсальный «метод перебора», способный сверхбыстро обрабатывать базы данных. Например, если бы из всего человечества нужно было отобрать только говорящих на **суахили** блондинок определенного роста и возраста, квантовому

компьютеру для этого потребовалось бы порядка 100 тыс. шагов [Борислав Козловский. Квантующие в темноте // «Русский репортер», № 6 (36), 21-28 февраля 2008, 2008].

5. Полиглоты, эстеты и люди эпохи Возрождения

В структурном отношении, пожалуй, эту группу цитат можно было не подвергать специальному анализу и ограничиться сказанным в предыдущем пункте. Однако их количество в выборке заставляет рассмотреть их более подробно. Речь идёт об изображениях разных типов человеческой (и не только) одарённости.

Во-первых, *суахили* почти неизменно возникает там, где требуется изобразить полиглота. По уже описанной модели сначала называются несколько языков, находящихся ниже на субъективной шкале экзотичности, затем список завершается *суахили* (20-24). В скобках заметим, что парадокс полиглотовства заключается в том, что это качество очень часто коррелирует в текстах с беспомощностью, физической слабостью, непригодностью в других умственных сферах (20, 22), да и просто «не поможет» (24).

(20) В конце строя двигался как иноходец малахольный Вася Куницын, гениальный лингвист, который знал штук двадцать языков и среди них **хинди, литовский и суахили** и был абсолютно неприспособлен к жизни [Алексей Варламов. Присяга // «Новый Мир», 2002].

(21) Кстати, за нашим домом — да, да, в Новых Черемушках — окна в окна! — был интернат с индийским уклоном! Там наши русские интернатские дети учили хинди, а вторым языком у них шел урду!!! Особо одаренные, между делом, осваивали **суахили** [Марина Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию (2003)].

(22) Мужик на рынке продает попугаев. Подходит мадам и вопрошает: — Скажите, а сколько стоит вон тот в углу, зелененький? — 500 — Ой, а почему так дорого? — Он разговаривает на английском, французском, испанском и переводит с русского на немецкий. — А—а—а ... Ну ладно, а вон тот синенький? — 800 — Ой, а почему он дороже? — Он умеет говорить на тех же языках, что и первый, но еще и пишет стихи на иврите и поет на **суахили**. — Да—а ... Ну а вон тот, побольше, красный, в углу? — 1.500 — Ничего себе деньги! Но на каких же тогда языках он говорит? — Вообще—то он молчит, но эти двое называют его боссом ... [http://anekdoty.ru/propopugaia/page/4/]

(23) Окончил Институт международных отношений со знанием двух языков — греческого и **суахили** [Никита Богословский. Заметки на полях шляпы (1997)].

(24) Ваш последний гороскоп

Водолей. Читатели, родившиеся под этим знаком, беспокоятся. И не напрасно. Ничего хорошего на этой неделе их не ждет. В пятницу придется ответить за исчезновение воды в кранах.

Рыбы. Все очень плохо. Скорее всего, на этой неделе вы утонете. Лучше лечь на дно. Всплыть не удастся. <...>

Весы. На этой неделе вас завалит в шахте. Знание **суахили** не поможет [<https://www.anekdot.ru/id/448321/>].

Во-вторых, *суахили* используется там, где нужно передать крайнюю степень чьей-то изысканности или изощрённости, как это делается в трёх примерах ниже. Важно, что в данном случае *суахили* не нужно *знать*, а можно на нём просто *разговаривать/говорить* (26, 27), причём «даже во сне» (27). Специальное изучение, очевидно, не требуется.

(25) Мушкетеры имеются у меня в одиннадцати изданиях. Вплоть до языка **суахили**. — Можно подумать, что вы знаете **суахили**! — Можно подумать — сказал любитель, гордо выпятив небольшую грудь. — Представьте себе, что сцена казни миледи звучит на языке **суахили** гораздо живее, чем даже, например, на английском. [Евгений Попов. Любитель книг Александра Дюма-старшего борется с плакатом (1970-2000)]

(26) Из интервью «деятелей культуры и искусства» о секретах своего успеха.

Макаревич: «Школу закончил с трудом. Восемь классов. Работал дворником. Мне не понравилось. С тех пор сочиняю песни. Вот одна из последних моих.

«Дрын-дрын Я думал оно та-а-а-к дрын-дрын А оно не та-а-а-к дрын».

Правда, хорошо? Хуже не умею ...»

Шнуров: «У меня тоже было трудное детство. Спал на вокзале в коробке от холодильника. С тех пор боюсь холодильника. Что тут шнягу разводить!

Вышел — расстегнул — показал всем! И вся песня ...»

Гребенщиков: «Я свое вдохновение черпаю из текстов барда Кличко. Добавляю туда колорита из африканской глубинки. Кстати, я даже во сне разговариваю на **суахили**. Потом просто беру микрофон ...». [<http://www.km.ru/forum/anecdote-day/dva-dnya-na-dache#comment-3458110>]

(27) Они говорили в постели на языке **суахили**. Слушали блюз.
Они друг на друге жили, вдыхали абсента полынный вкус.
И так четыре недели. Не спали, не пили. Не ели.
Они друг друга любили.
А потом вернулась его жена из командировки.
И убила обоих на*уй монтировкой.
Выкурила их сигареты.
Абсент ей, кстати, тоже понравился..
[https://ok.ru/farsideofthemoon/topic/65765112354263]

Наконец, следует упомянуть об одном исключительном примере из моей выборки: *суахили* оперирует здесь в качестве антропонима, а не лингвонима. Такое прозвище носит генерал Авдеев, один из героев романа Александра Проханова «Господин Гексоген», человек напоминавший «эрудицией офицеров царского Генерального штаба», иными словами — человека эпохи Возрождения. Важно, что о владении языком *суахили* в отрывке речи даже и не идёт. Прозвище «Суахили» просто является венцом, подведением итогов разнообразных талантов героя:

(28) Умер генерал Авдеев, которому, кажется, именно ты дал прозвище «**Суахили**» <...> Суахили был первоклассный разведчик, энтомолог, этнограф. Напоминал своей эрудицией офицеров царского Генерального штаба, которые наносили на карты речные броды, горные тропы, колодцы в пустынях, предвосхищая прохождение войск. <...> **Суахили** ловил бабочек в Бельгийском Конго вблизи ракетодрома в джунглях, откуда запускались французские ракеты средней дальности. <...> Он, **Суахили**, отправлял Белосельцева в африканский вояж, управлял его действиями в пустыне Намиб и в устье реки Лимпопо [Александр Проханов. Господин Гексоген (2001)].

6. Конкуренты

Нельзя сказать, что *суахили* в качестве экземплификанта экзотического языка в русской языковой культуре вовсе не испытывает конкуренции со стороны других лингвонимов. Упоминания прочих африканских языков (как, например в 29, 30) — лишь окказионализмы, хотя наверняка и покажутся читателю-африканисту курьёзными. Я привожу их здесь только в связи с тематикой сборника.

Наибольший потенциал имеют хинди (31, 32, 33) и санскрит (33, 34). Это подтверждается их хорощей, хоть и не настолько, как у *суахили*,

сочетаемостью с определением *какой-нибудь*. Поиск в Google на 28.03.2017 даёт следующие результаты: суахили (379), хинди (280), санскрит (188). При этом результаты хинди должны быть сокращены за счёт словосочетаний вроде «какой-нибудь хинди самоучитель».

(29) Пелевина и ПТУшники читают, а переведут книгу на **суахили-маленке-бамбара**, так и негров «заколбасит». [Василий Пригодич. Новый Пелевин, старый Лао-Цзы, или Вечный путь (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.09.28]

(30) И слава богу, что попал на турецкое отделение, а ведь мог бы и на монгольское, и на вьетнамское, мог бы вообще изучать какой-нибудь африканский язык: **бамбара** или **малинке** [Владимир Жириновский. Иван, запахни душу! (2016)].

(31) На следующий день Митрофанов исчез. Он ленился записывать. Несколько месяцев бездельничал. Прочитал еще триста книг. Выучил два языка — **румынский и хинди**. Обедал у друзей, расплачиваясь яркими пространственными лекциями [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)].

(32) В этом смысле мы можем говорить как о языках не только о **русском, французском** или **хинди** и других, не только об искусственно создаваемых разными науками системах, употребляемых для описания определенных групп явлений (их называют «искусственными» языками, или метаязыками данных наук), но и об обычаях, ритуалах, торговле, религиозных представлениях [Ю. М. Лотман. Структура художественного текста (1998)].

(33) а там окажется какой-нибудь любитель сериалов и экзотики, и намастрячит имя получателя по-ихнему, на **какой-нибудь хинди** или **санскрите**. Во приколу будет потом читать эти крякозябры [<http://forum.guns.ru/forummessage/12/212504.html>].

(34) — Итак?.. — сказал фон Штраубе, опасаясь, что они в полиглотстве своём перескочат на **какой-нибудь санскрит или арамейский** [Вадим Сухачевский. Завещание императора (2004)].

7. Некоторые итоги

Каковы причины того, что слово *суахили* стало в русском языке экземплификантом экзотического языка? Представляется, их нужно искать как во внутренних свойствах русского языка, так и во внешних, внеязыковых параметрах.

Что касается внутренних свойств, то *суахили* — однокомпонентный лингвоним, требующий, к тому же, уточнения (*язык суахили*, но не *народ суахили*). Однокомпонентная модель образования лингвонимов периферийна в русском языке [Дуличенко 2015: 315]. Она используется, во-первых, для образования имён двух мёртвых языков, имеющих долгую традицию изучения, — латыни и санскрита. Во-вторых, гораздо чаще она используется для образования названий языков, менее широко известных в русской культуре. Можно предположить, что однокомпонентные лингвонимы, не имеющие даже привычной парадигмы склонения, в целом воспринимаются носителями русского языка как более чужеродные, а обозначаемые ими языки — как более экзотические.

Крупнейшие из языков, обозначаемых однокомпонентными лингвонимами, — это языки Индии и Африки, поэтому нет ничего удивительного, что конкуренция возникла именно между *хинди* и *суахили*. Если судить по НКРЯ, *хинди* и *суахили* далеко опережают по количеству употреблений все прочие крупные живые языки мира, обозначаемые по-русски однокомпонентными лингвонимом. Приведём статистику.

Таблица 1. Статистика упоминаний лингвонимов в НКРЯ

Язык	Документы	Вхождения	Язык	Документы	Вхождения
<i>хинди</i>	50	74	<i>телугу</i>	5	7
<i>хауса</i>	35	41	<i>маратхи</i>	4	5
<i>суахили</i>	28	114	<i>гуджарати</i>	3	3
<i>пушту</i>	23	29	<i>каннада</i>	3	3
<i>урду</i>	16	30	<i>панджаби</i>	2	2
<i>йоруба</i>	5	9	<i>синдхи</i>	2	2

Статистика по *хауса*, учитывая омонимию формы (*кофе-хаус*, *таун-хаус*, музыка в стиле *хаус*, *доктор Хаус* и т.д.), должна была бы быть понижена до 6 употреблений в 5 документах, будь омонимия повсеместно снята. Остальные формы не дают омонимии.

Как видно, по количеству употреблений лексема *суахили* уступает только лексеме *хинди*. Однако если подсчитать статистику употреблений, то окажется, что из 50 употреблений *хинди* примерно 40 — терминологические, и только про оставшиеся 10 можно сказать, что *хинди* используется как экземплификант экзотического языка. Напротив, из 28 употреблений *суахили* 14 только являются

терминологическими, в оставшихся 14 случаях суахили употребляется либо как экземплификант, либо иным способом (28). Таким образом, если судить по данным НКРЯ, суахили чаще, чем *хинди* выступает экземплификантом экзотического языка. Кроме того, как было показано в Примерах 9-12, для *суахили* характерен ряд дополнительных значений (не зафиксированных, правда, в НКРЯ), не свойственных, как кажется, *хинди*.

Если говорить о внеязыковых параметрах, которые обуславливают свойства *суахили* как экземплификанта экзотического языка, то они связаны с общим в русской культуре представлением об Африке как об экзотическом континенте. Их анализ, однако, вышел бы далеко за рамки этой статьи.

Литература

Дуличенко 2015 — А. Д. Дуличенко. Введение в славянскую филологию. М.: ФЛИНТА : Наука, 2015.
Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru/>

Екатерина Александровна Желтова

Европейский Университет в Санкт-Петербурге, kitrini92@gmail.com

ДИТРАНЗИТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРОНОМИНАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ: КОНКУРИРУЮЩИЕ ИЕРАРХИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

1. Введение

1.1 Цели и задачи

Тема данной статьи находится на пересечении двух заметных в лингвистике последних лет направлений, а именно, исследований стратегий кодирования участников в дитранзитивных конструкциях и дискуссии о роли и взаимодействии различных иерархий (синтаксической, семантической, прагматической).

Под дитранзитивными конструкциями я, вслед за [Malchukov, Haspelmath, Comrie 2010] понимаю «конструкции, состоящие из (дитранзитивного) глагола, агенса (A), реципиента (R) и темы (T)», при этом здесь термин «тема» используется в контрасте с термином «пациенс», обозначающим в этой терминологии второго участника в монотранзитивных конструкциях. Согласно классификации, основанной на типах дитранзитивных конструкций, представленной в работах [Haspelmath 2005] и [Malchukov, Haspelmath, Comrie 2010], существуют три языковых строя: индирективный (*indirective*), секундативный (*secundative*) и нейтральный (*neutral*). Критерием для такой классификации, по аналогии с классификацией, основанной на типологии монотранзитивных конструкций, выделяющей аккузативный, эргативный и нейтральный строй, стал способ кодирования темы и реципиента в дитранзитивных конструкциях. В этой парадигме классификация предикатов, способных вводить дитранзитивные конструкции, представляет собой континуум, в центре которого находятся «прототипические» дитранзитивные глаголы, а на периферии — глаголы, которые могут становиться дитранзитивными в определенных конструкциях [Malchukov, Haspelmath, Comrie 2010: 2].

Что касается второго аспекта, находящегося в фокусе внимания данной статьи — иерархий и их взаимодействия — речь, в основном, будет идти о иерархии одушевленности и о том, как она взаимодействует с иерархией семантических ролей в процессе определения поверхностных синтаксических структур. Майкл Сильверстин [M. Silverstein

1976] обратил внимание на то, что в языках эргативного строя наблюдается вариативность в способах кодирования аргументов переходных предикатов. Он предположил, что те участники, которые имеют высокий статус по шкале одушевленности, находясь в позиции агенса, не требуют обязательной маркировки эргативным падежом, так как роль агенса для них, в принципе, более характерна в силу высокой степени одушевленности, однако, оказываясь в позиции пациенса, они должны быть маркированы аккузативом, поскольку эта роль для них гораздо менее характерна. Аналогичным образом, участники с низким статусом в иерархии одушевленности не требуют специального маркера в роли пациенса, но получают маркировку эргативом в роли агенса. Эти идеи были развиты в ряде работ других исследователей [Kibrik 1997; Yamamoto 1999; Shin & Verhoeven 2009], из которых наиболее важными для данной статьи являются исследования, посвященные влиянию иерархии одушевленности на синтаксис дитранзитивных конструкций [Haspelmath 2002; Zheltov 2008].

В этой статье я рассматриваю дитранзитивные конструкции новогреческого языка, в которых позиции темы и реципиента занимают местоимения, и анализирую явление, которое Мартин Хаспельмат назвал “ditransitive person-role constraint” (о дитранзитивных конструкциях с прономинальными актантами см. [Siewierska & Bakker 2007; Zheltov, 2008]; на материале новогреческого в перспективе генеративной грамматики [Warburton 1977]).

Целью исследования, ставшего основой для этой статьи, было протестировать действие «ограничений» (constraints) на материале, специально записанном от носителей новогреческого языка, сделать некоторые наблюдения о том, как работает в новогреческом иерархия одушевленности и сформулировать правила, по которым та или иная комбинация местоимений в дитранзитивных конструкциях может быть предпочтительной, или, напротив, может быть подвергнута ограничению.

1.2 Кодирование аргументов в дитранзитивных конструкциях в новогреческом языке

Согласно типологии монотранзитивных конструкций, новогреческий принадлежит к аккузативному типу языков. Таким образом, агенс в моно- и дитранзитивных конструкциях кодируется так же, как и субъект в непереходных конструкциях. Во всех случаях используются маркеры номинатива:

- (1) *O* *Pétros* *févyi*
ART:M.NOM Пётр:NOM уходить:PRES.3SG

- ‘Петр уходит’.
 (2) *O Pétros vlépi*
 ART:M.NOM Петр:NOM видеть:PRES.3SG
tin María
 ART:F.ACC Мария:ACC
 ‘Петр видит Марию’.

Как видно из примеров выше, стандартный порядок слов в новогреческом — SVO, однако субъект часто опускается (pro-drop):

- (3) *Févvi*
 уходить:PRES.3SG
 ‘Он/она/оно уходит’.
 (4) *Vlépi tin María*
 видеть:PRES.3SG ART:F.ACC Мария:ACC
 ‘Он/она/оно видит Марию’.

Место объекта по отношению к глаголу может варьироваться, в частности, другим будет порядок слов в конструкциях с местоименным удвоением объекта:

- (5) *Tin María tin vlépi*
 ART:F.ACC Петр:NOM ee.CL:ACC видеть:PRES.3SG
 ‘Он/она/оно видит Марию’.

По типологии дитранзитивных конструкций новогреческий относится к индирективному типу, то есть, пациенс в монотранзитивных конструкциях кодируется так же, как тема в дитранзитивных, в то время как реципиент получает отличную маркировку. Пациенс и тема маркируются аккузативом, а в случае с реципиентом возможны две стратегии кодирования. Первый способ — конструкция PREP *se* (в, к) + ACC, и в этом случае он следует за темой, второй способ — маркировка генитивом («косвенным» падежом), и в этом случае реципиент предшествует теме, и может стоять также перед глаголом:

- (6) *Edhiksa ton kathiyítí*
 показывать:PAST.1SG ART:M.ACC преподаватель:ACC
s'ton fitítí
 в-ART:ACC студент:ACC
 ‘Я показал преподавателя студенту’.

- (7) *Edhiksa tu fitití*
показывать:PAST.1SG ART:M.GEN студент:GEN
ton kathiyití
ART:ACC преподаватель:ACC
'Я показал преподавателя студенту'
- (8) *Tu fitití édhiksa*
ART:M.GEN студент:GEN показывать:PAST.1SG
ton kathiyití
ART:ACC преподаватель:ACC
'Я показал преподавателя студенту'

Первая стратегия (пример 6) представляется более частотной и оценивалась как предпочтительная моими респондентами.

Еще большая вариативность наблюдается в схожих конструкциях с пономинальными аргументами. В новогреческом есть два «набора» местоимений — клитики (bound pronouns) и ударные («полные») местоимения, и те, и другие могут использоваться в дитранзитивных конструкциях в различных комбинациях:

- (9) *Mu ton édhikse.*
мне.CL:DAT его.CL:ACC показывать:PAST.1SG
'Он/она/оно мне его показал.'
- (10) *Edhiksa eséna s'aftón.*
показывать:PAST.1SG тебя:ACC в-его:ACC
'Я тебя ему показал.'
- (11) *Me édhikse s'aftón.*
меня.CL:ACC показывать:PAST.1SG в-его:ACC
'Он/она/оно меня ему показал.'

Как видно из примеров, клитики находятся в препозиции к глаголу, ударные местоимения — в постпозиции. Если и тема, и реципиент выражены ударными местоимениями, то оба они следуют за глаголом, демонстрируя, таким образом, тот же порядок слов и способ маркировки участников, что и нейтральные конструкции с именными аргументами: реципиент следует за темой и маркируется конструкцией PREP *se* (в, к) + ACC. Если используются местоимения-клитики, то и тема, и реципиент предшествуют глаголу, и реципиент занимает позицию перед темой, которая оказывается ближе к глаголу, что, как отмечается в [Siewierska & Bakker 2007], является характерной чертой языков индирективного строя.

Как бы то ни было, не все из потенциально возможных комбинаций местоимений в одинаковой степени допустимы. Некоторые из них попадают под грамматические ограничения [Warburton 1977; Haspelmath 2002], а некоторые оказываются прагматически «перегруженными».

В следующем разделе речь пойдет об этих различиях в статусах разных комбинаций местоимений, и будет представлен проведенный мной небольшой эксперимент, который должен был проверить несколько предположений:

- Самая прагматически нейтральная и «гармоничная» конструкция — конструкция с комбинацией двух клитик.
- Конструкции с двумя ударными местоимениями настолько прагматически перегружены, что почти невозможны.
- Некоторые из комбинаций клитик попадают под грамматический запрет.
- Среди грамматически допустимых комбинаций, состоящих из одной клитики и одного ударного местоимения, одни оказываются более предпочтительными, чем другие.

2. Методология

Главная сложность при проведении исследования была связана с тем, что некоторые из рассматриваемых конструкций обладают крайне низкой частотностью, и составить выборку примеров из «естественного» дискурса оказалось фактически невозможно. В первую очередь, вполне ожидаемо, очень редкими являются конструкции с одушевленной темой [Haspelmath 2002]. В связи с этим в качестве метода для данного исследования был выбран эксперимент.

В эксперименте приняли участие 16 респондентов из разных частей Греции. Все из них вне зависимости от региональной диалектной принадлежности владели новогреческим стандартом.

Эксперимент состоял из двух частей. В первой респондентам предлагались небольшие тексты-стимулы, содержащие предикат с прономинальными аргументами. Сами местоимения были опущены, и респонденты должны были их вставить в пропуски, оставленные перед и за глагольной формой, основываясь на минимальном прагматическом контексте, представленном в стимулах, а также на английском переводе фразы.

Стимулы были составлены таким образом, чтобы интересующие конструкции оказались в максимально «естественном» контексте и не казались респондентам «странными». В первую очередь это относится к

уже упомянутым конструкциям с одушевленной темой (см. пример из анкеты):

(12) *Dropí su! Pos méthises xthes! 'Ipies tóso polí pos dhen borúses na perpatísis mónos su ke _____ éfere _____ o Gióryos.*

‘Shame on you! You were so drunk last night! You drank so much that you could not walk, so Giorgos (brought you to me)’

Всего в первой части анкеты было 8 стимулов, содержащих 10 конструкций с прономинальными аргументами, которые охватывали все возможные комбинации лиц и семантических ролей. В некоторых случаях были использованы специфические глагольные формы (те, которые маркируются с помощью других элементов-клитик, то есть, отрицательные формы и формы будущего времени). Это было сделано для того, чтобы исключить влияние других клитик на выбор между клитической и ударной формой местоимения:

(13) *Drépomē na omologíso se kanéna gi' aftó pu ékana. Dhen _____ ípa _____ xthes ke dhen tha _____ po _____ símera*

I am ashamed to confess to anybody about what I did. I did not (tell it to you) yesterday and I will not (tell it to you) today.

Кроме того, стимулы были составлены таким образом, чтобы прономинальные аргументы всегда были топикализованы, то есть так, чтобы, при прочих равных, наиболее прагматически предпочтительной была комбинация двух клитик.

Наконец, для того, чтобы исключить влияние глагольных типов на выбор местоимений, в стимулах были использованы как «прото-типические» дитранзитивные глаголы, так и довольно редкие глаголы, допускающие дитранзитивное управление:

(14) - *Ksérís pos s' ayapó san trelí! Ke dhen niótho típota gia ton Andóni! Pos borís na to kánis? Giatí _____ othís _____?*

-*Par' ola pu s' ayapó ki egó, dhen andéxo na vlépo ti lípi tu kalíteru mu filu, etsi _____ dhíno _____*

-You know, I love you like crazy! And I have no feelings for Andonis! How could you do this? Why are you (**pushing** me to him)?

-Although I love you too, I cannot watch my best friend suffering, so I (**give** you to him)

Во второй части эксперимента респондентам предлагалось оценить приемлемость изолированных дитранзитивных конструкций с глаголом

dhíxno 'показывать'. Всего в анкете было 25 дитранзитивных конструкций с различными комбинациями местоимений. Чтобы отвлечь респондентов и не позволить им догадаться, что именно составляет предмет исследования, эти 25 дитранзитивных конструкций были разделены на пять частей и помещены в пять отдельных анкет вперемешку с другими стимулами, не имеющими отношения к теме исследования. Для того, чтобы оценить примеры респондентам было предложено использовать знаки '+' в случае, если пример кажется абсолютно приемлемым, '-' в случае, если по мнению респондента пример неправильный, и '?' в случае, если респондент сомневается.

Результаты обеих частей эксперимента представлены в следующем разделе.

3. Результаты

Результаты первой части эксперимента представлены в Таблице 1. Стимулы из анкеты кодированы согласно их номеру в анкете (первая колонка) и схематичному представлению ситуации по сочетанию лица и роли (вторая колонка). Ответы респондентов представлены в последующих четырех колонках в зависимости от выбора комбинаций ударных местоимений/клитик. Числа в ячейках обозначают количество респондентов, отдавших предпочтение той или иной комбинации местоимений для данного предложения-стимула.

Эти данные позволяют сделать несколько наблюдений. Во-первых, практически никто из респондентов ни в одном из стимулов не выбирал комбинацию двух ударных местоимений, что может служить подтверждением изначальной гипотезы о том, что комбинация двух ударных местоимений оказывается прагматически «перегруженной» и нежелательной.

Во-вторых, в определенных стимульных ситуациях комбинация двух клитик выбирается большинством, или, по крайней мере, значительной частью респондентов (4, 5a, 5b, 7). Такая комбинация может быть выбрана только в тех случаях, где иерархия семантических ролей не вступает в конфликт с иерархией одушевленности (дейктической иерархией), то есть тогда, когда местоимения относятся к разным дейктическим категориям (локутор – не-локутор) а местоимение-реципиент, которое всегда предшествует местоимению-теме в цепочке клитик, выше по иерархии одушевленности (дейктической иерархии), то есть, является местоимением-локутором. Если оба этих условия

Таблица 1

№	Person – role combination	Role – pronoun type (bound/stressed) combination choice			
		Two bound pronouns	Theme – bound, recipient – stressed	Theme – stressed, recipient – bound	Two stressed pronouns
1	Theme – 1P, recipient – 2P	0	11	3	1
2a	Theme – 2P, recipient – 3P	0	13	1	1
2б	Theme – 1P, recipient – 3P	0	14	0	1
3	Theme – 2P, recipient – 3P	0	13	1	1
4	Theme – 3P (inanimate), recipient – 1P	16	0	0	0
5a	Theme – 3P (inanimate), recipient – 2P	10	6	0	0
5б	Theme – 3P (inanimate), recipient – 2P	9	6	1	0
6	Theme – 2P, recipient – 1P	0	16	0	0
7	Theme – 3P (animate), recipient – 2P	6	5	0	0
8	Theme – 1P, recipient – 3P (animate)	0	16	0	0

удовлетворены, то ее предпочитают большинство респондентов, при этом степень ее «популярности» коррелирует с «дистанцией» между двумя местоимениями по дейктической шкале (более подробно об этом пойдет речь в следующем разделе). Таким образом, в стимуле 4, где тема — 3-е лицо, неодушевленная, а реципиент — 1-ое лицо, одушевленный, комбинация двух клитик выбрана всеми респондентами; в стимулах 5а и

5b, где тема — 3-е лицо, неодушевленная, а реципиент — 2-ое лицо, этот вариант выбрали 10 (9) из 16 респондентов; в стимуле 7, где тема 3-е лицо, одушевленная, а реципиент — 2-ое лицо, только 6 респондентов выбрали этот вариант.

Еще одно наблюдение, которое можно сделать на данном материале, заключается в том, что когда комбинация двух клитик невозможна, и только один из аргументов оказывается клитикой, клитикализуется (а также топикиализуется) с наибольшей вероятностью тема, а не реципиент. Эта тенденция представляет интерес в свете типологической закономерности, выявленной Мартином Хаспельматом:

«Thus, bound pronoun combinations with a first or second person Recipient are very useful and natural (because both first and second person and **Recipient tend to be topical**), whereas combinations with a first or second person Theme are rather unnatural and not so useful (because first or second person tend to be topical, whereas a **Theme tends not to be topical**)» [Haspelmath 2002:23] (выделение мое. — Е.Ж.).

Изложенная выше тенденция к клитикализации и топикиализации темы для рассматриваемых греческих конструкций, как кажется на первый взгляд, вступает в некоторое противоречие с отмеченной Хаспельматом тенденцией к топикиализации реципиента. Можно предположить, что причиной к этому мог стать тот факт, что в греческом местоимение-клитика, выступающее в роли темы, в случае, когда перед глагольной формой стоит цепочка из нескольких клитик, всегда занимает место, ближайшее к глаголу, соответственно, так происходит и в случае с двумя местоименными клитиками в дитранзитивах — клитика-тема оказывается между клитикой-реципиентом и глаголом. Такое явление, как уже было упомянуто в этой статье вслед за [Siewierska & Bakker 2007], характерно для языков индирективного строя. Благодаря тому, что клитика-тема часто оказывается в положении перед глаголом, они формируют устойчивое фонетическое единство и как устойчивое сочетание грамматикализуются легче, чем конструкция с клитикой-реципиентом, стоящей непосредственно перед глаголом. Таким образом, когда приходится выбирать, какого из участников вынести в топикиализованную позицию преглагольной клитики, выбор может делаться в пользу темы, потому что сочетания соответствующих клитик с глаголом более грамматикализованы.

Вторая часть эксперимента, во-первых, демонстрирует тот же паттерн, что и первая, в том, что касается использования комбинаций двух клитик. Единственные стимулы, оцененные как «правильные»

всеми респондентами — те, которые отвечают двум условиям, сформулированным по отношению к данным первой части эксперимента — местоимения должны принадлежать к разным дейктическим категориям, а тема не может быть «одушевленное» реципиента (см. Таблицу 2):

Таблица 2

№	Example from the questionnaire	Respondent's evaluation															
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
3	Mu ton dhíxni Me.CL:DAT him.CL:ACC shows	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4	Su tin dhíxni You.CL:DAT her.CL:ACC shows	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
5	Tu to dhíxni Him.CL:DAT it.CL:ACC shows	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
18	Mas tous dhíxni Us.CL:DAT them.CL:ACC shows	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
21	Dhen mu ton édikses NEGme.CL:DAT him.CL:ACC showed	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

С другой стороны, все стимулы, которые этим условиям не соответствовали, были оценены как «неправильные» всеми респондентами (см. Таблицу 3).

Остальные стимулы были восприняты как «правильные» большинством респондентов, но не всеми. Конструкции с одним местоимением-клитикой и одним ударным местоимением (все стимулы в Таблице 4, кроме стимула 23) были подвергнуты сомнению или признаны неправильными 1-3 респондентами. При этом стимул 23, содержащий два ударных местоимения, вызывает сомнения или кажется «неправильным» несколько большему количеству респондентов (7), что может быть подкреплением предположения о сильной прагматической «перегруженности» такой конструкции.

Таблица 3

№	Example from the questionnaire	Respondent's evaluation															
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	Mu se dhíxni Me.CL:DAT you.CL:ACC shows	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	Su me dhíxni You.CL:DAT me.CL:ACC shows	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
12	Tu me dhíxni Him.CL:DAT me.CL:ACC shows	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13	Tu se dhíxni Him.CL:DAT you.CL:ACC shows	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
24	tha mu se dhíksi Fut me.CL:DAT you.CL:ACC show	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
25	Θa su me dhíksi Fut you.CL:DAT me:ACC show	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Таким образом, результаты двух частей проведенного эксперимента подтверждают изначальные гипотезы:

- Самая прагматически нейтральная и «гармоничная» конструкция — конструкция с комбинацией двух клитик.
- Конструкции с двумя ударными местоимениями настолько прагматически перегружены, что почти невозможны.
- Некоторые из комбинаций клитик попадают под грамматический запрет.
- Среди грамматически допустимых комбинаций, состоящих из одной клитики и одного ударного местоимения одни оказываются более предпочтительными, чем другие.

В следующем разделе мы более подробно рассмотрим конструкции с двумя местоимениями-клитиками, которые попадают под строгие ограничения.

Таблица 4

№	Example from the questionnaire	Respondent's evaluation															
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
6	Mu dhixni esena Me.CL:DAT shows you:ACC	+	+	-	+	+	+	+	?	+	+	+	?	+	+	+	+
7	Su dhixni emena You.CL:DAT shows me:ACC	+	+	+	+	+	+	+	?	+	+	+	+	?	+	+	+
8	Tu dhixni emena/esena Him.CL:DAT shows me/you:ACC	+	+	+	+	-	+	+	?	+	+	+	+	+	+	+	+
9	Me dhixni s'afon Me.CL:ACC shows to-him:ACC	+	+	+	+	+	+	+	?	+	+	+	+	+	+	+	+
10	Se dhixni s'afon You.CL:ACC shows to him:ACC	+	+	+	+	+	+	+	?	+	+	+	+	+	+	+	+
11	Ton dhixni s'afon Him.CL:ACC shows to him:ACC	?	+	+	+	+	+	+	?	+	+	+	+	+	+	+	+
14	Me dhixni s'esena Me.CL:ACC shows to-you:ACC	+	+	+	+	+	+	+	?	+	+	+	+	+	+	-	+
15	Se dhixni s'emena You.CL:ACC shows to-me:ACC	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
22	Dhen me dhixni s'esena NEG me.CL:ACC shows to-you:ACC	+	+	+	+	+	+	+	?	+	+	+	+	+	+	+	+
23	Dhen dhixni esena s'emena NEG shows you:ACC to-me:ACC	?	+	+	+	+	+	+	?	+	+	-	?	-	-	-	+

4. Ограничения на комбинации местоимений-клитик: конкурирующие иерархии и «вес» местоимений

Под ограничение попадают конструкции, в которых либо оба участника — локуторы, либо тема является локутором, а реципиент — нет.

Данные конструкции не нарушают синтаксической иерархии (жесткого порядка следования клитик тема-реципиент-глагол), а также являются «удобными» с точки зрения прагматики. Таким образом, неграмматичность этих конструкций, скорее всего, связана с взаимодействием иерархии семантических ролей и иерархии одушевленности (дейктической иерархии).

Следуя методу, предложенному А. Ю. Желтовым [Желтов, 2008: 150-162] мы попробуем «измерить вес» местоимений в конструкциях по

обеим иерархиям, и вывести простые «арифметические» правила, по которым та или иная конструкция может быть приемлемой или неграмматичной.

Итак, иерархия семантических ролей для местоимений-клитик в новогреческом выглядит следующим образом:

Реципиент (P) > Тема (T)

Универсальная иерархия одушевленности для проминального сегмента (дейктическая иерархия) может быть представлена так (см., например, [Silverstein 1976; Yamamoto 1999; Kibrik 1997; Желтов 2008]):

Локутор (Л) > Не-локутор Одушевленный (НО) > Не-локутор Неодушевленный (НН)

Местоимение может быть локутором и не-локутором, однако логически можно предположить, что возможно существование нейтральных, промежуточных форм, индифферентных к этому признаку. Например, местоимение *sas* (2PL.ACC) может включать как участников-локуторов, так и не-локуторов.

По признаку одушевленность/неодушевленность, кроме крайних форм, также могут существовать нейтральные местоимения (например, *to*, которое может реферировать как к неодушевленному референту, типа *to ragotó* 'мороженное', так и к одушевленному, например *to pedhi* 'ребенок').

Таким образом, иерархия становится несколько сложнее:

Локутор (Л) > Нейтральный к признаку (Л) > Не-локутор Одушевленный (НО) > нейтральный к признаку (О) > Не-локутор Неодушевленный (НН)

Если предположить что иерархия семантических ролей и иерархия одушевленности одинаково влияют на поверхностный синтаксис, а один шаг по шкале = 1, то получатся следующие значения:

Реципиент (P)=1 > Тема (T)=0

Локутор (Л)=4 > Нейтральный к признаку (Л)=3 > Не-локутор Одушевленный (НО)=2 > нейтральный к признаку (О)=1 > Не-локутор Неодушевленный (НН)=0

По этим двум шкалам мы можем посчитать символический «вес» каждого местоимения в интересующих нас дитранзитивных конст-

рукциях, основываясь на том, какое место оно занимает по двум иерархиям. Для сравнения мы проведем эту операцию как с «правильными», так и с «неправильными конструкциями».

Таблица 5

Mu (5) ton (1) dhíxni Mu.CL:DAT him.CL:ACC shows	mu (5) — Recipient (= 1); locutor (= 4)
	ton (1) – Theme (= 0); locutor (= 1)
*Mu (5) se (4) dhíxni Me.CL:DAT you.CL:ACC shows	Mu — Recipient (= 1); locutor (= 4)
	Se – Theme (= 0); locutor (= 4)
*Su (5) me (4) dhíxni You.CL:DAT me.CL:ACC shows	Su — Recipient (= 1); locutor (= 4)
	Me – Theme (= 0); locutor (= 4)
*Tu (2) me/se (4) dhíxni	Tu — Recipient (= 1); locutor (= 1)
	Me/se – Theme (= 0); locutor (= 4)

Зная «вес» каждого местоимения и сравнив «правильную» конструкцию в первой строке таблицы с последующими тремя неграмматичными, мы можем сформулировать два правила, которые определяют грамматичность/неграмматичность той или иной конструкции:

1. Первое местоимение в цепочке клитик должно быть «тяжелее», чем второе (поэтому невозможна конструкция в последней строке Таблицы 5).
2. Вся конструкция, содержащая комбинацию из двух местоимений-клитик, не должна быть слишком «тяжелой» (что происходит тогда, когда и тема, и реципиент — локуторы, см. вторую и третью строк Таблицы 5).

5. Заключение

Итак, в этой статье мы рассмотрели несколько паттернов использования местоимений в дитранзитивных конструкциях в новогреческом языке. Среди логически возможных комбинаций местоимений не все обладают равным статусом. С точки зрения прагматики самая «гармоничная» комбинация — два местоимения-клитики. В тех случаях, когда использование комбинации клитик невозможно из-за рассмотренных выше ограничений, выбор сужается до комбинаций двух ударных местоимений и комбинаций, где один участник выражен местоимением-клитикой, а другой — ударным местоимением. Первая из этих конструкций прагматически «перегружена» и, скорее всего, используется очень редко. В случае со второй конструкцией, по всей видимости, тема имеет

большую склонность к клитикализации (и топикализации), чем реципиент. Это может быть связано с тем, что «аккузативная» клитика (в данном случае играющая роль темы) всегда стоит ближе всего к глаголу и составляет устойчивое фонетическое единство с глаголом.

Литература

- Желтов 2008 — Желтов А.Ю. Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб., Изд-во СПбГУ.
- Haspelmath 2002 — Haspelmath M. Explaining the Ditransitive Person-Role Constraint: A usage-based approach.
- Haspelmath 2005 — Haspelmath, M. Argument Marking in Ditransitive Alignment Types. *Linguistic Discovery*, 3(1). <http://dx.doi.org/10.1349/ps1.1537-0852.a.280>
- Kibrik 1997 — Kibrik A.E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relation typology // *Linguistic Typology*, 1.
- Malchukov, Haspelmath, Comrie 2010. — Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. Ditransitive Constructions: A Typological Overview. In: Andrej Malchukov, Martin Haspelmath And Bernard Comrie. (Eds.). *Studies In Ditransitive Constructions. A Comparative Handbook*. Berlin: Mouton De Gruyter, 1-64.
- Silverstein 1976 — Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical Categories in Australian languages*. Canberra.
- Siewierska, Bakker 2007 — Siewierska, A., & Bakker, D. Bound person forms in ditransitive clauses revisited. *FoL*, 14(1), 103-125. <http://dx.doi.org/10.1075/foL.14.1.07sie>
- Warburton 1977 — Warburton I. P. Modern Greek clitic pronouns and the “surface structure constraints” hypothesis. *Journal of Linguistics* 13.
- Yamamoto 1999 — Yamamoto M. *Animacy and Reference*. Amsterdam; Philadelphia.
- Shin, Verhoeven 2009 — Shin Yong-Min & Verhoeven E. Animacy and argument hierarchy in conflict: constraints on object topicalization in Korean. In Johannes Helmbrecht, Yoko Nisima, Yong-Min Shin, Stavros Skopeteas & Elisabeth Verhoeven, eds. *Form and Function in Language Research. Papers in Honour of Christian Lehmann*. [Trends in Linguistics. Studies and Monographs 210]. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 107-122.

Ольга Юрьевна Завьялова
СПбГУ, jontan@mail.ru

ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ВЗГЛЯД НА ГВИНЕЮ (НЬЯГАССОЛЯ И ОКРЕСТНЫЕ ДЕРЕВНИ В 1999 И 2014 ГГ.)

Мне посчастливилось побывать дважды в одном из наиболее значимых с исторической точки зрения мест в Гвинее, в деревне Ньягассоля префектуры Сигири. Ньягассоля сегодня известна тем, что у семьи гриотов Куяте, которая живет там, хранится магический балафон Сосо-Бала, обладающий огромной силой *ньяма*. Согласно преданиям, тот, кто на нем играет, как и тот, для кого на нем играют, становится непобедимым. Самый известный эпос Западной Африки — сказание о Сундьяте, повествует об этом балафоне. На сегодняшний день балафон провозглашен ЮНЕСКО одним из шедевров устного и нематериального наследия человечества, благодаря чему Ньягассоля стала известна туристам.

Моя первая экспедиция состоялась в 1999 году (в ней участвовала также Анна Эрман, в то время студентка Восточного факультета СПбГУ), и большинство местных жителей тогда еще не встречались с белыми. Общественным транспортом типа такси-брус или такси-мото добраться до деревни тогда было невозможно: туда мы ехали с торговками из Сигири, обратно нас подвозили итальянцы-золотоискатели, работавшие в соседней деревне. Вторая моя экспедиция (с магистрантом Владимиром Казимировым) состоялась в 2014 году. На тот момент Ньягассоля стала уже известным местом и стала гораздо более доступной, туда можно было проехать на такси-брус, которое ходило пару раз в неделю, или на такси-мото.

За 15 лет в Ньягассоля и соседних деревнях — Баландугу и Баланинкоро, а также Кри-Кура — произошли значительные изменения, но самые большие перемены стали заметны в людях и в их мировоззрении. Прогресс дошел до столь дальних деревень, со всеми своими плюсами и минусами. Период между двумя экспедициями пришелся на исламизацию 2000х годов, и получилось так, что первый визит был в общество в основном языческое, а во второй раз я приехала уже к мусульманам. Сильные изменения претерпели не только образ жизни и традиции, но и система ценностей.

В первый визит мы приехали к абсолютно незнакомым людям, которые приняли нас в семью, всячески помогали нам в исследовании и открыли свой мир. Мы жили в доме у вождя Мади Джонтан Кейта, его сын Бала был приставлен к нам вождем для всесторонней помощи. Нас принимали как дорогих гостей, кормили вместе с семьей, охотники специально для нас добывали мясо. В то время в Ньягассоля практически не ходили деньги. В лавке можно было купить только чай с сахаром порционно для заварки традиционного *dute*, основой взаимоотношений был обмен. Деревни не выглядели богато, но никто не голодал, народу было много, только немногие покидали деревню, уезжая на заработки. Практически все дворы состояли из одного дома с плоской крышей, принадлежавшего главе семьи и иногда его жене, и нескольких домиков с конусообразной крышей, в которых жили сыновья, жены, жены и дети сыновей, иногда братья главы большой семьи со своими жёнами и детьми. Деревни выглядели чистыми и даже немного сказочными. В каждой деревне и у каждого рода был свой дух-покровитель, которому регулярно приносились жертвы (бык от всей деревни, козел или курица от семьи — в зависимости от достатка и повода — и орехи кола). По тому, как лягут половинки ореха кола, брошенные на землю, или как упадет обезглавленная курица, гадали, принята жертва или нет, согласны ли духи. В деревнях можно было увидеть четкое разделение по так называемым кастам: все Куяте были гриотами, все Канте были кузнецами и т.д. Основным человеком в деревне был вождь, хотя в Ньягассоля и присутствовал супрефект, который не принадлежал к этносам, населяющим данные деревни (манинка и фульбе). Такова была практика прежнего правительства: административные назначенные лица были всегда чужие, не связанные узами родства с основным населением района, однако при этом и местные жители имели на него рычаги воздействия: при большом количестве жалоб местного населения административное лицо сразу снималось.

Во второй мой визит в те же деревни можно было заметить большой социальный и экономический прогресс: появились маленькие лавочки, аптека, антенна сотовой связи, позже (в 2015 году) была построена и больница. В деревнях стали полноценно использоваться деньги. Расширилось присутствие светской власти в деревне; кроме вождя деревни, который отодвинулся на второй план, появился мэр и полицейские. В Ньягассоля совет старейшин уже не принимал все решения, касающиеся жизни в деревне, но в Баланинкоро, которая находилась всего в двенадцати километров от нее, все осталось по-прежнему:

главенство в деревне принадлежит вождю (старшему из возрастного класса отцов) и совету старейшин, абсолютное большинство мужчин в деревне по-прежнему занимается фетишерством и охотой.

В последние пятнадцать лет население Ньягассоля значительно увеличилось, в частности, в силу того, что в окрестностях деревни стали добывать золото и алмазы — большинство мужчин сегодня заняты на этих работах. Сейчас можно заметить, что окрестности деревень перекопаны; все работы производятся вручную, без использования какой-либо техники. Женщины собирают и просеивают остатки найденного песка, подбирают мелкие алмазы, которые они очень долго не считали ценными камнями и выкидывали. Мужчины жаловались, что им пришлось долго объяснять, что эти невзрачные камни могут стоить дороже золота! Золото перекупщики принимают прямо в деревне, затем его везут в Сигири, где его перепродают дальше. Таким образом, цена, полученная золотоискателями в деревне, в разы меньше итоговой цены золота в Гвинее.

Наступление цивилизации принесло не только блага. Цивилизация в Африке — это также пластик, полиэтилен.... Деревни стали превращаться в помойки; чистота, которая поражала раньше, исчезла. Деревни все еще значительно чище Конакри или Канкана, но люди, привыкшие, что все, что они бросают на землю, разлагается и исчезает, продолжают обращаться с новыми пластиковыми мисками и бутылками так же, как с калебасами. Таким образом, полиэтилен теперь можно встретить даже в отдаленной саванне.

В деревнях можно заметить, что у всех, даже у детей, есть мобильные телефоны (китайские телефоны *flu* стоят на удивление дешево в Гвинее, продаются они без инструкций и гарантий, но новые), служат они скорее как плееры, на улице многие слушают музыку, а звонить большинству просто некому. Но на каждом доме можно увидеть написанный прямо на стене телефон владельца!

Образ самих деревень, особенно Ньягассоля, также изменился. Почти исчезли хижины с конусообразными крышами, появились колодцы внутри дворов, что дало возможность не ходить на край деревни каждый раз, когда нужна вода. Изменились и привычки: во многих домах появились мотоциклы и многие молодые люди говорили нам, что больше километра они пешком ходить не могут (в ответ на наше решение пойти пешком в соседние деревни). Деревни расположены примерно в 5 км друг от друга, и до последней, Баланингоро, путь от Ньягассоля составлял 12 км. В предыдущий мой приезд, боль-

шинство людей, включая стариков, свободно и часто путешествовали по деревням к родственникам и на различные праздничные мероприятия, сейчас же интенсивность контактов снизилась, так как кроме охотников никто не ходит пешком по саванне, мотоциклы есть не у всех, цена поездки оказывается весьма дорогой. Да и праздников стало намного меньше...

Еще в 1999 году меня удивило то, что в музее в Конакри было представлено большое количество горшков и ваз, украшенных различными узорами, тогда как в Ньягасоля мы видели лишь несколько украшений-узоров, вырезанных на дверях. В 2014 году мы вообще не встречали в деревнях украшенной утвари или домов. При том что люди стали жить более комфортно, они не стремились к тому, что не было наущно важным.

Разрушение традиций было особенно заметно в Баланингоро, самой дальней деревне (в ней до сих пор нет электричества). Когда решили устроить праздник в честь нашего приезда, оказалось, что в деревне нет барабанов в рабочем состоянии, на всех высохла и порвалась кожа! Жители Баланингоро всегда гордились своими барабанами и говорили, что со времен предков это неотъемлемая часть их жизни, и ни одно событие невозможно без них. Надо отметить, что некогда большая и процветающая деревня, одна из древнейших в этом регионе (значительно старше новой Ньягасоля¹) сильно обеднела и наполовину опустела. Большинство жителей переселилось или в Ньягасоля, или в небольшие поселения поблизости от Ньягасоля, кто-то ушел на заработки в Мали.

Данная тенденция — переселение в города, в основном в Конакри, который уже перенаселен, укрупнение отдельных деревень за счет исчезновения соседних, наблюдается по всей Гвинее. Города грязны и шумны, земли же за пределами больших населенных пунктов оказываются малообитаемы.

При видимом разрушении традиций нельзя не отметить увлечение современных гвинейцев фольклором. В отличие от 1999 года, в 2014 году практически везде звучала именно традиционная музыка, в каждой машине можно было услышать по радио или в записи песни и повествования гриотов, очевидно было массовое обращение к фольк-

¹ Старая Ньягасоля находилась недалеко от Баланингоро. Там еще сохранились основания домов, но так же как и легендарное место встречи всех вождей для решения проблем Манден — «Ке-бен-со-коро», она сегодня заброшена и забыта. Молодежь даже не знает, где эти места находятся.

лору при том, что его позиции как традиционного института явно пошатнулись. Диски с записями гриотов продавались повсеместно и пользовались большим спросом. Одна наша студентка рассказывала, что ее по утрам даже будили, включая записи гриотов! Во время моего предыдущего приезда в Гвинею в 1999 году везде звучала современная гвинейская эстрада, в основном регги.

В 2014 году мне удалось посетить несколько различных официальных мероприятий в округе Сигири, и я не могла не заметить, что, невзирая на угасание устной гриотской традиции в Гвинее, сами гриоты, так же как и представители касты фина,² в городах оказались очень востребованы. На всех официальных праздниках непременно можно увидеть не только гриотов и фина, но даже охотников и фетишеров. В частности, во время праздника «дня города» Сигири и на торжествах по случаю открытия новой школы в окрестностях Сигири, кроме выступлений фина и гриотов (а во втором случае также фетишеров и охотников), проходило жертвоприношение коров и барана, мясо которых после празднования делилось между выступающими и почетными гостями. Городские мероприятия напоминали смешение выступлений с докладами в советском стиле и традиционных ритуалов! Министры сидели рядом с гриотами, одним из самых почетных гостей был глава всех гриотов, который был более важным гостем, чем несколько министров правительства Гвинеи.

Из традиционных праздников нам удалось присутствовать на свадьбе в деревне под Сигири, где была возможность наблюдать смешение современности и традиций. Это был день, когда невесту увозили в дом мужа. Невеста в белом европейском свадебном платье и в фате сидела на земле на площади вместе с гостями, а друзья жениха показывали свою удаль. Традиционно это должны быть состязания в скачках на конях, трюки в управлении лошадьми, но поскольку сейчас лошадь можно встретить нечасто, то все молодые люди «гарцевали» на мопедах, демонстрируя свои умения и поднимая невероятную пыль. В конце праздника, после традиционных танцев под барабаны (на которых в рекламных целях были написаны телефоны музыкантов), жених, опять же на мотоцикле, повез невесту домой. Как нам сказали, первая жена жениха проводила этот день и эту ночь в саванне, уступив дом молодым.

² Фина — «те, кто передают слова Аллаха» (как они говорили о себе), единственная эндогамная каста, состоящая из представителей рода Камара.

В городах сами люди изменились намного менее значительно, нежели в деревнях. Увеличилось количество грамотных людей, также как и политически активных, однако деление людей по этническому признаку сегодня особенно заметно. В фульбском районе почти нет манинка и все говорят на пулар, многие не владеют и французским: это говорит о том, что кроме самих фульбе никто в этом районе не покупает товары. В кварталах манинка также нечасто можно встретить фульбе.

Стало значительно больше мечетей, особенно это заметно в деревнях, в которых их раньше вовсе не было. Если 15 лет назад манинка в Ньягассоля говорили, что, хотя они все мусульмане, но в молельный дом или к приезжим имамам ходят только люди старше 45 лет и, может быть, маленькие дети, которых взрослые берут с собой, то сейчас в мечеть ходят абсолютно все, и не только по пятницам. Большинство мужчин совершают все ежедневные молитвы регулярно, как положено в исламе. При этом старики говорят, что люди стали хуже: если раньше они должны были отвечать перед людьми и вести себя правильно, так как иначе их осудят, то сейчас можно вести себя как угодно, так как теперь они в ответе только перед Аллахом, а ему все равно....

Хотя до сих пор манинка — исключительно добрый, гостеприимный и доброжелательный народ, но даже они перестали быть такими открытыми как прежде. Деньги стали лучшим подарком и мерилем благосостояния, одновременно с этим появилась сильная нелюбовь к белым, в чем-то зависть. В деревнях люди уже не общаются все со всеми, скорее есть группы знакомых, и можно прожить несколько недель в деревне, ни разу не встретив и не поговорив со значительной ее частью (раньше это было невозможно, так как все приходили знакомиться и встречались утром на площади). Центр интересов переместился со всего общества в целом на свою семью и род. Только старики превыше всего ставят интересы всего социума, остальные в первую очередь говорят о семье, однако потом упоминают и род в целом. Молодежь в первую очередь думает о себе, что при этом не означает равнодушие к интересам всех остальных людей, только, опять же, некоторое смещение приоритетов. Тем не менее, нельзя не отметить, что молодые люди проявляют искренний интерес к собственным традициям.

При том, что джаму до сих пор играют значительную роль в самоидентификации манинка, они стали менять свои функции и превращаться просто в фамилии, клановая принадлежность больше не так важна, судя по опросам снимаются брачные запреты и отменяются брачные предпочтения, особенно в городах. В деревнях стало очень

мало людей, занимающихся клановой профессией, большая часть добывает золото, торгует и находит другие более современные занятия. Такие изменения более всего ударили по гриотам, как по наиболее традиционной касте, их ремесло, как и сама устная традиция, перестало быть востребованными, а в городах во многом их функции как ведущих различных мероприятий переняли на себя фина (которые раньше были низшей кастой). Фина, наоборот, оказались более успешными в современной ситуации по отношению к другим кастам. Поскольку их считают «говорящими слова, которые угодны Аллаху», то, соответственно, в рамках новой волны исламизации это сделало их наиболее уважаемыми и востребованными людьми. Интересно было заметить и изменения в сферах деятельности: в первый мой приезд гвинейцы смеялись, когда я говорила, что на швейных машинках у нас шьют в основном женщины. Невозможно было увидеть в Конакри или в Ньягассоля женщину, использующую швейную машину. Сейчас же и в Гвинее этот труд стал женской прерогативой. Я специально акцентировала на этом внимание в деревне, и молодежь была удивлена, что раньше этим занимались мужчины. Вообще мне показалось, что женского труда в деревнях прибавилось.

На сегодняшний день стало более заметным разделение между поколениями, утрачивается связь между ними. Образование и прогресс сняли наибольшую нагрузку со старшего поколения как основных социализаторов в обществе; авторитет старших, как и во всем мире, теряет свои позиции и здесь. Разрыв в этой сфере особенно заметен, так как молодежь уже не знает жизни без ислама, образования, денег и без телефонов, именно эти составляющие современного мира оказали на них наибольшее влияние. Если молодежь при заявленной нелюбви к белым (результаты опросов) очень старается перенять их образ жизни, то старшее поколение, как и положено, более традиционно, хотя они как раз к белым относятся значительно более терпимо. Впрочем, китайцев все любят, и даже любого белого на улице теперь называют *Chinois*, негативно относятся к американцам и чуть менее негативно к европейцам, хотя вряд ли можно сказать, что опыт общения с ними у манинка велик, это в полной мере проявление стереотипов.

До сегодняшнего дня для людей в деревнях самым важным остается благополучие семьи, рода, деревни, и все еще основой является ценность человека для коллектива. Женщины считают самым важным радовать мужа, дети хотят учиться. Образование представляет огромную ценность для гвинейца. При этом надо отметить, что у них в принципе нет возможности получения бесплатного высшего обра-

зования, да и обязательное 8-летнее образование получают не все. В деревнях ребенка отдают в школу, если семья справляется с хозяйством без него, поэтому обучение в школе — главная мечта детей в деревне. Школы за эти годы были перестроены, стали намного больше, на каждой перемене дети играют в футбол, который в Гвинее стал национальным видом спорта. Вдоль всех дорог в Конакри по обочинам на импровизированных, огороженных камнями футбольных полях, дети и молодежь играют в футбол. Что интересно - при явном дефиците денег у населения, большинство ребят были одеты в хорошую футбольную форму!

В целом можно сказать, что все изменения оказались вполне ожидаемы. Как и остальные общества, манден идут по пути усиления индивидуализации, что ведет к потере связей между людьми. Но традиции все еще живы, хотя в данном случае не только развитие цивилизации, но в большей степени исламизация сильно ударили по ним. Многие изменения связаны именно с исламизацией. Женщины стали чуть более зависимыми от мужчин, многие исторические места, связанные с духами, полностью забыты, при рассказе историй люди все больше ссылаются на Аллаха, стало чувствоваться немного больше фатализма, повышения внешнего локус-контроля. К сожалению, вместе с верой в духов стала забываться и устная традиция, она сильно сдала свои позиции. Во время последнего пребывания я ни разу не видела вечерних посиделок с рассказыванием сказок, хотя бабушки и мамы, разумеется, все еще их рассказывают, но ритуал, связанный с ними, уже исчез. Что касается эпоса, то он практически полностью уже пересказывается по письменным источникам, как и вообще исторические рассказы. Даже гриоты начали ссылаться на печатные тексты.

Александр Сергеевич Зданевич
СПбГУ, slonek@list.ru

ОТ АРХАИКИ К НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМУ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ АФРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В попытке выявить истоки, определить закономерности и границы взаимодействия наблюдателя и объекта исследования в рамках пространства африканской культуры за основу берутся такие фундаментальные понятия, как устойчивость и изменчивость архаических структур пространства культуры, бытование/существование традиционного общества в границах триады: хаос/равновесие/космос. Сразу же стоит оговориться, под «объектом исследования/объектом» в данной статье мы будем понимать «носителя архаического знания/сознания». Главным образом, речь пойдет об архаике, ибо ни одно другое культурно-историческое пространство не является для нас сегодня более интригующим и притягательным во всех отношениях. Архаика – элемент, со всей неизбежностью постулирующий иррациональность в повседневности.

Круг проблем, стоящий перед исследователем в предлагаемом контексте, достаточно широк: мифологизация прошлого и настоящего, структурирование образно-ритмических картин реальности, проявление архаики в повседневности, протяженность и осязаемость текущего момента времени, формирование в сознании объекта «горизонта событий» в прошлом и будущем. Постараемся в рамках данной статьи определить оптимальные подходы к проблеме. Не обойдем вниманием и неотрадиционализм, формирующий обратную по отношению к архаике (рациональную) сторону взаимодействия общества с реальностью [Бочаров 2016: 32].

Трудно однозначно охарактеризовать последствия многовековой истории взаимодействия системно отличающихся друг от друга картин восприятия окружающей действительности, происходившего на африканском континенте. Для формирования более полной картины исследователи вынуждены прибегать к рассмотрению не только исторической ретроспективы, но и целого ряда проблем, сопутствующих изменениям, с которыми столкнулось традиционное общество на новом витке эволюции, в эпоху знакомства с европейской цивилизацией. Дихотомия Восток-Запад, принятая за основу европейской культурологической традицией в XX в., восполняла пробелы непонимания, но

лишь для тех, кто ее изобрел – европейцев. Однако, как инструмент перехода на новый уровень погружения в проблематику выживаемости традиционных обществ в эпоху перехода от глобализма к популизму она не выдерживает критики.

Закономерности развития стран третьего мира, к которым, в силу целого ряда причин, относится подавляющее большинство африканских государств, определяются результатами четвертой технологической революции. Отсутствие возможности воспроизводства материальной культуры в упомянутой части ойкумены определяет совершенно новые задачи, как для самих обществ, так и для исследователей, занимающихся изучением исторически обусловленных особенностей развития упомянутых обществ.

Роль исследователя в процессе формирования культурного пространства африканского континента и даже изменения последнего до сих пор до конца не определена. Результат аналитической обработки и экстраполяции полученных знаний на всё множество существующих подходов к предмету и объекту исследования, а также обобщение результатов полевой работы оставляет не так уж много вариантов сценария заполнения информационного вакуума.

Попытка слиться с объектом (использование метода включенного наблюдения), безусловно, даёт наиболее информативный, осязаемый результат. Однако не стоит забывать о том, что в среде исследователей-обществоведов (культурологов) существует гипотеза, определяющая ситуативный характер ограничений, возникающий в ходе получения знаний об объекте как таковых. Формулируется она следующим образом: при появлении наблюдателя разрушается целостность/равновесность системы — в рассматриваемом нами конкретном случае, система — объект/окружающий мир. Необратимо меняются все её компоненты. При этом в случае, если избран исключенный метод наблюдения, информация интерпретируется, если же речь идёт о включенном наблюдении – легитимизируется полученный объем данных. Таким образом, теряется качество искомого — достоверность полученных данных, что представляется наиболее важным.

На базовом исследовательском уровне сосредоточимся на попытке проследить, насколько устойчивы и одновременно изменчивы архаические структуры традиционной африканской культуры в пространстве современности.

Основой архаического восприятия мира является чувственное восприятие – сфера ощущений. Человек становится существом вос-

принимающим, проводником энергии, поступающей из окружающего мира, транслятором этой энергии в рамках социума. Коллективное мышление становится гарантией стабильного существования системы. Единый взгляд на вещи нивелирует возможность возникновения противоречий, сводит к минимуму возможность конфликта.

Гармонизация сознания становится следствием ритмически организованной реальности, включенности человека в естественный ход вещей (смена дня и ночи, смена сезонов, рождение и смерть). Принцип достаточности становится залогом разумного распределения ролей в социуме, ограничивает усилия индивида, плавно встраивая результат индивидуальных действий в парадигму общих интересов. Так обеспечивается устойчивость архаических структур.

Особого внимания заслуживает система выстраивания отношений с предками. В рамках традиционного общества каждое действие в настоящий момент времени неизбежно ставится под сомнение, осуществляет поиск некоего оправдания/подтверждения правильности каждого шага. Поиск прецедента – прерогатива самых старших по возрасту представителей социума – старейшин. Именно они становятся проводниками между миром зримым, осязаемым, и миром предков. Таким образом, замыкается связь времен, происходит совмещение точек пространства времени, значительно удаленных друг от друга.

В итоге исследователь (если ему посчастливится), сидя у костра в крошечной африканской деревне, слушая плавную речь старика, рассказывающего сказки малышам, на практике наблюдает реализацию части теории относительности А.Эйнштейна. Множество становится единством. Человек осознает себя настоящего в будущем через некую коллективную память.

Для нас, африканистов, архаика является базой, на которой зиждется форма и метод исследовательской работы. Более того, глубинное понимание традиционных культур подразумевает, что исследователь вынужден хотя бы на время стать неотъемлемой частью архаического восприятия мира, стать с ним единым, слиться с ним. Если соблюдены все необходимые условия, приходит понимание или, если хотите, осознание истинной реальности. Формируется тот самый «особый» взгляд сквозь призму культуры, для нас чужой, до поры закрытой.

Африканистика, как комплекс методологических подходов к изучению традиционных обществ африканского континента, позволяет максимально расширить диапазон исследовательских приёмов. Поскольку изучение континента и народов его населяющих — дело

отнодью не простое, в сферу интересов африканистов, занимающихся полевой работой, входит целый комплекс направлений.

Когда мы говорим об Африке, о народах, проживающих на континенте, когда мы пытаемся найти оптимальные методы изучения сложных, многоуровневых структур обществ прошлого, сформированных тысячелетия назад, именно в этот момент мы с неизбежностью приходим к тем пластам знания, где обнаруживаются точки пересечения архаики и современности. Мы познаём себя.

Люди архаики были и остаются невероятно близкими природе. Именно им выпало впервые в истории человечества структурировать семантику каждого действия человека в социуме, осмыслить его роль в Мироздании, изобрести и применить на практике невербальные системы передачи сложнейших образов, объединяющих в себе весь до той поры накопленный опыт, знания и умения.

Здесь стоит оговориться. Опыт, о котором идёт речь, рассматривается, прежде всего, как совокупность навыков, необходимых для выживания в социуме. Мифологизация окружающей реальности присуща в большей степени архаике, чем современности, но отнюдь не чужда последней, предполагает иной взгляд, который нельзя игнорировать. И, тем не менее, существует вполне определенный плюрализм мнений в данном контексте.

«Первобытное мышление безразлично к опыту, потому что есть миф — подлинная реальность — который все объясняет» [Корсакова 2013: 101].

Погружение в архаическое пространство культуры – работа с наиболее сложными системами, относящимися к сфере социокультурного взаимодействия. Применительно к африканскому субстрату мы вынуждены порой пополнять терминологическую базу новыми терминами в попытке объяснить, структурировать, переосмыслить реальность.

Сведение сложного к простому – примитивному, с целью обеспечить **всесвязность** обстоятельств места, времени и пространства, **всеединство** процессов социокультурного синтеза и **всецелостность** окружающего мира, всего многообразия знаний и умений — есть высший уровень самопознания, недоступный нам – людям современным, но ставший ежедневной реальностью для людей архаики [Арсеньев 2009: 15].

Здесь стоит привести высказывание русского философа Я. Э. Голосовкера, как нельзя более точно сформулировавшего отличие логики

мифа от повседневности, — «воображением познают». [Данилевский 2011: 7].

Если мы в рамках данного исследования обратимся к современности, круг вопросов будет несколько иным. Почему же мы раз за разом возвращаемся к собственному прошлому? Мучительно пытаемся найти ответы на фундаментальные вопросы, касающиеся устройства окружающего нас мира? Что может связывать нас сегодняшних с событиями прошлого? Способны ли мы обратить линейность восприятия событий в цикличность, подобно предкам? Ответ отчасти в том, что пространство культуры действительно представляет собой «живую» субстанцию, со всеми, свойственными живой материи, атрибутами. Оно пластично, гибко реагирует на меняющуюся ситуацию. Но оно также подобно «живой» субстанции рождается и умирает. Об этом обстоятельстве не стоит забывать.

Пространство культуры обладает проницаемой структурой, позволяющей элементам первичным (архаичным) свободно проходить сквозь время, проявляя себя в ткани современности. Взамопроницаемость пластов — одна из его отличительных черт.

Современный человек настолько оторван от естества, сути окружающих его процессов, что порой не в состоянии расшифровать простейшие на взгляд его первобытного предка кодировки. Всё это есть неизбежное следствие развития индивидуального сознания, чуждого архаике. Зачастую мы способны видеть, но не наблюдать, смотреть, но не созерцать, не сопереживать происходящему.

На протяжении тысячелетий, под воздействием череды обстоятельств, пространство культуры подвергалось внешним влияниям. Объёмные, насыщенные информацией пласты «схлопывались», видоизменялись, рвались внутренние связи, расплзалась ткань времен. «Переход к индивидуализации делает возможным выход из группы, противопоставление себя миру.<...> Мир впервые становится внешним.<...> становится совокупностью объектов, безразличных человеку, в собственном смысле слова объективных» [Корсакова 2013: 101].

В какой-то степени проблема поиска следов архаики в современности связана с информационной составляющей. Человек современный попытался подчинить окружающий мир своей воле.

То, что естественным, разумным образом регулировалось предками, на современном витке эволюции человека, как вида, привело к перегруженности образами. Образность мышления перешла в новое качество, сиюминутность пришла на смену вечности, прагматизм заменил собой принцип достаточности.

С одной стороны, образы как таковые, способность мыслить и оперировать ими – есть основа столь важного для социума компонента, как искусство, с другой, погружение в мир иллюзий – глобальную информационную сеть Интернет – наша реальность, порой пугающая.

Одним из ключевых отличий современности является примат индивидуализма. Коллективное осознание происходящего, на протяжении тысяч лет спасавшее наших предков, уступает в настоящий момент место гипертрофированному самолюбованию, не способному даже имитировать созидающее начало. Однако своеобразная «игра в имитацию» — то, с чем мы сталкиваемся ежедневно. Имитация духовности, гармоничного физического развития, развития умственного — популизм в самом широком смысле слова, приводит к тому, что мы теряем ориентиры, не способны расставлять приоритеты, которые могли бы хоть в какой-то степени обратить деструктивные процессы распада социума вспять.

Стремление к оправданию собственных действий, справедливости ради нужно заметить, сохраняется. Но отсутствие изначально верного целеполагания приводит к ложным выводам. Одним из ответов на культурный кризис современности является «изобретенная архаика», как и неотрадионализм – это продукт сознательной деятельности определенных кругов социума, заинтересованных в стабилизации той или иной модели развития.

«Необходимость ответа на вызовы времени требует формирования определенной стратегии реагирования в условиях проблемной ситуации. Обращение не просто к истории, а именно к давним, возможно, мифологическим временам, к архаике, является мощным источником утверждения собственного культурного 'Я'». [Сергеев 2010: 188].

Современного человека окружает гораздо более интенсивный ритмический фон, чем тот, с которым приходилось иметь дело нашим предкам. Он целиком и полностью подчинен ритмике, созданной искусственно. Прямолинейность, угловатость, бескомпромиссность, чуждые природе, окружают нас повсюду. Стремление подчинить себе реальность, подмять под себя законы естества – вот отличительные признаки современного человека.

Технологические прорывы конца 19-начала 20 века изменили даже такую, казалось бы, нерушимую вещь, как смена дня и ночи. Само время, казалось, дрогнуло. Его зафиксировали объективами телекамер, сжали и растянули, расщепили на тысячные доли.

Календарь, имевший колоссальное значение для древних, отображавший все жизненно важные циклы, для нас теперь лишь красочный плакат на стене. Линейность восприятия мироздания пришла на смену цикличности либо гармонично дополнила ее.

Смена эпох не лучшим образом отразилась на состоянии нашего сознания. Повторюсь, оно давно уж не является коллективным. Индивидуализм приводит к разобщенности, изолированности, отказу от общения, то есть отдаляет нас от всего того, что делает нас человеком. Многие, если не всё в нашей жизни, подчинено соблазнам, сиюминутным законам моды, мнимым преимуществам немедленно получаемой выгоды.

В поисках точки опоры мы формируем новые мифы – мифы современности.

«Тем не менее, миф и изобретенная архаика <...> процесс, который заключается в осознанном воскрешении утраченных или даже забытых элементов культуры <...>, обладая сходством, не тождественны, поскольку миф – мировоззрение, базирующееся на особых закономерностях объяснения мира, а изобретенная архаика сложная структура, продукт интеллектуальной мысли, нацеленный на преодоление кризисной ситуации» [Сергеев 2010: 189].

Однако нельзя не согласиться и с тем, что: «Культура — это постоянный кризис. Культура не находится в кризисе, она сама — непрерывный кризис. Кризис — необходимое условие для ее развития» [Санчес-Вальехо 2016].

Упорядочивание реальности, противопоставление каждого действия пространству хаоса (прообраз созидательного беспорядка либо отсутствия порядка как такового), стало для людей архаики условием выживания. Сквозь призму подобных опытов предки осознали высшие категории периодичности происходящих событий. Постепенно, шаг за шагом приходило понимание, что новое может быть порождено хаосом.

Однако современность несёт в себе иной смысл. Мы как будто стремимся к хаосу, но, к сожалению, в этом действии нет даже намёка на созидание, попытку переосмыслить реальность. Таким образом, архаика и современность тесно переплетаются, формируя сложный конгломерат идей, намерений, мнений, действий, позволяющих исследователям раз за разом обращаться к означенному кругу проблем, в надежде однажды распутать этот клубок противоречий.

Традиционная африканская культура несёт в себе колоссальный заряд созидательной энергии, способный менять мировосприятие людей современности, то есть нас с вами. Одним из самых показательных

примеров, на мой взгляд, является «открытие» африканского искусства Европой в 20-х годах прошлого века. Воистину, полисемантизм, объёмность, выразительность и динамизм присущи африканскому искусству, как никакому другому. Важно лишь помнить о том, что архаические структуры, так легко проникающие в наш современный мир, столь же хрупки, сколь и устойчивы.

Перемены охватывают все сферы существования традиционного социума, определяя его выживаемость. На наших глазах меняется механика взаимодействия в рамках традиции. Глобализм сменяется популизмом, архаика – традиционализмом и даже неотрадиционализмом. В чём же причина?

Трудно спорить с тем фактом, что рациональный взгляд на окружающий мир, присущий представителям западного мира, превалирует над «чувственным» иррациональным восприятием реальности, присущим странам востока. Казалось бы, победа нового над старым очевидна. Но, время от времени оказываясь в «поле», мы – африканисты, возможно, как никто другой остро ощущаем неистребимое стремление человека возвращаться к основам мироустройства. Традиционные ценности архаических обществ «проникают» в повседневность либо формируют её, оптимизируя/упорядочивая окружающий нас хаос.

Роль Культуры в данном контексте трудно переоценить. Речь идёт не только и не столько об изобразительных средствах. Когда мы приводим в пример искусство как воплощение массового восприятия архаики, необходимо понимать, что это делается лишь с целью сделать пример наиболее «выпуклым», если позволите.

Итак, мы воочию наблюдаем необходимость попыток разобраться в истоках обсуждаемых проблем, формировать подходы и методики взаимодействия. Во многом от успехов в этой области зависит наше будущее, будущее Культуры африканских народов, позволяющей нам раз за разом возвращаться к базовым уровням познания нашего прошлого, настоящего, будущего.

Литература

Арсеньев 2009 — В.Р. Арсеньев «СЛОН» КАК МИР И МИР КАК «СЛОН»: концептуальные и тривиальные стороны видения мира и движения в нём. «Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)». Выпуск № 1; 2009. file:///C:/Users/user/Downloads/slon-kak-mir-i-mir-

- [kak-slom-kontseptualnye-i-trivialnye-storony-videniya-mira-i-dvizheniya-v-pnyom.pdf](#) 20.26; 14.04.2016
- Бочаров 2016 — В.В. Бочаров О культурно-психологических истоках неотрадиционализма на востоке: власть и табу. «Вестник СПбГУ». Сер.13. Вып.3; 2016. <http://cyberleninka.ru/article/n/o-kulturno-psihologicheskikh-istokah-neotraditsionalizma-na-vostoke-vlast-i-tabu> 16.00; 01.04.2017
- Данилевский 2011 — И.В. Данилевский Что такое «квантовая культура»? «Аналитика культурологии». № 19/2011. <http://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-kvantovaya-kultura> 16.28; 01.04.2017
- Корсакова 2013 — А.И. Корсакова Социальная специфика мифологического сознания. «Культура, духовность, общество». №5. 2013. <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spetsifika-mifologicheskogo-soznaniya> 17.15; 16.04.2016
- Санчес-Вальехо 2016 – Мария Антония Санчес-Вальехо. Умберто Эко: Культура не находится в кризисе; она сама – постоянный кризис // «El Pais». 22.02.2016 <http://inosmi.ru/world/20160222/209379533.html> 21.01; 20.04.2016
- Сергеев 2010 — Д.В. Сергеев Основное содержание изобретенной архаики как стратегии преодоления культурного кризиса. «Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология». Т.1. 2010. <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnoe-soderzhanie-izobretennoy-arhaiki-kak-strategii-preodoleniya-kulturnogo-krizisa> 16.58; 12.04.2016

Анастасия Викторовна Ляхович
СПбГУ, *anastasia_07007@mail.ru*

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ РАСПРОСТРАНИТЕЛИ В СТРУКТУРЕ ВВОДОВ ПРЯМОЙ РЕЧИ С ГЛАГОЛОМ *се* В ХАУСА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ХУМАЙРЫ ЛАВАН ЗАНГО «Я ЭТОГО НЕ ПОТЕРПЛЮ»)

Н. Скиннер в своей книге «Сказки и традиции хауса...» (впервые опубликована в 1969 г.) писал, что употребление прямой речи в повествовательном фольклоре хауса связано с двумя особенностями. Прямая речь употребительнее косвенной. Ввод прямой речи осуществляется однообразно – с помощью глагола *се* ‘говорить’. В сравнении с хауса английский язык располагает большим количеством глаголов (*exclaim, ask, reply, answer, suppose, say to oneself* и т.д.) и наречий/адвербиальных выражений (*angrily, shocked, in surprise, indignantly* и т.д.), которые уточняют характер коммуникативного акта [Skinner 2013: xxvii].

В современной литературе на хауса можно обнаружить художественные произведения, которые демонстрируют разнообразие способов введения прямой речи. Материалом для настоящей работы послужило произведение северонигерийской писательницы Хумайры Лаван Занго «Я этого не потерплю» [Van sancanci haka ba]. Основной целью является рассмотрение конструкций с внешней прямой речью (ВПР), где речь персонажа вводится в авторское повествование глаголом *се* ‘говорить’, и структурно—семантический анализ неглагольных обстоятельственных распространителей в структуре вводов.

Под вводами ВПР мы понимаем такой компонент конструкции с внешней прямой речью, который выполняет функцию включения реплик персонажей в авторское повествование. Вводящий компонент представлен субъектом и предикатом, эксплицирующим содержание реплики персонажа. Вводы ВПР имеют способность к распространению, которая зависит от семантики вводящего прямую речь глагола. Основная модель вводов прямой речи SBJ+PRED «распространяется в зависимости от намерения автора изобразить конкретную ситуацию общения, актуализируя в нужный момент наиболее значимое содержание или же посредством аранжировки содержательно-фактуальной информации фрагмента его оттеняя» [Помельникова 1992: 16-17]. Обстоятельственные распространители в структуре вводов ВПР не имеют обяза-

тельную связь с предикатом, не заполняют глагольную валентность, поэтому функционируют как сирконстанты.

Глагол *se* является семантически нейтральным относительно установления условий, характера и содержания речевой деятельности. Во вводах ВПР использование этого глагола предполагает наличие двух актантов – агенса и адресата, что выражает простую и наиболее распространенную модель коммуникативного акта. Малоупотребительны его семантические аналоги *fadi*, *fada* ‘рассказывать, сообщать, говорить’ и *furta* ‘сказать, произносить’. Во вводах ВПР встречается также использование глаголов, которые уточняют семантику говорения, обозначают речевой процесс уже не как общее, категориальное понятие: *amsa*, *karba* ‘отвечать’, *tambaya* ‘спрашивать’. Вводы ВПР с глаголами *ji* и *saurara* ‘слышать’ предусматривают наличие при них 2 актантов уже с другими функциями: экспериенцера и стимула. Эта модель встречается довольно редко. Вводы ВПР также осуществляются с помощью самостоятельного употребления фазовых глаголов и глагольных фразеологизмов, семантика которых также специфицирует процесс говорения: *katse* ‘прерывать’, *tsaya* ‘останавливаться’, *ci gaba* ‘продолжать’, *kara* ‘добавлять, дополнять’. Представлен также вариант, когда фазовые глаголы сочетаются с существительным/ глагольным именем, описывающим речевую деятельность: *soma magana* ‘начать речь’, *ci gaba da cewa* ‘продолжить говорение’, *gama sambatu-n-sa/ fadi-n* <закончить болтовня-GEN.SG.M-3SG.M.POSS>/ <рассказывание-DD.SG.M>, *fara magana/ kuka* ‘начать речь/ плач’, *shiga fadin/ cewa* <начать рассказывание-DD.SG.M>/ говорение.

Еще несколько глаголов также описывают речевую деятельность. Они не модифицируют данное категориальное понятие, а соединяют в себе сложный семантический комплекс:

- *yi kuka* ‘кричать+плакать’ – обозначение определенного звука (повышение голоса), сопровождаемого специфическим поведением (плач);

- *marairaita* ‘говорить тихо+задабривать+вызвать к себе жалость’ – выражает звук (понижение голоса), побуждение (воздействие с целью вызвать жалость), еще одно семантическое поле – состояние (субъект речи находится в бедственном, плачевном состоянии (*kaka nika yi* ‘как же я так’));

- *rarrasa* ‘уговаривать+успокаивать’ – глагол говорения и побуждения (воздействия с целью привести в спокойное состояние). Семантика глагола также указывает на то, что второй участник

ситуации, на которого направлено действие, находится в определенном состоянии.

Несмотря на разнообразие предикатов, которые в тексте романа служат для ввода ВПР и описания речевой деятельности, наиболее частотным остается употребление глагола *се* 'говорить'. Элементарная модель вводящих слов автора с ВПР: местоименно-предикативный показатель (МПП) + *се*. Данная структура является информативно исчерпывающей и может успешно выполнять функцию ввода прямой речи. Дальнейшее распространение определяется авторским стилем и задачами.

Вводы ВПР с глаголом *се* в произведении Хумайры Лаван Занго имеют свои особенности. Для автора не является необходимым акцентировать внимание на том, *кто* является субъектом речи. В хауса присутствие МПП в глагольной предикации является обязательным, при том что субъект может отсутствовать, а МПП выступает в анафорической функции. Структура вводов ВПР в рассматриваемом произведении также часто лишена адресата. Для автора заполнение этой валентности не существенно. Информация о том, *кто* говорит и *кому* говорят, часто передается контекстом. Структура предложений с ВПР актуализирует три важных для автора произведения компонента: речевую деятельность в ее широком, категориальном понимании; сообщение; условия, характер передачи сообщения. Авторский стиль в данном случае заключается в том, что происходит сознательное смещение акцента – на первый план выходит то, *что* сообщается и *каким образом/ в каких условиях, обстоятельствах* происходит передача сообщения. Употребление семантически нейтрального глагола говорения, который может сочетаться со сравнительно большим числом факультативных распространителей, позволяет установить тесную семантическую связь, соответствие между ВПР и условиями/ характером осуществления речевого действия. Подавляющее большинство вводов ВПР с глаголом *се* имеют в своей структуре обстоятельственные распространители, которые, не заполняя обязательные валентности этого глагола, являются функционально нагруженными в тексте. В некоторых случаях распространители семантически дублируют содержание сообщения (например, эмоционально окрашенная ВПР вводится с использованием распространителей, которые передают соответствующие эмоциональные состояния), кроме того, употребление тех или иных распространителей в определенных ситуациях и с определенным сообщением позволяют раскрыть характер героев, указать мотивы поведения героев.

выполняющих функцию обстоятельства. В редких случаях конструкции с предлогами *da* и *cikin* обнаруживают семантическое совпадение, например: *da sauri = cikin sauri* ‘быстро’, однако в большинстве случаев эти конструкции различаются.

Существительные, участвующие в образовании этой группы наречных выражений, как правило, обозначают эмоциональное состояние, поведенческие характеристики: *cikin damuwa* ‘обеспокоенно’, *cikin shagwaba* ‘шаловливо, проказливо’, *cikin gadara* ‘дерзко’, *cikin kunya* ‘со стыдом’, *cikin zumudi* ‘заинтересованно, в предвкушении’, *cikin tsoro* ‘испуганно’.

Многие эмоциональные состояния в хауса передаются именными фразеологическими оборотами: *zafi-n rai* (досл. ‘жар души’ — гнев, раздражение), *sanyi-n jiki* (досл. ‘холод тела’ — спокойствие, уравновешенность), *mutuwa-r jiki* (досл. ‘смерть тела’ — состояние потрясения, ощущение дурного предчувствия), *tashi-n hankali* (досл. ‘поднятие ума’ — волнение), *saki-n fuska* (досл. ‘освобождение(?) лица’ — жизнерадостность, веселость). С предлогом *cikin* эти посессивные конструкции передают соответствующие обстоятельственные значения: гневно, спокойно, потрясенно/ с дурным предчувствием, в волнении, жизнерадостно.

Во вводах ВПР глагол *se* ‘говорить’ снабжается сложным по семантике распространителем с базовой моделью *cikin + murya* ‘голос’. Эта конструкция всегда распространяется посредством введения лексем, сочетающих смысловой комплекс — характер звука, поведения, эмоции. Образованная обстоятельственная конструкция может различаться по структуре:

- (3) *cikin murya-r kuka*
 в голос-GEN.SG.F крик/плач
 ‘[сказать] плача и крича’ или: ‘[сказать] плачущим голосом, срываясь на крик’
- (4) *cikin marairaicewa-r murya*
 в жалобность-GEN.SG.F голос
 ‘[сказать] жалобно и тихо’ или: ‘[сказать] жалобным тихим голосом’
- (5) *cikin murya iri-n-ta wanda*
 в голос вид-GEN.SG.M-SG.F.POSS PROREL.SG.M
ya yi kuka
 3SG.M.PFV делать крик/плач

‘[сказать] плачущим голосом, срываясь на крик’ или: ‘[сказать] таким голосом, как у того, кто кричит и плачет’

- (6) *cikin sanɔi-n tɔɔɔa na se*
в спокойствие-GEN.SG.M голос 1SG.PFV говорить
‘спокойным голосом я сказал’

1.4. Конструкции с производными предлогами

В отличие от предлогов *da* ‘вместе, с’ и *a* ‘в, на’, *cikin* является производным предлогом, образованным от существительного *ciki* ‘живот, внутренности’. В рассматриваемом произведении встречаются также случаи, когда вводы ВПР распространяются темпоральными конструкциями с двумя производными предлогами – времени *baɔan* < *baɔa* ‘спина’ и направительным предлогом *wajen* < *waje* ‘сторона’: *baɔan fita-r-su* ‘после их ухода’, *wajen sha daɔa* ‘примерно в 11’.

2. Распространяющие обстоятельственные конструкции с отглагольными стативами

Стативы в хауса передают состояние или положение, наступившее в результате завершения действия и функционально эквивалентны наречиям образа действия [Jaggar 2001]².

2.1 Предлог *a* ‘в, на’ + статив, образованный от простого глагола

В рассматриваемом произведении вводы ВПР обнаруживают один пример такой конструкции: *a gajarce* ‘коротко’ < *gajarta* ‘укорачивать’. В ряде случаев статив используется в функции наречия без предлога:

- (7) *rai-na ya base amta*
душа-1SG.M.POSS 3SG.M.PFV портиться но
danne < *danne na se*
стойко < терпеть 1SG.PFV говорить
‘я огорчилась, но, сдержавшись, сказала’

2.2. *N* + [предлог *a* ‘в, на’ + статив]

Обстоятельственная конструкция, в которой статив выступает постпозитивным модификатором. Как правило, имеет предикативный аналог.

- (8) *Hankali a tashe ya se*
ум в вставший 3SG.M.PFV говорить
‘Взволнованно он сказал’...

² В данном случае могло бы быть более уместным использование термина «результатив», однако в хаусанистике принято употребление термина «статив».

Ср.:

- (9) *Hankali-n-sa* *ya* *tashi*
 ум-GEN.SG.M-3SG.M.POSS 3SG.M.PFV подниматься
ya *ce*
 3SG.M.PFV говорить
 ‘Он пришел в волнение и сказал’

В тексте присутствует также вариант конструкции, где предлог опускается:

- (10) *Hankali tashe* *ya* *ce*
 ум вставший 3SG.M.PFV говорить
 ‘Взволнованно он сказал’

Приведем еще один пример использования конструкции такого типа. Ср. с его предикативным аналогом в примере (7):

- (11) *Rai a bace* *ya* *ce*
 душа в испорченный 3SG.M.PFV говорить
 ‘Огорченно он сказал’

Данная группа обстоятельственных конструкций передает различные эмоциональные состояния, в некоторых случаях их внешние проявления. Подобные конструкции выполняют роль вторичного предиката, имеющего свой субъект. Субъект вторичной предикации не совпадает с основным субъектом, однако подчинен ему семантически: он всегда выражает значение части целого (лицо, голос, душа, ум), а основной субъект выражает это целое, таким образом, семантически поглощая субъект вторичной предикации:

- (12) *Fuska a shagwabe* *na* *ce*
 лицо в испорченный, избалованный 1SG.PFV говорить
 ‘Капризно я сказала’
- (13) *murya a sanuaye* *ta* *ce*
 голос в успокоенный 3SG.F.PFV говорить
 ‘Более спокойным голосом она сказала’

2.3. *N* + [статив + предлог *da* ‘вместе, с’ + ИГ] .

- (14) *Fuska-r-ta* *ɗauke* *da*
 лицо-GEN.SG.F-3SG.F.POSS взявший с
tsanani-n *tashin* *hankali* *ta*
 сильная.степень-GEN.SG.M подъем-GEN.SG.M ум 3SG.F.PFV

- jiua wajen Umti, ta ce*
поворачиваться к мать 3SG.F.PFV говорить
'С лицом, на котором читалось сильное волнение, она повернулась к матери и сказала'
- (15) *Tana dauke da damiwa*
3SG.F.IPFV взявший с беспокойство
'Она обеспокоенно [сказала]'

3. Неглагольные конструкции с МПП имперфектива

3.1. IPFV + локативы

- (16) *Kai-na yana kasa*
голова-1SG.M.POSS 3SG.M.IPFV внизу
'Я понуро [сказала]'
- (17) *Murya kasa-kasa ta ce*
голос внизу 3SG.F.PFV говорить
'Тихо она сказала'
- (18) *Ina daga kan gado na ce*
1SG.IPFV из на кровать 1SG.PFV говорить
'С кровати я сказал'
- (19) *Ina daga bangara-n direba*
1SG.IPFV из сторона- GEN.SG.M водитель
'С водительского места [я сказал]'

3.2. IPFV + имена существительные, выражающие динамическое действие, связанное с эмоциональным состоянием

- (20) *Yana/Tana murmushi/ dariya/ turna/*
3SG.M.IPFV/F.IPFV улыбка/ смех/ радость/
yaiki
надменный. взгляд
'С улыбкой/ смехом/ радостью/ плачем/ надменным взглядом он/ она [сказал/а]'

В редких случаях существительное, употребляемое в данной конструкции, становится вершиной зависимой клаузы:

- (21) *Yana 'yar dariya wadda*
3SG.M.IPFV немного.SG.F смех PROREL.SG.F
iyakaci-n-ta fuska-r-sa
целиком-GEN.SG.M-3SG.F.POSS лицо-GEN.SG.F-3SG.M.POSS

‘С легким смехом, отразившемся на всем его лице [, он сказал]’.

Смысловое ядро таких обстоятельственных конструкций во многих случаях дополнительно распространяется за счет образования посессивных конструкций: *murmushi-n migunta* <улыбка-GEN.SG.M зло>, *dariya-r shakiyanci* <смех-GEN.SG.F наглость>. Часто существительное появляется в сочетании с квантификатором *ɗan* ‘немного, чуть-чуть’:

- (22) *Ina ɗan murmushi*
 1SG.IPFV немного. SG.M улыбка
 ‘С легкой улыбкой [я сказала]’

Имена существительные, различные по семантике, в сочетании с дополнительными распространителями также используются для выражения эмоций или поведенческих характеристик. Например:

- (23) *Tana wasa da hannu-n-ta*
 3SG.F.IPFV игра с рука- GEN.SG.M-3SG.F.POSS
 ‘Делая жест руками [, она сказала]’

Некоторые обстоятельственные конструкции такого типа предусматривают введение вторичного субъекта. Похожие случаи уже рассматривались выше – основной субъект семантически поглощает субъект вторичной предикации:

- (24) *turya tana rawa ta ce*
 голос 3SG.F.IPFV дрожь 3SG.F.PFV говорить
 ‘дрожащим голосом она сказала’

3.3. IPFV + отглагольные имена

Данные обстоятельственные конструкции указывают на то, какие действиями сопровождают произнесение речи.

- (25) *Tana shigowa <shiga ta ce*
 3SG.F.IPFV вхождение <входить 3SG.F.PFV говорить
 ‘Входя, она сказала’
- (26) *Ina tafiya <tafi na ce*
 1SG.IPFV ходьба <идти 1SG.PFV говорить
 ‘Идя, я сказал...’

В ряде случаев они выражают темпоральную семантику:

- (27) *Suna fitowa <fita Alhaji Habu*
 3PL.IPFV выход <выходить Алхаджи Хабу

- ya ce*
 3SG.M.PFV говорить
 ‘Когда они выходили, Алхаджи Хабу сказал’.
- (28) *Bayan fita-r-ta <fita ta ce*
 после выход-GEN.SG.F- 3SG.F.PFV говорить
 3SG.F.POSS <выходить
 ‘После того как она вышла, она сказала’.

Здесь также возможно дополнительное распространение за счет образования посессивной конструкции (см. примеры (29) и (30)), предложной группы (31) и путем присоединения зависимых клауз (32):

- (29) *Ina dan bi-n <bi*
 1SG.IPFV немного.SG.M следование-GEN.SG.M
 <следовать
baya-n-ta na ce
 спина-GEN.SG.M-3SG.F.POSS 1SG.PFV говорить
 ‘Идя вслед за ней, я сказал’
- (30) *Tana maka-n <maka wata*
 3SG.F.IPFV битье-GEN.SG.M некий. SG.F
 <бить
shegiya-r harara
 наглый.SG.F-GEN.SG.F сердитый взгляд
 ‘С наглым сердитым взглядом [она сказала’
- (31) *Hawaye yana zubowa <zubo daga*
 слезы 3SG.M.IPFV вытекание из
 <вытекать
ido-na na ce
 глаз-1SG.F.POSS 1SG.PFV говорить
 ‘Со слезами, лившимися из глаз, я сказала’
- (32) *Tana shagwabewa <shagwaba kamar*
 3SG.F.IPFV баловство <баловать словно
zata yi kuka ta ce
 3SG.F.FUT плакать 3SG.F.PFV говорить
 ‘Капризничая, словно вот-вот заплачет, она сказала’

3.4. IPFV + стативы

- (33) *Ina tankwashe kafa na ce*
 1SG.IPFV согнувший нога 1SG.PFV говорить

А. В. Ляхович

POSS — посессив
PFV — перфектив
PRO — местоимение
REL — релятивизатор
SBJ — субъект
SG — единственное число

Источники

[Ban cancanci haka ba] — Humaira Lawan Zango. Ban cancanci haka ba. In 3 Vol. Nigeria: Harafi Publishing Co. 2011.

Литература

Помельникова А.Н. Способы введения прямой речи в современном немецком языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992.
Jaggar Ph.J. Hausa. John Benjamins Publishing, 2001.
Skinner N. (ed. and trans.) Hausa Tales and Traditions Vo Cb: Being a Translation of Frank Edgar's Tatsuniyoyi Na Hausa. Routledge, 2013.

Алексей Васильевич Образцов
СПбГУ, НИУ ВШЭ СПб, 0708ural@mail.ru
Алия Сократовна Сулейманова
СПбГУ, suleymanova2001@mail.ru

СИМПОСИОН ПО-ТУРЕЦКИ: ПИТЕЙНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

*Турецкая пословица: Raki içen ölmüş de su içen ölmemiş mi?*¹

1. Введение

Напитки являются самостоятельной подсистемой общей системы питания. Для Евразийского пространства традиционно принято базовое разделение на напитки безалкогольные и алкогольные. Именно культура потребления последних в Османской столице — Стамбуле — и является предметом нижеследующих заметок². Уровень потребления алкогольных напитков прямо пропорционален той социальной роли, которую они играют как средство организации общения и «ритуальной означенности узловых моментов бытия» [Хмельное и иное 2008: 6]. Поэтому не кажется преувеличением утверждение, что «в напитках ещё более, чем в других формах пищи выражаются ценностные, экономические, культурные вариации данного общества» [там же].

На тему культуры потребления спиртного в Османской империи написано немало работ на турецком языке, но все они, так или иначе, обращаются к одному кругу источников: «Описание Стамбула» Латифи Кастамонулу (1491-1582) [Lâtifi 1977], «Книга путешествия» Эвлия Челеби (1611-1682?) [Evliya Çelebi 2004], «История Стамбула» Еремий Челеби Комюрджюяна (1637-1695) [Eremya Çelebi 1988], «Год в Стамбуле» Мехмета Тевфика (Чайлака) (1843-1893) [Tevfik 1991],

¹ Кто пил раки — помер, а что, кто воду пил, жив остался? Ср. русс. посл.: Пить — помрешь, не пить — помрешь, уж лучше ж умереть, да пить.

² Обсуждение вопроса взаимоотношений ислама и алкоголя выходит за рамки данных заметок. Отметим лишь, что 90-91 аяты суры 5 Аль-Маида (Трапеза), на которые традиционно ссылаются, осуждают, скорее, состояние опьянения, нежели само винопитие. Эвлия Челеби в кратком комментарии на указанные аяты приходит к аналогичному выводу, утверждая, что пьянство — грех, но малая толика спиртного (damla - бук. капля) грехом не является.

«Питейные заведения в старом Стамбуле и их танцовщики» Решада Экрема Кочу (1905-1975) [Koçu 2015]. Нельзя не упомянуть и Сермета Мухтара Алуса (1887-1952), особенно его статью «Мир старых питейных заведений» [Alus 1994]. Из современных работ хочется отметить книгу Вефа Зата³ «Питейные заведения старого Стамбула» [Zat 2002] и статью Ильбера Ортайлы (р. 1947) «Стамбульские питейные заведения» [Ortaylı 2007], где вводятся в научный оборот новые архивные документы по данной теме.

Интересные сведения можно почерпнуть и из электронных источников, краеведческих заметок и гастрономических обзоров [atemelli; evrensel; altinsehiradana].

2. Основные термины

Мейхане (*meyhane*) — в буквальном переводе означает «место, где продают и пьют вино». Эти заведения довольно быстро превратились в клубы, организованные иногда по профессиональному (рыбаков, лодочников, янычар и т.п.), территориальному (квартальные, прибрежные и т.д.) признаку. Так, например, в мейхане пушкарей-литейщиков и корабелов, которые тянулись от района Касымпаша до Фындыклы и Сальпазара, лодочники, грузчики-носильщики, банщики и прочие голодранцы старались не заходить надолго и уйти до прихода постоянных клиентов. Довольно долго мейхане были по преимуществу, если не исключительно, мужскими клубами, где главными были выпивка и беседы, что было характерно для досугового винопития в Средиземноморье еще с античных времен.

Барба (*barba* от искаж. итал. «зрелый мужчина с бородой») — хозяин/управляющий мейхане. Работника, стоящего за стойкой, называли **мастори** (*mastori*). Так же называли хозяина заведения, если он сам стоял у стойки. Иногда за стойкой стоял молодой подмастерье, которого в шутку называли «четырёхбровым» (*dört kaşlı*), намекая, что его пробивающийся пушок над верхней губой, более похож на брови, чем на усы.

³ Работы Вефа Зата (р. 1941) примечательны тем, что написаны человеком «с другой стороны барной стойки». Зат — всемирно известный турецкий бармен, обслуживавший королеву Елизавету II, де Голля, шаха Резу Пехлеви, президентов и премьер-министров Турции. Он - создатель нескольких оригинальных рецептов, в том числе и знаменитого коктейля «Душевный покой» (Huzur).

Разносчик напитков и закусок — *саки* (*saki*). Другие названия: *музбече* (*muğbeçe* — бук. сын огнепоклонника) и *паликар* (*palikar* — иск. греч. «парень»). В классический период они были в большинстве своём из островных греков или армян в возрасте от 18 до 22-23 лет. Лучшими, благодаря внешним статям, считались уроженцы о-ва Сакыз, за ними шли греки с о-ва Имроз.

Мальчик на побегушках, подмастерье — *мичо* (*miço* — иск. итал. «юнга»).

Служку, разносившего канделябры и подносившего огонь и угли для разжигания длинных чубуков и кальянов называли *педиму* (*pedimu* — иск. греч. «сын мой») или *атеш огланы* (*ateş oğlanı* — бук. огневой мальчик). Слово *педиму* часто использовали как обобщающий термин для всех работников *мейхане*, кроме *барба*.

Весь персонал-*педиму* носил определенную униформу, которая несколько отличалась от заведения к заведению, но в общих чертах выглядела примерно так: на головах фески⁴ с кисточкой (обычно синей) на витом шнуре (обычно черном), доходившем до плеч; распахнутые на груди белые рубахи с засученными рукавами; поверх рубахи надевали жилет с запахом и двойным рядом пуговиц (*fermene*); на талии кушак (обычно черный); слегка расширенные к низу черные шальвары до щиколоток; сандалии с деревянной подошвой и на низком каблуке с подковками (*takunya*). Цоканье подковок призвано было сообщать клиентам о приближении служки. Носили сандалии на босу ногу, лишь по праздникам надевая белые чулки-чорабы. Часто, в описании облика педиму, обращают внимание на височные (*zülülf*) и лобные локоны (*kâkül*).

В некоторых мейхане справа или слева от входа располагался прилавок/стойка (*tezgah*) с налитыми рюмками и готовыми легкими закусками для торопящихся, пришедших в одиночку посетителей, которых так и называли *клиенты прилавка* (*tezgah müşterisi*) или *одиночками / пьющими по одной* (*tekçi / tektekçi*). Работников мейхане иногда называли *людьми прилавка* (*tezgah alemi*).

Закуски (*meze*), по преимуществу, ограничивались т.н. «слесарным столом» (*çilingir sofrası*), т.е. «собранными на скорую руку» но, зато, подавались бесплатно. Обычно это были: грецкие орехи, каштаны, миндаль и миндаль в сахаре, фисташки, фундук, сладкий каленый го-

⁴ До реформ Махмуда II феска была головным убором христианского населения.

рох, черешня, груши, айва, гранат, клубника, инжир, дыня, арбуз, кизил, персики, яблоки, хурма, курабье, леденцы-карамель, жевательные пастилки с мускусом и т.п. Кроме того, могли быть выставлены фасоль с луком, маринованная капуста, тушеные баклажаны, разнообразные сорта брынзы и белого сыра, маслины и мясная нарезка.

Раки (*raki*) — виноградная водка на анисовом семени, виноградная водка на смоле с о-ва Сакыз называлась **мастика** (*mastika, masteki*).

Известный турецкий энциклопедист Решат Экрем Кочу в самом начале своей знаменитой книги «Питейные заведения в старом Стамбуле и их танцовщики», первое издание которой вышло в 1947 г., выносит суровый приговор: «Мейхане не осталось, и в особенности не осталось тех, кто знает, как пить раки» [Коçu 2015: 11]. Вторую часть высказывания Кочу часто опускают, а она, возможно, глубже первой, поскольку касается манеры питья. В османские времена раки пили небольшими глотками, не разбавляя, а запивая водой. Это был напиток неспешной, долгой приятельской беседы. Соответственно, использовались стопки «горло аиста» (*leylek boynu*). Это высокие стопки (ок. 10 см), довольно узкие, с массивным дном, иногда сужающиеся в верхней трети, а потом расширяющиеся кверху так, чтобы горловина была шире дна. Другой традиционной посудой были рюмки, стопки и небольшие стаканчики (ок. 4 см), ровные или слегка расширяющиеся кверху, цилиндрической или бочонкообразной формы, т.н. **тектекчи** (*tektekçi*), так же, напомним, называли и клиентов, зашедших пропустить «рюмашку». Слово **тек** (*tek*) по сию пору используется для обозначения одной порции (ок. 50 гр) крепкого спиртного. Сегодня часто используют высокие стаканы для лимонада (*limonata bardağı*), в которых рыки смешивают с водой в различной пропорции. Считается, что стаканы для лимонада вошли в моду с распространением холодильников, которые позволяли производить лед, охлаждать воду и напитки в практически неограниченном количестве. Но и сегодня можно встретить любителей наливать раки на кусочки мелкорубленого льда в традиционные рюмки или охлаждать воду только льдом, пренебрегая охлаждающими рубашками, камнями, сферами и пр. современными ухищрениями. В классических мейхане лед готовили сами и держали в специальных лёдниках.

Легко заметить, что большая часть традиционной терминологии имеет греческое и итальянское происхождение, что объяснимо генетическим родством турецких мейхане с аналогичными заведениями в культурах региона.

3. Типы мейхане

В османские времена мейхане подразделялись на три основные группы:

3.1. **Патентованные мейхане** (*Gedikli Meyhaneler*) — заведения высшего разряда. Их владельцы имели государственный патент на торговлю спиртным и содержание питейного заведения. В сер. XIX в., во время правления Абдулазиза, их стали также называть **Султанскими мейхане** (*Selatin Meyhaneler*). Как правило, над входом в такие мейхане висел какой-либо знак, связанный с местоположением заведения, национальностью, бывшей профессией хозяина и т.п.: кораблик, башня, кинжал, пушка и пр. Иногда, это была просто оплетённая бутылка. Заведения часто и называли по этой вывеске-эмблеме: *С кинжалом, Еврейское, Меховщика, С канделябром, С фонтаном, Черный нож* и т.д. В качестве вывески-эмблемы иногда использовались знаки янычарских подразделений (до уничтожения янычарского корпуса в 1826 г.), что могло указывать на прошлую службу хозяина. Кроме того, янычарские «деды» (*dayı*), часто коротавшие ночи напролет в мейхане, были желанными и особо уважаемыми клиентами, на что и намекала вывеска. Вообще, отношение к постоянным клиентам было особо трепетным: если завсегдатай не появлялся некоторое время, барба отправлял к нему службу, чтобы осведомиться о здоровье клиента; накануне праздника разговения, завершавшего пост рамазана, барба посылал постоянным клиентам уместный презент, часто блюдо долмы со скумбрией или мидиями, с поздравлениями и напоминанием о месте, где имярек всегда желанный гость. Это праздничное блюдо так и называлось долма «не забывая нас» (*unutma bizi dolması*).

Заведения освещались подвешенными к потолку светильниками, клиентам ставили массивные, устойчивые канделябры, потом их заменили керосиновые лампы.

К услугам клиентов, которые перебрали спиртного и уже не могли передвигать ноги, были корзинщики (*küfeci*), дежурившие у мейхане и готовые доставить подгулявшего клиента до дома в корзине без происшествий и ненужной огласки. Отсюда и современное слово **кюфелик** (*küfelik*) — пьяный в драбадан, мертвецки пьяный.

3.2. Мейхане, торговавшие без патента, назывались **Колтук мейханелери** (от *koltuk* — подмышечная впадина, закоулок, укромное место), т.е. можно перевести как «укромные мейхане». Как правило, это были небольшие бакалейные, мелочные или зеленные лавки, хозяева которых продавали спиртное для «своих», надежных соседей и

приятелей. Кстати, такой тип мейхане и поныне можно увидеть в азиатской провинции. Закуски были минимальными, а напитки невысокого качества. Часто выпивкой торговали и после закрытия лавки, за закрытыми ставнями. Конечно, квартальные сторожа были в курсе дела, но молчали, получая обязательную мзду «не видь меня» (*görme beni*). Правда, иногда пьяное непотребство выплескивалось на улицу, тогда уже никакие взятки не спасали. Известен случай, когда в районе Ланга пьяные смутьяны затащили в мейхане имама местной мечети и с ног до головы облили его вином. Вот уж воистину, как гласит пословица «Пьяного и сумасшедший боится» (*Sarhoştan deli bile korkar*).

Разновидностью мейхане такого типа можно считать т.н. «**Укромные мейхане для благородных**» (*Kibar koltuklari*). Их услугами пользовались мелкие и средние чиновники, не желавшие демонстрировать домашним и окружающим свою привычку к спиртному. Рассказывают такой анекдот. Жена одного чиновника обнаружила в доме кувшинчик раки и закатила мужу скандал, требуя сделать выбор между нею и спиртным. Муж попросил носильщика принести бурдюк раки, который отныне будет делить с ним ложе. Впрочем, чиновнику достаточно было переодеться, а тип одежды был знаком принадлежности к определённой социальной группе или сословию, чтобы оставаться неузнанным на удалении от дома или места службы. Отдельную группу клиентов нелегальных мейхане составляли безусые юноши, которых по малолетству в патентованные мейхане не пускали.

Примечательна эволюция рыбачьих мейхане. Начинали они как профессиональные колтук мейханелери, т.е. работали без патента и только для своих. Первоначально это могла быть обычная палатка в рыбачьей гавани. Эвлия Челеби писал, что, особенно в Ускударе, мейхане непременно соседствовали с рыбным базарчиком. В интерьере преобладали рыбачьи сети, раковины и пр. В углу был маленький прилавок со спиртным, а за ним — кухонька. В этом то и состояло отличие рыбачьих от обычных прибрежных мейхане. Рыбаки отдавали часть улова хозяину мейхане, который должен был быть мастером в приготовлении рыбы. Требуемое блюдо, глубина обжарки и пр. заранее обговаривались. Иногда рыбаки сами готовили на кухне мейхане. Вернувшись с промысла, рыбаки отправлялись продавать улов, сами или через перекупщиков. Раздавали долги, в том числе хозяевам мейхане. Оставшихся денег хватало на закуски, салаты и раки.

Постепенно, некоторые из таких мейхане становились известны благодаря своей морской кухне и переходили в разряд патентованных.

3.3. Для простых и небогатых горожан существовали **Айаклы мейханелер** (*Ayaklı meyhaneler*), т.е. «мейхане с ногами», работавшие, разумеется, даже без подобия патента. Якобы, такой способ торговли спиртным придумал некий армянин, чтобы обойти запрет на спиртное. В середине XVII в. Эвлия Челеби насчитал в пределах Большого Стамбула около 800 пеших (*piyade*) торговцев спиртным без лавок, но характер их деятельности не пояснил. Возможно, речь идет о торговцах с крытых прилавков на колесах. Во всяком случае, термин «айаклы мейханелер» появился позднее. Брались соединенные трубки кальяна или попросту длинные бараньи кишки, заполнялись низкосортной раки, которая, особенно, если использовались кишки, приобретала желтоватый цвет и характерный запах. Продавец обматывал этот «шланг» вокруг тела, под одеждой. Один конец «шланга» был крепко завязан, а ко второму концу приделывали краник, который прятали в рукав, внутренний карман верхней одежды или под кушак. Вывод «шланга» к карману маскировал широкий кушак. Голова торговца была обвязана вышитым длинным шарфом (ок. 2×0.5 м) (*şerbetiye*). На плечи наброшено специальное полотенце (*peşkir*) или кусок банной простыни (*peştamal*), которые и служили «вывеской» таких мейхане. В кармане продавца были рюмка и орешки или каленый горох для закуски. Мехмет Тевфик пишет, что запас раки у таких торговцев был не велик, около 1 кыййе, что, с учетом плотности винного спирта составляло чуть больше полутора литров. Если закуска кончилась или продавец был не склонен угождать клиенту, выпитое можно было занюхать кулаком или тыльной стороной ладони, что так и называлось «закуска из кулака» (*yumruk mezesi*). Иногда продавец намеренно выбирал место у прилавка продавца турши (маринованные овощи) или перед лавкой зеленщика. Ошалевший от выпитого клиент тут же хватал с прилавка какие-либо солено-маринованные обрезки, к радости обоих торговцев. Таких мейхане становилось больше под вечер, а их излюбленными местами были лодочные переправы, пристани и иные многолюдные, но неприязательные места. Р.Э. Кочу пишет, что таким бизнесом занимались исключительно армяне, что, признаться, кажется маловероятным. А вот основными клиентами, безусловно, были грузчики, носильщики, поденщики, ученики мелких ремесленников и иной бедный рабочий люд.

3.4. В конце 60-х гг. XX в. в Турции появился такой специфический тип мейхане как **Пикаплы мейхане** (*pikaplı meyhane*). Вопреки ожиданиям, это были не передвижные бары в автофургонах. Название происходит от тур. «пикап» — радиола, проигрыватель виниловых грампластинок. Конечно, граммофоны были почти неизменным элементом интерьера в классических мейхане позднего периода. Но граммофонные диски были дороги, и в заведении их было ограниченное количество. Кроме того, к 1960-м гг. в Турции был налажен выпуск пластинок с песнями собственно турецких исполнителей. И, наконец, в эти годы в Турции особую популярность приобрела музыка в стиле арабеск (*arabesk*). Этот стиль возник на стыке народной турецкой музыки, арабской танцевальной музыки и ориентальных мотивов музыки европейской. Излюбленными темами были: любовь без надежды на взаимность, повседневные тяготы и горести, чувство безнадежности и уныния и пр. Песни, как правило, исполнялись на более чем разговорном языке. Первые эксперименты в данной стилистике относятся к 1940-м гг. (Хайдар Татлыай), окончательно направление сложилось к нач. 1960-х. Музыка арабеск считалась низким жанром, ее называли «музыкой трущоб и окраин» (*gecekondu ve varoş*), «музыкой маршруток» (*dolmuş*), «музыкой кризиса» (*bunalım*), «музыкой смутьянов» (*isyankar*) и т.д. Трансляция арабских песен была в Турции под запретом с 1938 г., а впоследствии запрет распространился и на арабеск. После экспериментов Орхана Генджебая, соединившего арабеск с рок-н-ролом, этот стиль стал особо популярен в среде городской молодежи. Естественно, что владельцы мейхане стали проигрывать диски таких исполнителей, как Ферди Тайфур, Мюсюм Гюрес и пр. для привлечения клиентов. А в условиях, когда турецкие города переживали миграционный бум, желающих пропустить стаканчик-другой под полузапретный «шансон», было с избытком. Такой тип мейхане можно встретить и сегодня, правда, радиолы и музыкальные автоматы сменили CD и mp3 плееры.

4. История

Питейные заведения исторически были частью портовой субкультуры приморских городов, естественно, были они и в столице Византии. Основным напитком было вино. Считается, что культура досугового винопития в Византии появилась под влиянием генуэзцев и, отчасти, венецианцев, что косвенно подтверждается сведениями о сосредоточении питейных заведений в районах Перы и Галаты

(современный Бейоглу), где традиционно селились выходцы с Апеннин. Впрочем, думается, что местные греки и армяне достойно конкурировали с итальянцами. Ко времени падения Константинополя (1453) Галата с прилегающими кварталами практически была генуэзской колонией и формально сохраняла нейтралитет в византийско-османском противостоянии. Менее чем через сто лет после завоевания турками Константинополя 18 кварталов Галаты были мусульманскими, а 70 — с немусульманским населением [Утургаури 2013: 132]. Поэтому Латифи с полным основанием заметил: «Галата — суть вся мейхане (*serapa meyhane*)». Ему вторит Эвлия Челеби, подробно и явно со знанием дела перечисляя районы, где много питейных заведений, он констатирует, что в Стамбуле их много везде, а уж произнести «Галата» — все равно, что сказать «мейхане».

При султанах Мехмеде II Фатихе (1451 — 1481), его сыне Баязиде II (1481 — 1512) и его внуке Селиме I Грозном (1512 — 1520), никаких серьезных ограничительных мер по борьбе с пьянством не принималось. Хотя известен анекдот о поэте Мелихи из Токата, который дал слово Мехмеду Фатиху «в рот вина не брать». Будучи пойман в нетрезвом состоянии, поэт клялся, что сдержал слово, а напился, используя небольшие каминные мехи. Султана позабавил такой способ «налиться вином», но ослушник всё же был утоплен. Число питейных заведений при этих султанах сильно увеличилось и, возможно, именно тогда вошел в повсеместный оборот обобщающий термин *мейхане*. Торговали в основном вином, хотя, как представляется, свою нишу занимала и виноградная водка. Как сообщает Еремия Челеби, стамбульские евреи издавна славились своим особым видом мускатной раки. Раки окончательно потеснила вино лишь в 50-е гг. XIX в. Однако и позже продолжали торговать и виноградными, особенно из мускатных сортов, винами и винными продуктами из сливы, инжира, абрикоса и т.п.

Некоторые ограничения на торговлю спиртным пытался ввести Сулейман I Законодатель (1520 — 1566), но скорее, в рамках муниципальной реформы, нежели целенаправленно. Парадоксально, но первый официальный запрет (1567) на деятельность мейхане пришелся на время правления Селима II (1566 — 1574), прозванного Пьяницей за пристрастие к алкоголю. Запрет был тотальный, все вино приказано было переработать в уксус, путем добавления в него соли. Запрет продержался почти 10 лет, но, видимо, исполнялся плохо. Так, 7 октября 1573 г. вышел, в ответ на жалобы горожан, указ, запрещающий

открывать питейные заведения в мусульманских кварталах, что, очевидно, продолжало происходить и в период запрета.

Сын Селима Пьяницы, Мурад III (1574 — 1595), 13 марта 1576 г. издал указ, разрешающий открывать мейхане в кварталах с немусульманским населением. Указ фиксировал случаи открытия питейных заведений в жилых домах армян и греков в районе Ланга. Этот указ примечателен еще и тем, что в нем отдельно упомянут случай насильственного похищения из бани и спаивания женщины неким пьяницей, который был растерзан толпой. Тот же Мурад III в 1583 г. попытался запретить алкоголь под предлогом того, что мусульмане упиваются до смерти в христианских кварталах. Через некоторое время вышел отдельный указ, запрещающий употреблять алкоголь военным служащим. Население восприняло это как разрешение гражданским лицам пить спиртное. Рассказывали такой анекдот: Некий командир написал на стене казармы «Алкоголь убивает». Утром появилась приписка «Воин смерти не боится».

В дальнейшем, запреты на алкоголь, разной степени жесткости, вводились при Ахмеде I (1603-1617), Мураде IV (1623-1640), Селиме III (1789-1807). Считается, что самые жесткие запреты действовали при Мураде IV, причем касались они не только алкоголя, но и кофе, и табака. Рассказывают, что однажды Мурад посетил обитель дервишей бекташи и поинтересовался, что стоит в запечатанных кувшинах. Шейх (*baba*) невозмутимо ответил, что в кувшинах виноградный сок на уксус, а если получится вино, что ж, на то воля Аллаха. К временам Мурада IV относится и появление такой фольклорной фигуры, как Бекри Мустафа — «султана стамбульских пьяниц». Не единожды попадаясь на нарушении запрета на спиртное, он всякий раз выкручивался благодаря острому языку. Рассказывают, что однажды пьяный Бекри Мустафа был пойман самим Мурадом, который инкогнито бродил по Стамбулу с доверенным везирем. Правдами и неправдами Бекри заставил неизвестных гостей испробовать по глотку раки. Когда же те открыли свои имена, он радостно воскликнул: «Видите, что это за волшебный напиток! Выпили-то всего ничего, а один уже мнит себя султаном, а другой — везирем».

Основными причинами недолговечности запретов на спиртное в османское время были высокие налоговые (*hamr resmi, zecriyye resmi*) поступления в казну, которые приносила торговля алкоголем, и невозможность полностью контролировать нелегальные и полуправильные формы производства и продажи спиртных напитков. Именно поэтому

содержатели легальных питейных заведений приобрели профессиональный статус (*mesleklik*), стали получать патенты на свою деятельность (*gedik, ruhsat, beraat*), и были объединены в цеховую структуру. Эвлия Челеби называет их «цехом проклятых, злосчастных и порицаемых, т.е. содержателей мейхане» (*esnaf-ı melûnan-ı menhusan-ı mezmûman yanî meyhaneçiyân*). Но при этом, сам Эвлия Челеби пишет, что только в районах собственно Стамбула, Галаты, Эйюба и Ускюдара насчитывалось более 1000 питейных заведений, всего же в виноторговле в это время трудилось, по подсчетам Эвлии, 6 000 человек. Эвлия Челеби добавляет, что имеются еще места нелегальной торговли спиртным, число коих около 300. Заведения, имевшие патент, контролировались, на уровне уплаты налога со спиртного, специальным ведомством при министре финансов (*zecriyye muhasebesi*) и особым Управлением виноторговли (*hamr eminliği*), которое находилось в Галате у Свинных ворот (сов. Свинная улица). Эвлия сообщает, что у главы этого ведомства было аж 300 помощников. Кроме того, существовала ещё специальная таможенная служба, которая отслеживала ввоз спиртного в крупные города. Патент на виноторговлю, обычно, переходил от отца к сыну, от мастера к ученику и мог быть продан третьему лицу лишь по разрешению цеховой организации, которое давалось при наличии свидетельств профпригодности покупателя.

Расцвет мейхане пришелся на блестящую «Эпоху тюльпанов» (*Lale devri*) — в узком смысле, время правления великого везира Дамад Ибрагим-паши Невшехири, т.е. с 1718 по 1730 гг. Небезосновательно этот период считают началом вестернизаторских реформ в Османской империи⁵. Применительно к нашей теме, важно отметить, что в это время праздники и празднества были выведены из-под тотального госрегулирования, карнавализованные гуляния длились по несколько дней и следовали буквально одно за другим. Естественно, значительно ослабли все и всяческие запреты, включая морально-этические.

После реформ Танзимата (точкой отсчета считается 1839 г.) условия торговли спиртным значительно упростились, что привело к более широкому распространению питейных заведений. Открытие мейхане тоже стало более простым делом. Жестко соблюдалось лишь правило «запретных территорий», так нельзя было открывать торговлю алкоголем рядом с религиозными учреждениями (мечети, дервишеские

⁵ Подробнее см.: [Витол 1987].

обитатели и т.д.), кладбищами, усыпальницами, медресе и т.п. местами. В целом, это правило действует и поныне. К числу запретных территорий относились и иностранные посольства. Один предприимчивый торговец в 1853 г. открыл мейхане прямо напротив посольства России, рассчитывая на приток постоянных клиентов. Моментально последовал протест русского посла, мейхане закрыли, патент у незадачливого «знатока русской души» отозвали [Ortaylı 2007: 246-247].

Разумеется, мейхане во все времена не работали весь пост месяца рамазан и открывались лишь в первый день праздника разговения.

Примерно с середины XIX в. начинается упадок традиционных мейхане. В январе 1850 г. цех владельцев патентованных мейхане подал жалобу Великому везиру на то, что город заполонили торговцы пуншем (*puncşi*), количество лавок которых перевалило за тысячу. Многие из этих торговцев были иностранными подданными, платили сниженный налог и, возможно, пускали в свои заведения женщин. Впрочем, от иностранцев не отставали и местные торговцы сладостями, которые быстро изобрели османскую разновидность пунша, смешивая ром с горячим шербетом [Ortaylı 2007: 248-249]. В это же время получают распространение коньяки и разнообразные коктейли. Начиналось время, которое потом назовут «эпохой бутербродов». Ее первыми гонцами были заведения павильонного типа, т.н. *балоз* (*baloz*). Связанные лишь семантикой названия с «балом», эти заведения, по существу, были игорными домами с торговлей спиртным. Главной особенностью этих заведений было то, что сюда свободно допускали женщин. Балоз считались, да и были, местами злчными и беспокойными, где драки были делом обыденным. Часто, особенно в районах Каракёй и Топхане, балоз открывали на верхних этажах зданий, чтобы посетители могли любоваться видом на порт и быть уверенны в своей безопасности. Уже в 1852 г. правительство вынуждено было издать указ, запрещающий организацию азартных игр, но действенность его не известна.

Стараясь поспеть за новыми временами, сами владельцы мейхане начали постепенно отходить от традиции. С середины 1870-х гг. в мейхане стали появляться европейского типа столики и стулья, которые заменили собой плетеные табуреты с деревянным каркасом, и большие деревянные или медные подносы *сини* (*sini*), которые служили и для сервировки, и одновременно были столешницами, которые устанавливали на невысоких раскладных подставках-столиках.

Ударом по мейхане стало и распространение пива и пивных (*birahane*). Первые пивоварни стали появляться в Османской империи в кон. XIX в., но первое крупное производство в 1902 г. открыли в районе Ферикёй потомственные швейцарские пивовары — братья Бомонти, старшим из которых был Карл. С 1890-х гг. он занимался в Турции пивоварением, наладив выпуск как бутилированного, так и разливного пива, которым торговали в т.н. «пивных садах» (*bira bahçesi*), названных так по аналогии с популярными «чайными садами». Любопытно, что Бомонти рекламировал свою продукцию как первое «живое» пиво, без консервантов (а консервантами пива в те годы была салициловая кислота или просто аспирин). Марка «Бомонти» исчезла в 1938 г., когда в Турецкой Республике была введена госмонополия на производство алкоголя, которая существует и по сей день. Память о Бомонти сохранялась на карте Стамбула в названии небольшого района. Сегодня марка восстановлена компанией «Эфес».

Система цехов была упразднена после младотурецкой революции 1908 г., что привело к небывалому росту числа мейхане, которые разом все стали легальными. Разумеется, это привело к некоторой потере традиций и понижению качества. Мейхане стали все более эволюционировать в сторону кафе и ресторанов с алкогольными напитками.

Но мейхане ждал еще один удар, от которого они уже не смогли оправиться. В начале 1921 г. в Стамбул, оккупированный союзниками, хлынули русские беженцы, они, по общему мнению исследователей, принесли с собой и иные стандарты жизни, включая иную культуру питания и развлечений. Достаточно вспомнить тараканьи бега, клубы игры в лото и моментальные уличные лотереи. Применительно к теме нашего разговора, любопытно, что русские открывали не только свои пекарни и колбасные производства, но и наладили производство спиртных напитков, и прежде всего водки. Цеха «водочных королей России» Крамского, Романенко, Смирнова находились на ул. Тарлабаши, которая параллельна ул. Пера (совр. пр. Истикляль). Русские открыли бессчетное количество ресторанов, варьете, кабаре, кафе, баров, закусовых, рюмочных и харчевен, причём самого широкого ценового диапазона. Естественно, водка в таких заведениях текла рекой в любое время дня и ночи, при полном попустительстве властей. Именно в русских ресторанах и кафе впервые появились официанты-женщины. Именно русское кафе «Петроград» было первым

заведением в Турции, которое легально работало круглосуточно и без перерывов⁶.

В период оккупации, Американское Научное общество (*Amerikan Bilim Heyeti*) провело исследование 257 ресторанов, 31 кафе, где продавали алкоголь, и 471 пивных Стамбула. Выяснилось, что среди их владельцев были представители 18 национальностей. Первую тройку уверенно возглавляли греки (171 ресторан, 26 кафе и 444 пивные), следом шли турки (35 ресторанов и 4 пивные) и армяне (13 ресторанов, 1 кафе и 15 пивных).

В годы Национально освободительной войны запрет на алкоголь действовал на всех территориях, подконтрольных кемалистскому правительству. После освобождения Стамбула, запрет распространился и на весь город. Правда, судя по воспоминаниям современников, запрет соблюдался не слишком строго.

В республиканский период известны случаи запретов на продажу и потребление алкоголя сроком на 24 часа в дни выборов (1946 и 1950 гг.).

Традиционные османские мейхане, пережив все султанские запреты и ограничения, стали постепенно сходить на нет. Особенно это стало заметно в 1950-70 гг. В 1950-е гг. в Турции была введена система разрядов (*sınıf*), в том числе для мест, торгующих алкоголем. Принадлежность к 1, 2 или 3-му разряду определялась качеством обслуживания и еды. Естественно, это сказалось и на контингенте посетителей.

На рубеже XX-XXI вв. мейхане стали модным трендом, особенно в среде «белых воротничков», которые взяли за правило каждую неделю развлекаться в новом, «аутентичном», месте, где можно съесть «что-нибудь этакое» и сделать селфи. Из мест дружеских посиделок (*muhabbet meclisi*) мейхане окончательно превратились в застолья гурманов (*gurme sofraları*).

Конечно, сегодня существуют места, имитирующие интерьеры старых мейхане, но они вряд ли вернут этим заведениям былую атмосферу и популярность, поскольку цены на спиртное, в условиях госмонополии, весьма высоки и постоянно растут. Естественно, посетителей становится меньше, оборот падает, что ещё более взвинчивает цены. В 2015 г. цены на крепкий местный алкоголь варьировались в

⁶ За более содержательной справкой по теме отсылаем к замечательной книге С.Н. Утургаури [Утургаури 2013].

рознице от 94 до 105 лир за литр. В 2016 г. литр раки самой массовой «народной» марки стоил уже 117 лир, цена более изысканных сортов доходила до 125-150 лир. Это при курсе конца 2016 г. — 3.65 лиры за доллар.

Один из гастрокритиков печально написал, что картину, когда отец семейства после работы, чтобы снять стресс, забегает в соседнюю бакалейную лавку выпить рюмку другую и закусить, расстелив газету на столике, можно сегодня увидеть лишь в старых фильмах и на фотографиях легендарного Ара Гюлера. Впрочем, как пишет тот же блогер, снять стресс сегодняшнего дня парой рюмок уже не получится.

Нынешний президент Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган, будучи ещё премьер-министром, горячо поддержал закон об ограничении времени продажи и рекламы алкоголя (2013). Однако, вопреки опасениям, закон не носит запретительного характера, а лишь ограничивает время и место потребления горячительных напитков. Увы, как и всегда, ограничения и дороговизна привели к росту черного рынка контрабандного и контрафактного алкоголя, свидетельств чему несть числа на страницах турецкой прессы.

5. Вечер в мейхане.

Представим себе, как проходил вечер в патентованом мейхане во второй половине XIX в. Вот компания входила в дверь какого-нибудь respectable заведения. Возраст посетителей оценивали визуально, главным признаком были усы, чьи кончики должны были опускаться ниже уголков губ, т.е. 18-20 лет. Мехмед Тевфик, сетуя, что в его время в мейхане стали пускать юнцов 14-15 лет, рассказывает, как безусый мужчина 25 лет, чуть ли не был изгнан из питейных заведений в Тавукпазаре. Новым клиентам желательно было быть на короткой ноге с кем-либо из завсегдатаев, на рекомендацию которого можно сослаться. А ещё лучше, прийти вместе с таким знакомцем. На мраморной стойке у входа уже расставлены рюмки и стопки для раки, стаканы для вина и воды, готовые закуски в небольших плосках или на тарелках. У центрального столба, поддерживавшего потолок, часто стояла открытая бочка с мелкой солёной рыбой, поставившейся с Мальты или греческих островов. В некоторых мейхане на стене за стойкой были расставлены медные кувшины (*ibrik, güğüm*), большие бутылки (*binlik* — ок. 3 л) и прочие сосуды с вином и раки. Когда-то их заменяли высушенные тыквы. Вдоль одной из стен стояли деревянные бочонки (верхний диаметр — ок. 1.5 м) с различными сортами вина и

раки. Сверху в бочонки вставлялась широкая трубка с краном. Когда кран открывали, из бочонка била мощная струя спиртного, как уточняет Кочу, «толщиной с запястье» [Коçу 2015: 31]. Поэтому из бочонков разливали алкоголь не по бокалам, а по деревянным ведеркам, глубоким мискам и кувшинам с широким горлом. На столы напитки подавали в кувшинах с узким горлом и, как правило, с ручкой, т.н. *тестми* (*testi*). В Галате, во времена Абдулхамида II, открылось мейхане, где вместо бочонков использовали большие, выше среднего роста мужчины, глиняные кувшины с узким горлом (*киип*), что и дало название самому заведению «Большекувшинное». Довольно долго оно считалось самым большим и значным из легальных заведений. Популярность заведению добавляло то, что выпивка, очевидно контрафактная, была почти дармовой, плюс рядом находились известные своими шансонетками нестрогих нравов театры-варьете.

На стенах мейхане могли быть развешаны рисунки и автографы посетителей. Кстати говоря, традиция оставлять в любимых заведениях автографы сохранялась довольно долго.

Клиенты у стойки появлялись между послеполуденным и вечерним намазом⁷. Если, выпив пару рюмок, они не желали это афишировать, им предлагались для устранения запаха алкоголя зеленый нут, зерна кофе, ладан, кардамон или гвоздика.

После намаза икинди начинали готовиться к приходу постоянных клиентов. Наполняли кувшины и бутылки, свежие закуски выставляли на стойку. Барба проверял чистоту рюмок, бокалов и стаканов. Согласно ритуалу, сам барба слегка ополаскивал посуду и насухо протирал её белоснежным батистом (*тильбент*). Помещение чисто подметали, подносы-сини отдраивали, паликары и педиму надевали свежую одежду. Большинство известных мейхане поздних времен империи держали в штате известных поваров, главным образом, мастеров по приготовлению рыбных и мясных блюд. Набор основных блюд был, до появления холодильников, достаточно ограничен, правда, готовили их отменно. В ходу была такая поговорка: «Такие мясо на рашпере и мясо тушеное с овощами в горшочке, какие подают в патентованных

⁷ День делился на две половины по 12 часов, отсчет времени следующего дня велся от заката солнца (0 часов). Отсчет второй половины дня шел от полуденного намаза (*ögüle*). Послеполуденный намаз (*икинди*) — ок. 3 часов после полудня — служил сигналом, что пора завершать работу. Молитва вечерняя (*акшам*) совершалась, когда солнце исчезало за горизонтом. И наконец, молитва сна (*ятси*) — через 1-2 часа после захода солнца.

мейхане, не смогут приготовить и повара из богатых особняков» (*Gediklilerin sunduğu külbastı ve etli yaz türlüşünü (güveç) konak aşçıları yapamaz*). Опытные клиенты могли заранее принести продукты, обсудить желаемое блюдо, а в некоторых мейхане даже сами его приготовить. Также можно было приносить свой табак для наргиле и трубок. Кстати говоря, в ходу были индивидуальные трубки с мундштуками для наргиле и кальянов.

Накрытый стол назывался *софра* (*sofra*), обязательными элементами его сервировки были подсвечник с новой свечей и выдолбленная из дерева солонка с солью, как символ удачи и изобилия. Когда все приготовления заканчивались, служка, с розой или гиацинтом за ухом, выходил к дверям заведения, чтобы приветствовать гостей. После того, как за то или иное софра садился первый гость, слуга зажигал от подсвечника в руках барба свечу на столе. Иногда барба сам приносил подсвечник, приветствовал гостя, а служка только зажигал огонь. После сбора гостей барба зажигал большой канделябр в центре зала, как сигнал к общему началу вечера.

В некоторых заведениях столы для особо уважаемых клиентов ставили на невысоком помосте или галерее/балконе (*şirvan* — бук. «логово льва»), куда вела лесенка. Если в мейхане был второй этаж с отдельным входом, там устраивали отдельные кабинеты. Обычно в таких местах собирались местные криминальные и полукриминальные авторитеты. По слухам, в этих «кабинетах» досуг посетителей могли скрасить красавцы и красавицы определенных нравов.

Не всякий человек мог заказать софра для компании друзей. Как говорили, он должен был пользоваться должной репутацией в данном заведении, иметь «тугой кошелек, крепкую руку», а в некоторых случаях и надёжный нож. Большая часть расходов ложилась на организатора вечера, он же обговаривал меню и подавал сигнал к перемене блюд. В круг постоянных клиентов попасть было непросто, к новичку присматривались, его расспрашивали, оценивали его манеры и пр. Если новичок не подходил, ему давали это понять и, так или иначе, выпроваживали.

Когда приближался час закрытия заведения (ок. половины второго — двух часов после полуночи) — сигналом служил намаз ятсы — барба, с учтивостью склоняясь над столом, напоминал о неумолимом ходе времени. Обычно перед закрытием барба приносил последние закуски (бастурма, горячий овечий сыр на сковородке и т.п.) и собирал оплату. Разумеется, клиенты, по крайней мере, их часть, не готовы были

прерывать приятный вечер и засиживались до утра, их так и называли «полуночниками» (*akşamcı*). Как правило, это были проверенные, постоянные клиенты. Рассказывают такой анекдот. Хозяин мейхане, только закрыв заведение, под утро возвращается домой и слышит телефонный звонок⁸. По голосу в трубке узнает постоянного клиента, который спрашивает, когда откроется мейхане. «Побойся бога, я только закрылся, а ты уже рвешься опять прийти». «Я хочу не прийти, а выйти» — отвечает полуночник. В каком-то смысле остаться на ночь в мейхане было безопаснее, чем попасться в руки ночному патрулю. Загулявших прохожих, пойманных на улице, отправляли на растопку общественных бань, а отпускали, не дав умыться, лишь перед утренним намазом. В шутку таких горе-гуляк называли *кюльханбей* (*külhanbey* — бук. «повелитель топки»). Для собраний полуночников в ходу были такие комплементарные эвфемизмы, как «дружеские застолья отшельников/странников» (*kalender muhabbetler*), «собрания утонченных и остроумных» (*zarif insanlar meclisi*) и т.п. Действительно, частыми участниками и гостями таких собраний были поэты, музыканты, исполнители песен под аккомпанемент саза (*sazcı*) и танцовщики, в том числе мужчины, исполняющие женские танцы эротического характера (*köçek, tavşan*). Такая «культурная программа» оплачивалась либо заведением, либо посетителями в складчину. Впрочем, иногда такие расходы брал на себя кто-либо из завсегдатаев для поднятия своего авторитета.

При малейшем сомнении загулявшего бражника настоятельно просили убраться. Хронист Васыф-эфенди (ум. 1806) рассказывает, что офицер военного флота с друзьями хотели остаться в заведении и после урочного часа, их попытались выпроводить, поскольку они не принадлежали к числу завсегдатаев. В драке офицер был убит, а около 30 работников мейхане были повешены.

На случай появления патруля, в мейхане вешали крупный, звонкий колоколец с длинным шнуром. Конец шнура был в руках у служки на улице, который, увидев патруль, подавал знак полуночникам, чтобы те на время притихли. Бывало, дело доходило до драк с блюстителями порядка. Широко известен анекдот, как Бекри Мустафа окунул в бочку с соленой рыбой командира патруля по прозвищу *музсуз* (бук. не-

⁸ Первая телефонная линия появилась в Стамбуле в 1881 г, телефоны стали входить в обиход с 1908 г, а первые телефонные станции появились в 1911 г.

соленый, пресный). Впрочем, универсальным средством примирения была взятка «не видь меня».

6. Некоторые выводы

В Османской империи, как и во всех странах Средиземноморья, т.н. «благодатного пояса виноградной лозы», потребление спиртных напитков выходило далеко за пределы банального удовлетворения потребностей в алкоголе. В статье речь шла в основном о Стамбуле, но, поскольку, османская Турция была государством, особенно применительно к мусульманским регионам, моноцентричным, общие закономерности можно экстраполировать и на другие территории. Разумеется, с некоторой поправкой на местные особенности.

Социальные, эмоциональные и моральные аспекты винопития породили целый круг обычаев и ритуалов, которые со временем сформировали особую субкультуру. Свообразие ей придавало то, что возникла она в полиэтнической, поликонфессиональной стране, где доминировали исламские религиозные установки, не одобрявшие, мягко говоря, потребление алкоголя.

Литература

- Витол 1987 — А. В. Витол. Османская империя (начало XVIII в.). М.: Наука, 1987.
- Утургаури 2013 — С. Н. Утургаури. Белые русские на Босфоре: 1919—1929. М.: МБА, 2013.
- Хмельное и иное 2008 — Хмельное и иное: напитки народов мира. М.: Наука, 2008.
- Alus 1994 — S. M. Alus. İstanbul Yazıları. İst.: İstanbul Büyükşehir Belediyesi Kültür İşleri Dairesi, 1994.
- Eken 2010 — A. Eken. Meyhaneler // İstanbul Ansiklopedisi. İst.: İletişim, 2010. S. 662-663.
- Eremya Çelebi 1988 — Komürcüyan Eremya Çelebi.. İstanbul Tarihi, XVII. Asırda İstanbul. Hrz.: K. Pamukçuyan. İst.: Eren, 1988.
- Evliya Çelebi 2004 — Evliya Çelebi. Günümüz Türkçesiyle Evliya Çelebi Seyahatnamesi: İstanbul. Kitap 1—2. Hrz.: S.A. Kahraman, Y. Dağlı. İst.: İletişim, 2004.
- Koçu 2015 — R. E. Koçu Eski İstanbul'da meyhaneler ve meyhane köçekleri. İst.: Doğan kitap, 2015.
- Lâtîfi 1977 — Lâtîfi. Evsaf-i İstanbul. Hrz.: N. Suner (Pekin). İst.: Baha mtb., 1977.
- Ortaylı 2007 — İ. Ortaylı. İstanbul'dan sayfalar. İst.:Alkim, 2007.
- Tevfik 1991 — Mehmet Tevfik. İstanbul'da bir sene. İst.: YKY, 1991.

A. B. Образцов, A. C. Сулейманова

Zat 2002 — V. Zat. Eski İstanbul Meyhaneleri. İst.: İletişim, 2002.

atemelli — <http://atemelli.blogcu.com/meyhanenin-tarihi/4269128> Дата обращения: 14.03.2017.

evrensel — <https://www.evrensel.net/haber/267442/ayakli-meyhanelerden-masali-meyhanelere> Дата обращения: 14.03.2017.

altinsehiradana — [http://www.altinsehiradana.com/Makale/anadolunun-alkolle-
imtihani/916/](http://www.altinsehiradana.com/Makale/anadolunun-alkolle-imtihani/916/) Дата обращения: 14.03.2017.

Елена Всеволодовна Перехвальская
ИЛИ РАН — СПбГУ, *elenap96@gmail.com*

ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЮЖНОМ САН

Статья представляет собой обзор способов выражения информационной структуры предложения в языке сан-мака (южный сан) (< сан < восточные манде < манде < нигер-конго).

В любом конкретном языке информационная структура передается средствами, относящимися к различным языковым уровням. Взаимосвязь между компонентами прагматики и грамматики в широком смысле является сложной и неоднозначной. Значения, связанные с информационной структурой, выражаются средствами синтаксиса (порядок слов, особые фокусные, контрастивные и др. конструкции); лексики (фокусные и топикальные показатели-частицы), морфологии (употребление различных форм слова в зависимости от его коммуникативного статуса), просодики и фонетики (фонетические изменения, интонация).

Сложность изучения информационной структуры заключается в том, что не всегда просто провести четкую границу между прагматическими значениями и, например, средствами, служащими для создания адекватно понимаемого текста (анафорические единицы, дискурсивные частицы и т.п.). Этим объясняется тот факт, что информационная структура предложения и — шире — текста попала в поле зрения лингвистов сравнительно поздно. Во многих грамматических описаниях конкретных языков раздел об информационной структуре отсутствует, а соответствующие сведения даны в других разделах неполно. К сожалению, нет единства и в области терминологии данного раздела лингвистики.

Впервые информационная структура как особый языковой уровень была выделена в трудах Пражского лингвистического кружка, [Матезиус 1967]; были введены термины «тема» (theme), т. е. исходная составляющая высказывания и «рема» (rheme), новая сообщаемая информация. Сейчас с этими терминами конкурируют появившиеся в англоязычной литературе *topic* и *focus*, *topic* и *comment*, *focus* и *fon* и другие. В российской лингвистике использовались также термины *данное* и *новое*. Однако, как показал У. Чейф, содержание этих последних терминов не полностью совпадает с содержанием терминов *тема* и *рема*: новую информацию может содержать и тема; все предложение целиком может

передавать новую информацию [Чейф 1982: 292]. Это соображение касается и других пар терминов. Они не являются синонимичными. Так, например, пара терминов *focus* и *fon* используется следующим образом: в высказывании выделяется информационное ядро (*focus*), оставшаяся часть предложения рассматривается как *fon*.

Термин *информационная структура предложения* был введен одним из создателей теории функциональной грамматики Майклом Хэллидеем [Halliday 1967-68]; который рассматривал предложение языка, как *domain of three main areas of syntactic choice*: т.е. в рамках каждого предложения говорящий делает выбор в областях «залог» (*transitivity*), «наклонение» (*mood*) и «структура информации» (*theme*).

Т. Гивон предложил рассматривать актуальное членение не как бинарное (с противопоставлением темы и ремы), а как континуум: когда элементы предложения несут различную информационную нагрузку [Givón 1983].

Интересна теория Т. Е. Янко, согласно которой значения, содержащиеся внутри одного речевого акта, разделяются на конституирующие / не-конституирующие и модифицирующие. Конституирующими являются элементы высказывания, формирующие его как речевой акт определенного типа (утверждение, вопрос и т.п.). Не-конституирующие элементы служат основанием для старта речевого акта (собственно, *тема*) [Янко 2001].

С конституирующими и не-конституирующими элементами высказывания сочетаются модифицирующие коммуникативные значения. К числу модифицирующих значений относятся *контраст* и *эмфаза*. Контраст связан с идеей выбора на фоне некоего множества, это сопоставление или противопоставление. Эмфаза служит для выражения чувств по поводу передаваемой информации [Янко 2001]. Теория Т.Е. Янко позволяет определить понятия *контрастивная тема* и *контрастивный фокус*, *эмфатическое выделение* и т.п.

В статье М. Крифки «Основные понятия информационной структуры» [Krifka 2008] была предпринята попытка внести ясность в хитросплетение терминов, связанных с информационной структурой. Он рассмотрел такие основные понятия как *focus*, *topic*, *givenness*, *contrast*; соотношение терминов *presupposition*, *common ground*, *content*. Он показал, например, что под термином «фокус» могут скрываться как прагматические, так и чисто семантические единицы. С момента выхода данной работы прошло около 10 лет, но ситуация с терминологией данной области лингвистики не прояснилась.

Вследствие отсутствия единообразного терминологического аппарата я привожу термины, которые буду использовать в данной работе.

Топик — то, о чем сообщается, отправная точка.

Фокус — то, что сообщается.

Контрастивный топик — тема сообщения, на которой акцентируется внимание: это либо напоминания о теме высказывания, либо переход к новой теме.

Контрастивный фокус — новая информация, которая корректирует ожидания слушателя.

Топикализация — вынесение члена предложения, выражающего тему, в крайнюю левую позицию.

Фокализация — формальное выделение фокуса

В языках мира для передачи значений, связанных с информационной структурой, используются средства различных языковых уровней, при том каждый конкретный язык пользуется этими средствами в неодинаковой степени; так, в английском языке велика роль интонации в передаче тема-рематической структуры; в русском языке, помимо интонации, важную роль играет порядок слов, и т. п.

В языках манде, к восточной группе юго-восточной ветви которых относится язык южный сан (или сан-мака), возможности использования как порядка слов, так и фразовой интонации ограничены. Информационная структура предложения передается следующими способами:

1. Морфосинтаксический: наличие конструкций со связками *nā / ĩ* или *tá / á*, вторая из которых кодирует информацию, новую для слушателя.

2. Синтаксический: клефт предложения, местоименная реприза.

3. Лексико-синтаксический: конструкции с фокализацией глагола.

4. Лексический: употребление артикля и детерминантов.

Морфосинтаксический уровень

В сан-мака имеются две связки положительной полярности, которые сочетаются с имперфективной формой глагола¹: *tá / á* and *nā / ĩ* (*màĭ*) в качестве предикативных показателей².

¹ В сан-мака глагол имеет три морфологические формы: нейтральную, имперфективную и перфективную, ср.: «приходить»: нейтр. *dāā*; перф. *dāà*; имперф. *dīē*.

² Распределение вариантов таково: полная форма данных связок появляется после носового *-ŋ*, в остальных фонетических контекстах используется краткая

Интерпретация конструкций с этими связками была неоднозначной. Примеры, полученные путем перевода предложений, допускают различные толкования. Отдельные фразы, например, пословицы, также не проясняют ситуацию.

Исследователи языка сан-мака, Сюзи Платель [Platiel 1974] и Моиз Паре [Paré 1998] высказывали весьма различные мнения по поводу употребления данных форм. Платель сопоставила *tá / á* and *nā / ĩ* со связками испанского языка *ser* и *estar*. В результате она приписывает связкам языка сан те же значения, которые характеризуют эти две связки испанского: «... /tá/ переводится как «ser». Эта форма предпочтительнее второй во всех случаях, когда необходимо высказать утверждение о качестве, состоянии, событии или ситуации, которые представляются незыблемыми... Предикат, имеющий полную форму /nē/, в противоположность рассмотренному, соответствует «estar» и позиционирует событие, вводя понятие относительности, одновременно темпоральной и пространственной» [Platiel 1974: 570-571]. Таким образом, с точки зрения Платель, имперфективные конструкции сан-мака противопоставлены по тому, передают ли они постоянные или временные характеристики свойств, качеств, ситуаций. К сожалению, автор не приводит примеров, которые подтвердили бы эту гипотезу. Приведены лишь краткие фразы, относительно которых автор пишет: «Во всех процитированных выше примерах /á/ может быть заменено на /~³/; французский перевод не может передать их смыслового различия» [Platiel 1974: 571].

М. Паре предложил аспектуальную трактовку противопоставления двух квази-синонимичных конструкций: как противопоставление прогрессива и хабитуалиса. Он приписывает хабитуальное значение конструкциям с *tá / á*, и прогрессивное — конструкциям с *nā / ĩ* [Paré 1998: 37, 47]. Однако далее он пишет: «вторичным значением предикатива *tá* является значение прогрессива. Здесь процесс представляется в стадии реализации в момент высказывания...» [Paré, 1998: 61]. В то же время о связке *nā / ĩ* говорится: «в дополнение к значению прогрессива *ĩ* также используется для выражения постоянных истин или мнений» [Paré 1998: 63]. Таким образом, существует неопределенность в распределении аспектуальных значений между двумя конструкциями: обеим припи-

форма; связка *nā / ĩ* имеет особую форму для 3 л. мн. ч. *màñ*, появление этого варианта не зависит от фонетического контекста.

³ /-~/ так в работе Платель передается носовой гласный *ĩ*.

сывается как значение прогрессива, так и хабитуалиса (который включает также «вечные истины и мнения»).

Ср. примеры (1) и (2), где передается значение прогрессива:

- (1) *L̄5-ḡ* *lè-ḡ* *tá* *bòé* *sḡḡ̄*.
женщина-PL ART.PL IPFV.NEW коза продавать.IPFV
‘Женщины продают козу (сейчас)’.
- (2) *Mā* *ḡ* *wù* *bḡ* *sísìà*.
1SG IPFV тоо есть-IPFV сейчас
‘Я сейчас ем тоо’.

Следующие примеры демонстрируют выражением обеими конструкциями хабитуального значения (3-4), в том числе значения «вечной истины» (5-6):

- (3) *L̄5* *lè* *ḡ* *bòé-ḡ* *sḡḡ̄*.
женщина ART IPFV коза-PL продавать.PFV
‘Эта женщина продает коз’.
- (4) *ḡ* *tá* *mú* *bḡ* *dḡḡ̄*.
2SG IPFV.NEW вода бежать.PFV знать.IPFV
‘Ты умешь плавать’.
- (5) *L̄5* *sōḡbōrē* *ḡ* *sūmū* *kòè*.
женщина хороший IPFV двор класть.IPFV
‘Хорошая женщина ухаживает за своим двором’ (Syllabaire 1: 16).
- (6) *L̄5* *á* *gòḡnóḡ* *zìzìḡ*.
рот IPFV.NEW тело портить.IPFV
‘Рот вредит телу’ (пословица “слова могут ранить”).

Как показало проведенное мною исследование, указанные квази-синонимические конструкции различаются тем, что выражают различные прагматические намерения говорящего. В отличие от конструкций с *n̄5 / ḡ*, передающих «общее положение дел», конструкции с показателем *tá* кодируют информацию, которая, как предполагает говорящий, является новой для слушающего⁴, ср.:

- (7) *Bòé* *ḡ* *būū* *sḡḡ̄*.
коза IPFV трава есть.IPFV
‘Коза ест траву (общая информация о поведении козы)’.
- (8) *Bòé* *tá* *būū* *sḡḡ̄*.
коза IPFV.NEW трава есть.IPFV

⁴Этот факт был замечен Моизом Паре, который, однако, не счел его основополагающим (Pagé 1998: 61).

‘Коза ест траву!’ (предполагается, что слушающий об этом не знает)’.

Пример (7) – это констатация общеизвестного факта, а (8) может, например, быть ответом на вопрос, ест ли коза траву.

Выбор между имперфективными предикативными показателями *nā/ḡ/màḡ* или *tá/á* отражает прагматические намерения говорящего. Так, если в (9) и лишь констатируется факт, то в (10) информация подается как новая.

(9) *ḡ nā tóó-ḡ kúú bè ḡ nā*
 3PL IPFV животное-PL хватать.IPFV когда 3PL IPFV
ḡ sḡ
 3PL жевать.NTR

‘Они (дикие звери) нападают на домашних животных и загрызают их’ (Syllabaire 2: 19).

(10) *ḡ tá à gúú kōē nē*
 3PL IPFV.NEW 3SG яйцо давать.IPFV ребенок
nāāḡ-nā lā.
 ребенок-PL на

‘Они дают эти яйца (калао) детям’ (Syllabaire 2: 13).

В (10) фраза как бы предвосхищает вопрос: «А что делают с яйцами калао?»

В неглагольных предложениях связки *nā/ḡ/màḡ* или *tá/á* имеют сходное прагматическое значение: в (6а) и (7а) сообщается некий факт; в (6b) и (7b) эти факты подаются как новая, неизвестная, возможно, неожиданная для слушающего информация:

(6a) *Kiéḡlé màḡ kóó dúdúú.*
 дверь 3PL.COP открыт всегда
 ‘Двери всегда открыты.’

(6b) *Kiéḡlé kè á kóó sísíà.*
 дверь этот COP.NEW открыт сейчас
 ‘(Смотри), эта дверь сейчас открыта!’.

(7a) *Témāā mí ḡ bú sú díè.*
 дым пить.NMLZ IPFV болезнь класть.IPFV
 ‘Дышать дымом вредно’.

(7b) *Témāā mí á bú sú díè.*
 дым пить.NMLZ IPFV.NEW болезнь класть.IPFV
 ‘(Знаешь ли ты, что) дышать дымом вредно’.

Синтаксический уровень

Клефт-предложения

Стратегия построения клефт-предложений состоит в вынесении выделяемого элемента влево «за пределы» предложения. Вынесенный элемент оформляется связкой идентификации $n\bar{e} / n\bar{e} / n\bar{t}^5$ и формально представляет собой неглагольную клаузу. При этом в исходном предложении вынесенный элемент заменяется соответствующим местоименным или адвербиальным элементом.

С семантической точки зрения клефт-предложения могут служить как средством (контрастивной) топикализации (8), так и фокализации (9):

- (8) *Ká ò tēŋ nē, màŋ dē*
и 3PL некоторый ICOP 3PL.IPFV приходить- IPFV
ká káŋ nē.
COMIT калао в

‘А некоторые приносят калао’ (Syllabaire 2, 13).

- (9) (*Wáá nā ŋ pìì?*) *Rōbà nē, má pìì.*
платье ICOP 1SG/H покупать.PFV
‘(Ты что купила?) Я купила платье’.

В очерке глагольной морфологии сан М. Паре указывает для клефт-предложений только функцию фокализации, рассматривая связку идентификации как показатель фокуса [Paré 1998 : 80-81]. Действительно, как и в некоторых других языках манде, связка идентификации в сан-мака материально сходна с показателем фокуса и, возможно, восходит к нему этимологически. Однако, как показывают примеры типа (8), речь идет скорее о прагматическом выделении одного из элементов предложения, это может быть как фокус (рема, новая информация), так и топик (тема).

В клефт могут выноситься все члены предложения, за исключением глагольной группы. См. примеры с вынесением влево подлежащего (10), прямого дополнения (11), обстоятельства (12):

- (10) *Kā-ā giārà-ŋ mānè, ná dāā*
2PI-POSS друг-PL ICOP.PL 3PL/H приходить.PFV

⁵ Выбор варианта зависит от фонетического контекста слева; в этом случае действует правило сингармонизма гласных по открытости / закрытости: вариант $n\bar{e}$ появляется после /a/, /ɔ/, /ɛ/, /ə/; вариант $n\bar{e}$ — после /o/, /e/; вариант $n\bar{t}$ — после /i/, /u/.

- gā kā lì.*
 смотреть 2PL у
 ‘(Кто нас искал?) Вас приходили искать ваши друзья’ [Paré 1998: 83].
- (11) *Wù láányká sī nī má ñ pìì gúnú.*
 тоо и мясо ICOP 1SG/H 3PL купить-PFV вчера
 ‘Вчера я купил тоо с мясом’ [Paré 1998: 82].
- (12) *Tèlò nī, dúndún lé gā.*
 ночью ICOP осёл ART/H умереть.PFV
 ‘Осёл околел ночью’ [Paré 1998: 82].

Если в клефт выносятся личное местоимение, оно принимает эмфатическую форму⁶, при этом оно дублируется *in situ*:

- (13) *Mā-sé nē, á mā jē.*
 1SG-EMPH ICOP 3SG/H 1SG видеть.PFV
 ‘Он видел вчера меня’ [Paré 1998: 82].

При отрицании используется отрицательная связка *bīè* (с общим показателем отрицания частицей *wā*, занимающей позицию в конце предложения):

- (14) *Mā-sé bīè, á mā jē wā.*
 1SG-EMPH COP.NEG 3SG/H 1SG видеть.PFV NEG
 ‘Он видел вчера не меня’ [Paré 1998: 86].

Местоименная реприза

Местоименная реприза передает только топикальное значение и выделяет лишь подлежащее (15):

- (15a) *Mà dī-ñ lé-ñ màñ ná kāà ñ*
 мол бык-PL ART-PL 3PL PFV падать.PFV 2SG
dó ā wuru-n?
 такой.же POSS поле-в
 ‘Эти вот быки, они, видимо, забрались также и к тебе на поле?’

Отличием местоименной репризы от клефт-предложений является то, что выносимый влево элемент (всегда подлежащее) не оформляется связкой идентификации и, следовательно, не представляет собой фор-

⁶Эмфатические местоимения образуются от базовых прибавлением показателя (суффикса) *-sé* и показателя множественности *-ñ* для местоимений мн. ч.: *mā* ‘я’ → *mā-sé* ‘я (EMPH)’, *wā* ‘мы’ → *wā-sé-ñ* ‘мы (EMPH)’

мально связочного предложения. Эта конструкция скорее напоминает конструкции с МПП в некоторых языках манде.

Топикализованный элемент может маркироваться несколькими детерминативами:

- (15b) *Mà dī-ŋ ké-ŋ lé-ŋ màŋ*
 мол бык-PL этот-PL ART-PL 3PL.IPFV
bóé à-sé wùrú-n sísíà.
 вернуться_из.IPFV 3SG-EMPH поле-в сейчас
 ‘Эти самые быки, видно, идут с другого поля’.

Лексико-синтаксический уровень

Конструкция фокализации глагольной группы (контрастивный фокус) является довольно неожиданной и осуществляется при помощи частицы *ŋ / māŋ* (3PL), которая следует за подлежащим. Алломорф *ŋ* является клитикой и не несет тона.

По форме данная конструкция во многом сходна с клефт-предложением, ср. в (16a) исходное предложение, (16b) клефт с фокализацией подлежащего; (16c) то же предложение с фокализацией глагольной группы:

- (16a) *L̄5 lé wù bōsò.*
 женщина ART/H тоо готовить.PFV
 ‘Женщина приготовила тоо’.
- (16b) *L̄5 lè nē á wù bōsò.*
 женщина ART ICOP 3SG.PFV тоо готовить.PFV
 ‘Именно эта **женщина** приготовила тоо’.
- (16c) *L̄5 lè-ŋ á wù bōsò.*
 женщина ART-FOC 3SG.PFV тоо готовить.PFV
 ‘Женщина **приготовила тоо** (а не спала, например)’.

Различие между клефт-предложениями с выделением подлежащего и конструкциями с фокализацией глагола заключается, в первую очередь, в том, что в клефт-предложениях выступает связка идентификации *nē / nē / nī*, а в данных конструкциях используется фокусный показатель *ŋ / māŋ*. Также, если подлежащим является личное местоимение, то в конструкции фокализации глагольной группы оно выступает в обычной, а не в эмпатической форме, см. (17b), как это происходит при фокализации подлежащего (17c):

- (17a) *Má bīī k̄s̄s̄ wūrū gī.*
1SG/H трава обрабатывать.PFV поле позавчера.
'Позавчера я работал в поле'.
- (17b) *Māsé nē má bīī k̄s̄s̄ wūrū*
1SG.EMPH ICOP 1SG/H трава обрабатывать.PFV поле
gī.
позавчера.
'Позавчера в поле работал я'.
- (17c) *Mā-ŋ má bīī k̄s̄s̄ wūrū*
1SG-FOC 1SG/H трава обрабатывать.PFV поле
gī.
позавчера.
'Позавчера я **работал в поле** (а не отдыхал, например)'.

С семантической точки зрения данные конструкции выражают контрастивный фокус, связанный с противопоставлением указанного действия каким-то другим возможным действиям, иногда с коррекцией ожиданий слушающего.

Лексический уровень

Здесь речь пойдет об употреблении артикля *lè* и других детерминативов: постпозитивных *kè* 'этот', *w̄* 'что касается', *d̄* 'который также'⁷.

Детерминативы представляют собой закрытый класс слов, который выделяется на следующем основании: при образовании множественного числа показатель множественности повторяется при существительном и при каждом из постпозитивных детерминативов:

- (18) *l̄-ŋ k̄-ŋ l̄-ŋ*
женщина-PL этот-PL ART-PL
'вот эти женщины'.

Прилагательные ведут себя иначе: показатель множественности в ИГ появляется лишь на прилагательных:

- (19) *mī gólé-ŋ zīzī-ŋ bārā-ŋ*
человек большой-PL старый-PL злой-PL
'большие, старые и злые люди'.

⁷ Переводы приблизительные.

Для сан верно то, что артикль служит не столько анафорическим средством или маркером именной группы, как, скажем, в английском языке, сколько прагматическим средством, указывающим на известную говорящим информацию (см. [Aboh 2015: 178-179]). Это делает возможным 1) употребление существительных без артикля (информация не является известной); 2) употребление артикля вместе с другим детерминантом (20), в том числе с личными местоимениями (21).

(20) *bɛ̀à zàtmā̃n kɛ̀ lɛ̀*
 этот толпа этот ART
 ‘вот эта толпа’;

(21) *Mā l̄ l̄, à bàrà kɛ̀ lɛ̀, à màj̄_bī*
 1SG жена ART 3SG злой DET ART 3SG пища
kō wō lā wā.
 давать.PFV 1PL на NEG
 ‘Моя жена, эта злока, не дала нам поесть’ [Platiel 1974: 540-541].

С точки зрения информационной структуры детерминативы (включая артикль) чаще всего являются средствами топикализации (не контрастной) (22), в том числе в вопросительных предложениях (23).

(22) *Gàŋ lɛ̀ ná ĩ s̄.*
 цесарка ART PFV REFL продавать.PFV
 ‘(Эта) цесарка продана (продалась)’.

(23) *Gàŋ-ná lɛ̀-ĭ ná m̄à?*
 цесарка-PL ART-PL PFV где?
 ‘Где цесарки?’

Детерминант *wō* вводит новую или подчеркивает уже имеющуюся тему:

24 *L̄ gōŋ sí wō pàj̄lì: ḡ*
 женщина рука брать что.о рядом мужчина
dóámáá nē à nēj̄ēē gōŋ sí.
 необходимость ICOP 3SG девушка рука брать
 ‘Что касается калыма, мужчина должен платить за девушку’.

В (24) контрастивный топик подчеркивается наречным элементом *pàj̄lì* ‘рядом’. В данном случае речь идет о зачине рассказа, темой которого является традиционная система платы за невесту.

Детерминант *d̄* сигнализирует о смене темы: указывает на то, что внимание переносится на другой предмет:

- 25 *l̄ō dō ā lō á siini?*
 2SG также POSS женщина IPFV.NEW хороший
 ‘(Ну, а что касается тебя,) твоя жена как поживает?’
- 26 *Mòòsésé-ŋ dó-ŋ yīrī yé á nàŋ*
 моси-PL также-PL ум видеть/Н 3SG.PFV шрам
sáá ŋ nò kīē ŋ dīŋní gānàà
 брат/Н 3PL PFV писать-PFV 3PL же-PL на
 ‘Моси же также догадались и стали делать скарификацию на
 своих лицах’.

Сочетание различных элементов

В реальных текстах используются все перечисленные способы выражения информационной структуры, которые часто встречаются в рамках одного предложения и таким образом обеспечивают весьма сложную информационную конфигурацию, отражающую прагматические намерения говорящего.

Вот несколько примеров.

(27): Топикализация + контрастивный фокус на фазовом глаголе:

- (27) *Gū lè-ŋ á à gīálā kō*
 мужчина ART-FOC 3SG/Н 3SG начало давать.PFV
séwò píí.
 бумага сказать.IPFV
 ‘(Этот) мужчина еще только начал читать документ’.

(28) Контрастивный топик + фокус на глаголе:

- (28) *Bè á yù mēŋ pínàà māsé*
 когда 3SG/Н разбить-PFV какой день 1SG.EMPH
wɔ-ŋ á nà.
 что_о.FOC 3SG/Н кончать-PFV
 ‘В тот день, когда он (фетиш) разобьется, то, что касается меня,
 все *кончено*’.

Список сокращений

1 – 1 лицо	NEG – отрицание
2 – 2 лицо	NEW – новая информация
3 – 3 лицо	NMLZ – номинализованная форма
ART – артикль	NTR – нейтральная форма
COMIT – комитатив	NUM – числительное
COP – связка	PI – множественное число
DEM – демонстратив	POSS – посессивный показатель
EMPH – эмфатическое местоимение	PFV – перфектив
H – высокий тон	RECP – реципрок
ICOP – связка идентификации	REFL – рефлексив
IMP – императив	Sg – единственное число
IPFV – имперфектив	MPP – местоименный
L – низкий тон	предикативный показатель

Литература

- Матезиус 1967 — В. Матезиус. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М.
- Чейф 1982 — У. Чейф. Данное, контрастивность, определённость, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Ред. Н. Н. Попов. М. С. 277-317.
- Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры.
- Aboh 2015 — E. O. Aboh. The Emergence of Hybrid Grammars. Language Contact and Change. Cambridge University Press.
- Givón 1983 — T. Givón. Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-language Study // Typological studies in language. V.3. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamin's Publishing.
- Halliday 1967-1968. — M. Halliday. Notes on Transitivity and Theme in English, Parts 1–3 // Journal of Linguistics 3(1), pp. 37–81; 3(2), pp. 199–244; 4(2), pp. 179–215.
- Syllabaire 2003 — Ka daa wo San sewe pe. 1-2. Syllabaire en langue San (1-2). Ouagadougou: ANTBA.
- Krifka 2008 — M. Krifka. Basic Notions of Information Structure. <https://pdfs.semanticscholar.org/f44e/cb14e11d7d48807307658217f137d63a94bd.pdf>
- Paré 1998 — M. Paré. L'énoncé verbal en san (parler de Yaba). Mémoire de maîtrise. Université de Ouagadougou.
- Paré 1999 — M. Paré. Derivation, composition et syntagmes nominaux en san (parler de Yaba). Rapport de D.E.A. Université d'Ouagadougou.
- Platiel 1974 — S. Platiel. Description du parler samo de Toma, Haute-Volta. Phonologie, syntaxe. Thèse pour le doctorat d'Etat.

Константин Игоревич Поздняков
INALCO — LLACAN, *pozdniaikov@free.fr*

СЛАВЯНСКИЕ СЧЕТНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ НА ФОНЕ БАНТУСКИХ ИМЕННЫХ КЛАССОВ

В чем состоит принципиальная разница (если она есть) между формальной подстройкой слов *дво-й-н-яш-к-и* ~ *тро-й-н-яш-к-и* в русском языке и *á-fàlè* ‘2’ ~ *á-tálè* ‘3’ в языке ичеве (семья бантоидных языков)?

В этой статье я хочу вновь обратиться к большой теме, которую можно сформулировать, в частности, так: какие стратегии использует язык для того, чтобы интегрировать отдельные знаки в парадигму знаков, а также интегрировать отдельные парадигмы в систему парадигм? Самые разнообразные аспекты этой темы мы много лет обсуждаем А. Ю. Желтовым, и в данной статье мне хотелось бы добавить к ней новые штрихи. Подробное обсуждение принятой здесь концепции представлено, в частности, в [Поздняков 2009] и [Желтов 2008]. Предельно кратко обозначу ее основные постулаты.

Наиболее изученная техника интеграции членов парадигмы — это нейтрализация. Это лишь одна из трех основных функций нейтрализации.

Во-первых, нейтрализация, как известно, позволяет сформировать оппозицию, провести грань между различием (все знаки различны) и противопоставлением, то есть выделить из огромного мира различающихся знаков минимум два знака, которые, различаясь в одном контексте, не различаются в другом: в русском языке или в языке волоф /p/ и /b/ в начале слова (контекст различения, сильный контекст) ~ [p] в конце слова (контекст нейтрализации, слабый контекст); в русском языке в оппозиции по роду SG (контекст различения) ~ PL (контекст нейтрализации).

Во-вторых, нейтрализация играет креативную роль в создании новых категорий. Рассмотрим бантуский пример. В прабанту (PB) реконструируются, в частности, следующие формы в ед.ч. и во мн.ч. для ‘человек’ и ‘животное’:

PB: SG **mɔ-ntò* (CL1) / PL **ba-ntò* (CL2) ‘человек’ (зоны ABCDEFGHJKLMNPRS)

PB: SG **n-tító* (CL9) / **n-tító* (CL10) ‘животное’ (зоны ABCHKLR).

В языке мвеса (Mwesa, B20) эти формы дали соответственно:

mùtù (CL1) / *bòtù* (CL2) ‘человек’
títù (CL9) / *bàtítù* (CL2) ‘животное’.

Что произошло? В языке мвеса изменился класс множественного числа в названиях животных. Вместо специального праязыкового класса (CL10) для животных стал использоваться класс для людей (CL2). Появилась нейтрализация классов людей и животных, и, соответственно, сформировалась их оппозиция, в которой SG — сильный контекст, а PL — слабый контекст. Но одновременно с этим произошла кристаллизация нового категориального значения, которое, вероятно, не сигнализировалось в прабанту: благодаря технике нейтрализации оформился плюралный класс для живых существ (люди + животные).

В-третьих (и это главное для интересующего нас здесь сюжета), нейтрализация позволяет выделять группы членов в парадигме и противопоставлять их другим группам / членам, то есть переходить от простых линейных структур к сложным, иерархическим.

В русском склонении нейтрализуются именительный (И) и винительный (В) падежи (И *стол* = В *стол*), и тем самым прямые падежи противопоставляются косвенным (нулевое окончание противопоставляется ненулевому). Понятно, что нельзя в парадигме нейтрализовать все оппозиции — парадигма исчезнет. Но можно в одной парадигме нейтрализовать одни оппозиции, а в смежной парадигме — другие. Именно так очень часто и поступают языки. Если, например, в неодушевленных **существительных мужского рода** нейтрализуются прямые падежи (И = В), то в **прилагательных женского рода** нейтрализуются все косвенные падежи (Р = П = Д = Т¹ *зл-ой*, но И *зл-ая*, В *зл-ую*). Наконец, в склонении мужского рода для **одушевленных** имен нейтрализуется оппозиция прямых и косвенных падежей (В = Р *замечательн-ого суахилист-а*). Благодаря такого рода каскадам нейтрализаций, стремящихся к дополнительному распределению в смежных парадигмах, происходит не только формирование оппозиций, а также называние новых смыслов, но и интеграция элементов в сложные системы.

При всей элегантности разнообразного использования нейтрализаций, нельзя не признать, что эта техника предельно «агрессивна», и за них языку приходится дорого платить: там, где оппозиции нейтрализуются, теряется различительная сила знаков. Может быть, поэтому многие языки широко используют другую (менее радикаль-

¹ Р — родительный, П — предложный, Д — дательный, Т — творительный падежи.

ную) технику сигнализации сходства двух различных знаков: формирование «субморфов» или «парадигматических», «внеморфемных» знаков².

Рассмотрим отдельные местоименные парадигмы в двух различных языках: во французском языке (поссесивная парадигма) и в языке эдо (субъектная парадигма) (Табл. 1)

Таблица 1

	французский			эдо	
	SG	PL		SG	PL
1	mon	mes	1	(i)mɛ	(i)mà
2	ton	tes	2	(u)wɛ	(ù)wà
3	son	ses	3	irɛ	írà

В обоих языках все формы различаются, то есть нейтрализации нет. Но для морфологического описания форм в обоих случаях явно недостаточно остановиться на выделении шести морфем. Французские формы в парадигме «рифмуются» — как по горизонтали, так и по вертикали (*mon — mes, ton — tes; mon — ton, ton — son*). Любые соседние формы фонетически образуют минимальную пару: [tɔ̃] ~ [sɔ̃], [tɛ] ~ [sɛ]. Приведенные морфемы по лингвистической науке не членятся на значимые сегменты, но вполне ясно, что, пользуясь термином Романа Якобсона, [m] является «приметой» первого лица, [t] — второго, [s] — третьего; [ɔ̃] — «примета» единственного числа, [ɛ] — множественного. Благодаря унификации отдельных сегментов в формах сигнализируется сходство форм без разрушения различия между ними.

В языке эдо (Бенуэ-Конго) ситуация очень похожа: не только все сегменты форм, но и тоны, а также структуры форм задействованы в сигнализации сходств, нужных парадигме: 1) [m] маркирует первое лицо, [w] — второе, сегмент [ir] — третье, 2) [ɛ] ассоциируется со значением единственного числа, а [a] — множественного, 3) множественное число имеет и тоновый маркер: низкий тон 4) наконец, структура CV характерна для локуторов (лица 1-2), а структура с начальным гласным — не-локуторов (лицо 3).

В обоих примерах (а их легко дополнить сотнями других) морфемы, обозначающие ту или иную категорию (числа, локутора, лица), продол-

² Эти малоизученных и не вполне теоретически осмысленные знаки подробно рассматриваются, в частности, в [Поздняков 2009].

жают различаться, в отличие от случаев нейтрализации, но при этом приобретают формальное сходство. Если нейтрализация предполагает полную унификацию форм, то субморфы предполагают их частичную унификацию, выполняя сходную функцию группировки, но менее радикальными средствами.

Оба выделенные типа унификации, как правило, формируются в диахронии в результате нерегулярных фонетических изменений по аналогии. Так, в классическом примере, в числительном '9' начальный индоевропейский **n-* дал нерегулярный рефлекс в языке балто-славянской группы: **n-* перешло в *d-* (русск. *девять* вместо ожидаемого **невять*) по аналогии с числительным '10' (русск. *десять*). В результате сформировалась минимальная пара *девять* ~ *десять*, и таким образом был сформирован своеобразный «класс предельных числительных» первого десятка.

Теперь мы можем перейти к основному вопросу, который рассматривается в данной статье: может ли язык группировать члены парадигмы, не прибегая к изменению самих форм (полному или частичному)? Да, может, и часто это делает. Несколько форм можно сгруппировать, если, не меняя их, поставить рядом с ними какой-либо дополнительный маркер, а рядом с другими формами — поставить другой маркер.

Попробуем представить, как бы мог язык выделить, например, все губные согласные, противопоставив их согласным остальных локальных рядов. Это возможно, если в одном из контекстов язык использует дополнительный формальный маркер, который будет присоединяться к каждому губному согласному и не будет присоединяться ни к дентальным, ни к велярным согласным. Именно такая стратегия сформировалась в современном русском языке (для носителей языка и для нас неважно, каким образом она сформировалась). Рассмотрим два ряда форм в парадигмах будущего времени первого лица: *куп-л-ю, проруб-л-ю, разграф-л-ю, вылов-л-ю, отлом-л-ю* (конечный губной согласный основы) ~ *прикач-у (прикатить), провож-у (проводить), попрос-у (попросить), пониж-у (понижить), сохран-ю, посол-ю, отговор-ю* (конечный дентальный согласный исходной основы — с чередованиями в группе шумных). Мы не изменили конечные губные звуки — мы просто добавили к ним дополнительный маркер [л], который и группирует в современном языке губные согласные, противопоставляя их всем остальным.

Как эта техника (наименее агрессивная из всех перечисленных) реализуется в морфемных парадигмах? Этот вопрос и рассматривается

здесь на примере отдельных парадигм числительных в славянских языках в их сопоставлении с числительными банту.

Рассмотрим числительные первого десятка языка тетела (банту, С.80), см. Табл. 2.

Таблица 2. Числительные ‘1’ — ‘10’ в тетела

1	ó-tóy	6	a-samále
2	ha-énde	7	e-sambééle
3	ha-sátu	8	e-náánéyi
4	a-néy	9	dí-vwá
5	a-tánu	10	dí-kumi

При счете числительные в тетела, как и в большинстве нигеро-конголезских языков, употребляются в именной функции и имеют префиксы именных классов. В некоторых языках все числительные имеют одинаковый префикс и относятся к единому классу. В большинстве же языков банту и — шире — нигеро-конголезских языков в первой десятке числительных мы встречаем, как и в тетела, несколько разных префиксов. Отметим, что приведенный перечень классов в числительных тетела неполон. Так, в числительном *lo-kámá* ‘100’ отмечен префикс *lo-* класса 11, который не встречается в первой десятке. Бессмысленно искать мотивацию отнесения того или иного числительного к классу в «общей» семантике именных классов. Так, семантика класса *dí-* (класс 5), как ее определяют учебники («класс мелких круглых предметов»), очевидным образом никак не связана с семантикой числительных ‘9’ и ‘10’. К тому же, в других языках банту числительные часто сгруппированы иначе. Так, в гитонга (Gitonga, S.60) к классу 5 (*li-*) относятся числительные ‘5’—‘10’: *li-v-bàndré* ‘5’ etc. Обзор двух сотен бантуских систем, для которых источники указывают именные классы, используемые при счете, представлен в [Поздняков 2015]. В целом этот обзор показывает, что не столь важно, какие именно классы оформляют то или иное числительное — важно, какие группы числительных оформляются, благодаря их сочетанию с маркером общего для них класса.

В тетела мы видим формирование нескольких таких групп: 2—3 (класс *ha-*), 4—6 (*a-*), 7—8 (*e-*), 9—10 (*dí-*). Числительное ‘1’ не группируется ни с одним другим, оставаясь в парадигме изолированным (класс *ó-*). Насколько экзотической является парадигма с такими группировками? Сопоставим ее с парадигмами числительных в славянских

языках. Будем ориентироваться на существительные, образованные от числительных, с тем, чтобы сблизить грамматические контексты сопоставляемых парадигм (Таблица 3).

Таблица 3

	тетела	чешский	болгарский	украинский	русский
1	ó -təy	jedn-ot-k-a	един-иц-а	один-иц-я	един-иц-а
2	ha -énde	dv-oj-k-a	дв-ой-к-а	дв-ій-к-а	дв-ой-к-а
3	ha -sátu	tr-oj-k-a	тр-ой-к-а	тр-ій-к-а	тр-ой-к-а
4	a -něy	čtyř-k-a	четвор-к-а	чєтвір-к-а	четвер-к-а
5	a -tánu	pět-k-a	пет-иц-а	п'ят-ір-к-а	пят-ер-к-а
6	a -samále	šest-k-a	шест-иц-а	шіст-к-а	шест-ер-к-а
7	e -sambéélé	sedm-ič-k-a	седм-иц-а	сім-к-а	сем-ер-к-а
8	e -náányi	osm-ič-k-a	осм-иц-а	вісім-к-а	восьм-ер-к-а
9	di -vwá	devít-k-a	девет-к-а	дев'ят-к-а	девят-к-а
10	dí -kumi	desít-k-a	десет-к-а	десят-к-а	десят-к-а

В чем отличия приведенных славянских форм от бантуских? Прежде всего, в наличии/отсутствии согласования: маркер *ha-* в существительных '2'—'3' тетела предполагает согласование по классу, а славянский суффикс *-oj* — нет. Но морфо-синтаксические свойства форм не важны для изучения маркирования группировок числительных в парадигме. Нам важно, что, например, в чешском языке суффиксы (или их отсутствие) позволяют языку сгруппировать числительные в точности так, как в языке тетела. Числительное '1' имеет особый суффикс (*-ot*), суффикс *-oj* группирует числительные '2'—'3', отсутствие специализированных суффиксов — соседние числительные '4'—'6', а в другой группе — '9'—'10', суффикс *-ič* — '7—8'. Можно возразить, что группы '4'—'6' и '9'—'10' маркируются в этом смысле одинаково — отсутствием специализирующего суффикса. Но заметим, на фоне явной тенденции к моносиллабизации корня (*jeden* > *jedn-*, *čtyři* > *čtyř-*) в приведенных чешских существительных остается только два двусложных корня — *devít-* и *desít-*, и в них общий корневой сегмент *-ít-* как бы переходит в позицию первого суффикса. При этом вся парадигма маркируется суффиксом *-k* (наряду с окончанием женского рода).

С учетом корневых субморфов, маркеры группировок в данной парадигме можно представить следующим образом (Таблица 4):

Таблица 4. Группировки в чешском языке

	Корень (субморфы)	Суффикс 1 (специализирующий)	Суффикс 2 (общий)	Окончание (общее)
1		-ot-	-k-	-a
2		-oj-	-k-	-a
3		-oj-	-k-	-a
4		-Ø-	-k-	-a
5	-t	-Ø-	-k-	-a
6	-t	-Ø-	-k-	-a
7	-m	-ič-	-k-	-a
8	-m	-ič-	-k-	-a
9	de-...(it)	-Ø-	-k-	-a
10	de-...(it)	-Ø-	-k-	-a

Группировки ‘5’—‘6’ и ‘9’—‘10’, имеющие общую субморфную маркировку в корне, могут позволить себе не иметь ее в специализирующем суффиксе. В более строгой формулировке — мы наблюдаем тенденцию к дополнительному распределению унификаций в корне (частичная унификация) и суффиксе 1 (полная унификация).

Суффиксы групп в позиции 1 не просто различны — они противопоставлены, поскольку в деривационной модели есть все основания выделять два классических контекста оппозиции: суффикс 1 — сильный контекст, контекст различения ~ суффикс 2 — слабый контекст, контекст нейтрализации.

Как и в языке тетела, в чешском языке сходство числительных в каждой группе маркируется «синтагматически», без парадигматического изменения самих форм (маркер класса при числительном в тетела ~ суффикс 1 в чешском), но в отличие от тетела, где не допускается наличие одновременно двух маркеров при корне (возможен только один показатель именного класса, но не их комбинации), деривационные правила, используемые в чешском, вполне допускают комбинации суффиксов, а отсюда и возникает возможность маркировать различия групп в первом суффиксе и устранять эти различия во втором.

Сходная, но несколько иная ситуация прослеживается в болгарском языке, например, в названиях игральных карт. Отличие от чешского языка состоит в том, что в болгарском, во-первых, группируются числительные '5'—'8' (суффикс **-иц**), а не '7'—'8', а во-вторых, в позиции суффикса 2 нет объединяющего суффикса для всех числительных, и в целом комбинация двух суффиксов прослеживается только в группе '2'—'3' (**-ой-к-**).

Другая реализация принципа группировки прослеживается в украинском языке. Объединяющий парадигму суффикс **-к** прослеживается в числительных '2'—'10', и по этому критерию все числительные противопоставляются числительному '1' по признаку «один ~ много». Именно так организованы многие системы числительных языков банту, в которых числительное '1' относится к одному именному классу, а числительные '2'—'10' — к другому [Поздняков 2015].

При этом в украинском есть и другой интересный момент. В числительном *чeтвiр-к-а* — лишь один суффикс (**-к**), а в числительном *п'ят-ip-к-а* — два. Откуда появился суффикс **-ip**? Здесь нет никаких неясностей: числительное в функции существительного '5' изменилось по аналогии с числительным '4', и в результате этого нерегулярного изменения и возник новый суффикс. Если в чешском устройстве парадигмы можно выразить формулой «корень + суффикс 1 + суффикс 2 + окончание», то для украинского такая формула безусловно нерелевантна: фонетический сегмент, организующий группу числительных, является частью корня в одном случае и новым суффиксом в другом.

Это момент, на котором следует остановиться, поскольку он может иметь важное значение для теории субморфов, которая, как я надеюсь, будет когда-нибудь создана. Как классифицировать сегмент [-iɾ] в *чeтвiр-к-а*? Учитывая, что он является приметой группы '4'—'5', его следовало бы отнести к субморфам. Но субморфы — это парадигматические знаки (они не имеют означаемого вне конкретной парадигмы), и они не существуют изолированно — их должно быть минимум два. Где же здесь второй субморф? Он представлен морфемой (суффиксом) в *п'ят-ip-к-а*? В таком случае [iɾ] в *п'ят-ip-к-а* одновременно морфема и субморф?! По-видимому, было бы неправильно в данном случае относить [iɾ] к субморфам. К тому, для носителей языка в словах *чeтвiрка* — *п'ятiрка* общей приметой, как можно предположить, является сложносоставной сегмент [-iɾka], а его членение на отдельные элементы, вероятно, неважно. А если это так, то границы понятия «субморф» или «парадигматический знак», возможно,

следует раздвинуть и говорить о субморфе как о повторяющейся части означающего не только в простом знаке (морфема), но и в сложном знаке (комбинация морфем). В таком случае в русск. просторечн. *морожен(н!)ое* ~ **пироженное* (135 000 употреблений в Google!) просторечный субморф класса «вкусных вещей» следует представить как [-рожен(н)ое], а *-е* в **пироженное* как новый суффикс, точно так же, как в укр. *п'ятірка* к суффиксу следует отнести *-іт*.

Русский язык. Имеющиеся группировки представлены в таблице 5.

Таблица 5. Макеры группировок в русском языке

		Корень	Суффикс 1	Суффикс 2	Окончание
1	<i>единица</i>		-иц-	-∅-	-а
2	<i>двойка</i>		-ой-	-к-	-а
3	<i>тройка</i>		-ой-	-к-	-а
4	<i>четверка</i>		[→ -ер-]	-к-	-а
5	<i>пятерка</i>	-т'	-ер-	-к-	-а
6	<i>шестерка</i>	-т'	-ер-	-к-	-а
7	<i>семерка</i>	-м'	-ер-	-к-	-а
8	<i>восьмерка</i>	-м'	-ер-	-к-	-а
9	<i>девятка</i>	де-...-ят-	-∅-	-к-	-а
10	<i>десятка</i>	де-...-ят-	-∅-	-к-	-а

Прежде всего, отметим, что по крайней мере в русском языке, наряду с приведенной парадигмой, выделяется целый ряд смежных парадигм существительных, также образованных от числительных, но по другим моделям. Если построить для них сходные таблицы, в некоторых колонках окажется больше объединяющих маркеров, а в некоторых меньше.

Так, например, парадигма *вдвоем* — *вдесятером* включает суффикс *-ер* в наречии, образованном от '10', но не включает этот суффикс в интересующем нас существительном *десятка*.

Если вместо суффикса в позиции 2 (*-к*) включить суффикс *-н*, то в новой парадигме будут формы *двойня*, *тройня*, *четверня*, *пятерня*, *шестерня*, *восьмерня*, но будут отсутствовать формы, образованные от '7', '9', '10'. Причины отсутствия указанных форм следует, вероятно, искать в семантике. В рассматриваемой парадигме суффикс *-н* сообщает

форме собирательное значение с различными его реализациями: *двойня* — *тройня* о близнецах (в этом значении в Национальном корпусе встречается даже *восьмерня*), *четверня* и *шестерня* об упряжках лошадей (их запрягают попарно — отсюда отсутствие форм **семерня* и **девятерня*), *пятерня* — *шестерня* о сложносоставных предметах. В русской поэзии модель *пятерня* (пять пальцев вместе, «И всею пятернею чувств ...», Бродский) может порождать по аналогии форму *четверня* («Четверней лохматых ног / шел мохнатенький щенок», Маяковский)³, но форма **десятерня* в языке отсутствует, хотя теоретически могла бы в нем быть.

Формы с суффиксом *-жды* (*однажды* — *четырежды*) образуются только от числительных '1'—'4', формы с *-еть* (*треть*, *четверть*) — только от '3'—'4', форма с суффиксом *-г* (*четверг*), как и *четвереньки* — только от '4'.

Но вернемся к нашей базовой парадигме существительных (Табл. 5). Для групп '5'—'6', '7'—'8', '9'—'10' в ней сохраняются особые маркеры в корне (субморфы), которые отмечены в числительных, от которых эти существительные образованы. Но наряду с этим субморфным маркированием, мы наблюдаем маркирование групп в суффиксах, то есть наименее радикальное маркирование соположенными сегментами, не вызывающее изменение в корне.

Как и в украинском языке, все существительные, за исключением *един-иц-а*, включают суффикс *-к*, оформляя противопоставление «один» ~ «много».

В позиции «суффикс 1», как и в других славянских языках, общий суффикс *-ой* объединяет числительные '2'—'3'. Отметим следующее. Во-первых, этот суффикс группирует эти (и только эти) числительные в целом ряде других словообразовательных моделей. Приведем лишь некоторые из них: *двоить(ся)* — *троить(ся)*, *двоица* — *троица*, *двойкий* — *троякий*, *двойник* — *тройник*, *двойняшка* — *тройняшка*, *двойственный* — *тройственный*, *вдвойне* — *втройне*, *надвое* — *натрое*, *удваивать* — *утраивать*. Во-вторых, отметим, что суффикс *-ой* уникален: он употребляется только в приведенных образованиях и не

³ Впрочем, ср. еще у Львова (1792 год) «Иной / (Считая посошок) на трех ногах лепился, / Другой, / Догадливый, и четверней / Наверх шагал, а вниз катился». Возможно, собирательное значение «четыре ноги» у формы *четверня* не возникло по аналогии, а напротив, было исходным в этой маленькой группе и в современном языке сохраняется в уникальной форме *четвереньки*, которая не образуется ни от одного другого числительного.

сочетается ни с одним другим корнем русского языка. Единственная функция суффикса **-ой** состоит в том, чтобы маркировать группу первых числительных выше одного.

Суффикс **-ер**. Наметившаяся в украинском аналогия, в которой существительное *п'ят-ір-к-а* подстраивается под *чeтвiр-к-а*, в русском языке существенно расширилась, распространившись также на формы *шeст-ер-к-а*, *сем-ер-к-а*, *восьм-ер-к-а*. Более того, в некоторых смежных парадигмах корневой сегмент числительного '4' в качестве нового суффикса распространился и на образования от числительных '9'—'10': *дев'ят-ер-о* — *десят-ер-о*, *дев'ят-ер-ич-н-ий* — *десят-ер-ич-н-ий*, *дев'ят-ер-н-ой* — *десят-ер-н-ой*, *в-дев'ят-ер-ом* — *в-десят-ер-ом*, а также *у-десят-ер-ить*. Все приведенные здесь формы существуют, включая редкую форму *дев'ятеро* («В дев'ятером копали мы, / До полдня работали», Некрасов)⁴.

Подведем итог. В каждом из рассмотренных славянских языков маркирование группируемых числительных соседними суффиксами или комбинацией суффиксов осуществляется по-разному, как и в многочисленных языках банту, маркирующих сходные группы префиксами именных классов. Общим остается сам принцип: в отличие от использования нейтрализации или субморфов, использование соседних общих афиксов для маркировки группы не приводит к нерегулярным изменениям в самих формах, то есть является наиболее «безболезненным» способом сближения форм в парадигме.

Три рассмотренные стратегии объединения можно кратко описать следующим образом:

1. Нейтрализация. Происходит полная унификация форм: ед.ч. *десяток* (м.р.) ~ *десятка* (ж.р.) / мн.ч. *десятки*; ед.ч. *супруг* (м.р.) ~

⁴ Не будем, впрочем, безоглядно полагаться на штучные примеры в Национальном корпусе. Понятно, что в поэтических лабораториях больших поэтов, которым здесь отдается предпочтение, исследуются ресурсы языка, а не его нормы (так, у Велимира Хлебникова, гениального исследователя-экспериментатора, в «Сколько их? Восьмеро? / Карогого солнца лучи ...» бессмысленно искать норму), а в газетном или общем корпусе можно встретить просто безграмотные или ничем не подкрепленные употребления. Так, в публикации в «Наука и жизнь» за 2007 год Национальный корпус фиксирует, например, следующее образование: «К счету по пальцам рук восходят многие системы счисления, например пятеричная (одна рука), десятеричная (две руки), двадцатеричная (пальцы рук и ног), сорокаричная (суммарное число пальцев рук и ног у покупателя и продавца)». Оставим слово *сорокаричная* в личной коллекции его автора.

супруга (ж.р.) / мн.ч. *супруги*. Объединение форм происходит в одной из смежных парадигм, в другой же различия сохраняются.

2. Субморфы. Происходит частичная унификация форм: *де-в-ять* ~ *де-с-ять*. Сближение форм происходит в результате изменения по аналогии непосредственно в формах парадигмы. В результате один сегмент слова различается, а другой оказывается одинаковым.

3. Соседние аффиксы. Унификация форм (полная или частичная) отсутствует. Сближение форм происходит в результате изменений по аналогии в соседних морфемах (аффиксах или окончаниях). В результате формы различаются, а соседние морфемы — нет.

Язык может комбинировать эти три основные техники, а может распределять их дополнительно.

Из трех перечисленных стратегий без всякого сомнения наиболее распространенной является третья — синтагматическая. В русском языке она охватывает практически весь словарь. С одной стороны, одинаковый суффикс или одинаковая комбинация аффиксов рядом с различными корнями группируют лексику. Так, суффикс *-ёнок* в дериватах вроде *жираф-ёнок*, *слон-ёнок* группирует названия детенышей животных и названия животных в целом. Иными словами, любая словообразовательная модель — это выделение группы. Этот вывод распространяется не только на аффиксы, но и на флексии. Так, ударное окончание *-у́* в предложном падеже (Родительный II) объединяет, в частности, все названия частей тела, удовлетворяющие определенным фонетическим и морфологическим условиям (одно-сложный корень, мужской род): *на глазу́*, *во рту́*, *на носу́* etc. И наоборот. В словообразовательном гнезде или в словоизменительной парадигме общий корень позволяет группировать аффиксы (флексии). Так, формы *тройк-а*, *тройк-у*, *тройк-и*, *тройк-ой*, *тройк-е*, *тройк-е* с общей лексической основой позволяют сгруппировать окончания, входящие в парадигму склонения существительных женского рода единственного числа (оппозиция дательного и предложного падежей при этом нейтрализуется).

Аналогичным образом синтагматическая стратегия маркирования групп реализуется в системах именных классов. Общий маркер именного класса (в существительном или в зависимых формах) выполняет классифицирующую функцию, объединяя существительные сходной семантики (так, например, маркеры класса I в банту объединяют существительные с положительным значением «люди»). С другой стороны, общий лексический корень при различных маркерах классов структурирует эти маркеры в парадигму.

Рассмотрим сочетания корня *no* с префиксами именных классов в языке байнук (атлантическая семья), см. Табл. 6.

Таблица 6. Структурирование именных классов в языке байнук

<i>bu-no</i>	‘фрукт’	<i>gu-no</i>	‘вещь’
<i>i-no</i>	‘фрукты’	<i>ran-no</i>	‘плохой человек’
<i>si-no</i>	‘дерево’	<i>ʔan-no</i>	‘плохие люди’
<i>tu-no</i>	‘деревья’	<i>kin-no</i>	‘пальмовое вино’
<i>a-no</i>	‘насекомое’; ‘змея’	<i>ja-no</i>	‘жир’
<i>bi-no</i>	‘насекомые’	<i>ta-no</i>	‘птицы’

Подчеркнем, что в данном случае мы имеем дело не с омонимами. Базовое значение корня *no* в байнук можно определить как «нечто» (подобные корни характерны для целого ряда атлантических языков обеих основных ветвей). Конкретизирует семантику существительного маркер именного класса. При этом сочетание одинакового корня с маркерами структурирует их в парадигму и обнажает парадигматическую семантику именных классов.

Литература

- Желтов 2008 — А. Ю. Желтов. Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Поздняков 2009 — К. И. Поздняков. О природе и функциях внеморфемных знаков // Вопросы языкознания, 6, с. 35-64.
- Поздняков 2015 — К. И. Поздняков. Именные классы в системах числительных языков нигер-конго // Вестник Санкт-Петербургского Университета, 2015, вып. 2, с.36-58.

Юлия Георгиевна Суетина
ИСАА МГУ, kaduna2007@mail.ru

СОЗДАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ В МЛАДОПИСЬМЕННЫХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ХАУСА)

Термины в языке могут возникать спонтанно, с развитием того или иного вида деятельности человека. Таким образом в хауса возникали термины, относящиеся к традиционным ремеслам: ткачеству, столярному делу, кузнечному, земледелию и др. Но термины могут создаваться и в результате целенаправленной деятельности человека. Так, в тридцатых годах прошлого столетия в г. Зария, Нигерия, было создано Бюро переводов на хауса, в задачи которого входило создание новых терминов для разъяснения местному населению указов и распоряжений британской колониальной администрации.

Уже после обретения Нигерией независимости Комиссия по разработке терминологии проводила, и довольно успешно, работу по созданию терминов в области законодательства, юриспруденции и мета-языка. Было опубликовано несколько словарей новых терминов. Однако пока неясно, насколько созданные в результате деятельности комиссии термины вошли в язык хауса.

Спорт играет важную роль в жизни хауса, и в первую очередь это относится к футболу. Сборная Нигерии, носящая громкое имя *Green Eagles* 'Зеленые орлы', неоднократно завоевывала кубок континента, становилась призером различных международных соревнований. Именно этому виду спорту газеты на хауса посвящают целые страницы.

Термины могут создаваться несколькими способами. Во-первых, это заимствование из другого языка, в данном случае, из английского. Во-вторых, калькирование, в-третьих, создание семантических неологизмов, в-четвертых, создание новых слов по существующим в языке словообразовательным моделям и в-пятых, описательный перевод.

Для спортивной терминологии хауса характерны все вышеперечисленные способы образования.

Заимствование из английского языка касается, в первую очередь, футбола: *galkipa*, *golan* 'вратарь' < *goalkeeper*, *fanaliti* 'пенальти' < *penalty*, *koci* 'тренер' < *coucher*, а также некоторых других видов спорта, принесенных англичанами на Африканский континент: *rafari* 'судья' <

referee, *tenis* ‘теннис’ < *tennis*. Другие термины, такие как *ski* ‘лыжи’ < *skis*, попали в хауса значительно позднее, в основном благодаря деятельности радиостанций, ведущих вещание на хауса. Заимствования продолжаются и сейчас, но носят единичный характер: *sikwoshi* ‘сквош’ < *squash*.

Калькирование тоже распространено при образовании спортивной терминологии хауса. Так, из английского на хауса были калькированы следующие виды спортивных игр: *kwallonkafa* (мяч ноги) ‘футбол’ < *football*, *kwallon hannu* (мяч руки) ‘гандбол’ < *handball*, *kwallon kwando* (мяч корзины) ‘баскетбол’ < *basketball*. Как правило, к этим словам добавляется слово *wasa* ‘игра’: *wasan kwallon kafa* ‘футбол’

Вместе с тем следует отметить, что количество калек в хауса относительно невелико. Значительно большее место при создании терминологических систем, в том числе и спортивной терминологии, занимают семантические неологизмы. Ярким примером подобных неологизмов может служить слово *faifai* ‘круглая плетеная крышка, которой фульбе закрывают калебасы с молоком’. В спорте слово *faifai* обозначает диск — метафорический перенос по форме. Отсюда *jifan faifai* ‘метание диска’. Но крышка плетеная, поэтому *faifan tennis* ‘теннисная ракетка’, а *wasan faifai* — ‘бадминтон’. В футбольной терминологии слово *gida* ‘дом’ приобрело значение ‘ворота’, *raga* ‘рыболовная сеть’ стала обозначать сетку ворот. Слово *karawa* — VN от глагола *kara da* ‘столкнуться’ приобрело в спортивной терминологии значение ‘встреча, поединок’, а сам глагол имеет значение ‘встретиться’. Именно в этом новом значении слово *karawa* используется при образовании сложных слов, например, *abokin karawa* (друг+поединок) ‘противник, соперник’. Этот термин употребляется только в спорте, тогда как ‘противник’ в политической терминологии — это *abokin hamauya* (друг соперничества) или *dan hamauya* (сын соперничества), а в военной — *abokin gaba* (друг вражды). Слово *lashe* ‘победить’ весьма давно вышло из употребления и встречалось только в старых текстах этнографического или исторического характера. Но сейчас оно широко употребляется в спортивной терминологии в том же значении вместо *ci nasara* ‘победить’, а с начала 80-х годов прошлого столетия слово *lashe* из спортивной терминологии перешло в политическую, главным образом в сообщениях о выборах. ‘*Kungiya* ‘союз’ в настоящее время имеет новое значение ‘команда’ — *kungiyar yân wasan Nijeriya a wasan-nin Olimpik* ‘команда спортсменов Нигерии на Олимпийских играх’, а *zango* ‘переход от одной стоянки или привала до другой/другого’ обо-

значает 'дистанция': *dan wasan Keniya ya ci lambar zinare a gudun dogon zango*. 'Кенийский спортсмен завоевал золотую медаль в беге на длинные дистанции'. Число семантических неологизмов все время увеличивается: *mashi* 'копье' как оружие и *mashi* 'копье' как спортивный снаряд, *zakara* 'петух' > 'чемпион', *lamba* 'номер' > 'медаль', *zarce* 'проходить дальше' > 'превысить (результат)' и др.

В языке хауса существует три способа образования существительных с семантикой «имя деятеля». Это префикс *ma-*, участвующий в образовании существительных от глаголов: *rina* 'красить' > *marini* 'красильщик', а также формант *mai* (pl. *masu*), который оформляет существительные, но чаще - отглагольные имена: *mai bada labari* 'корреспондент' от *ba da labari* 'давание новостей', *mai kallo* 'зритель' от *kallo* 'смотрение'. Возможно создание сложных слов с этой же семантикой, в которых первым компонентом будет слово *da* 'сын' (*ya* 'дочь', *ya/ya/ya* 'дети'): *wasu* 'игра, спорт' > *dan wasu* 'игрок, спортсмен', *dambe* 'бокс' > *dan dambe* 'боксер', *gudu* 'бег' > *dan gudu* 'бегун'. Иногда в языке используются термины, образованные двумя из этих способов: *horo* 'готовить, тренировать' > *mahori* 'тренер' и *mai horad da yan wasu* (готовящий спортсменов) наряду с заимствованием *koci*.

В создании спортивной терминологии на хауса широко применяется описательный перевод. К этому виду номинации прибегают потому, что названия некоторых видов спорта на английском языке непонятны большинству хауса, а другие виды спорта, например, зимние, и вовсе неизвестны широкой аудитории. Так, бег с барьерами это *gudun tsallake shinge* (бег перепрыгивания через забор), эстафета – *gudun ba da sanda* (бег давания палки). *Wasan takobi* (игра меча) обозначает 'фехтование', причем пока в языке хауса нет отдельных слов для обозначения фехтования на саблях и на рапирах. Гимнастика – это *wasan motsa jiki* (игра движения тела), а легкая атлетика – *wasan guje-guje da tsalle-tsalle* (игра бега и прыжков). Бассейн называется *gulbin ninkaya* (пруд плавания), хоккей на траве – *wasan kwallon gora* (игра мяча палки).

Некоторые спортивные термины на хауса представляют собой фразеологизмы: *yi kunnen doki* (сделать уши лошади) – сыграть вничью.

Практически нет собственных терминов для обозначения зимних видов спорта, поэтому журналисты, работающие на радио, вынуждены изобретать эти термины, например, *rawa a kan kankara* (танец на льду) 'фигурное катание'. Вместе с тем следует отметить, что зимние виды спорта представляют для хауса своего рода экзотику. Соревнования по этим видам спорта, даже зимние Олимпийские игры, ни в прессе на

хауса, ни в передачах таких радиостанций, как «БиБиСи» или «Немецкая волна», никак не освещаются.

По-видимому, создание новых терминов, как в области спорта, так и в других областях, будет происходить за счет внутренних ресурсов языка, а не за счет заимствований. Этот вывод подтверждает и анализ терминов компьютерных и военных технологий.

Источники

Би-би-си на хауса: <http://www.bbc.com/hausa>

Немецкая волна на хауса: <http://www.dw.de/hausa>

Gaskiya ta fi kwabo, Zaria Corporation, 1989 – 1996.

Larry M. Hyman

University of California, Berkeley, hyman@berkeley.edu

ON RECONSTRUCTING TONE IN PROTO-NIGER-CONGO

“It is generally believed that Proto-Niger-Congo had at least two tones, but no serious reconstruction has yet been done.”
(Williamson & Blench 2000:38)

1. Introduction

In preparing this paper for presentation my original motivation was to address the question of how far outside of Narrow Bantu the widely accepted reconstructed *H and *L tones of Proto-Bantu (PB) lexical morphemes correspond (Greenberg 1948; Meeussen 1969 [1980]; Bastin, Coupez, Mumba & Schadeberg 2002).¹ The various possibilities include languages/language subfamilies at different levels of Niger-Congo (NC): (i) Bantoid; (ii) East Benue-Congo (Cross-River, Central Nigerian); (iii) Benue-Kwa; (iv) Volta-Congo.... (v) Niger-Congo (Williamson & Blench 2000:18). It is generally assumed that an early proto language, e.g. Proto-Niger-Congo (PNC) was tonal and had two tones, *H and *L (cf. Hombert 1984:119):

“Tone can be reconstructed for Proto-Niger-Congo... but also represents an areal phenomenon...” (Childs 1995a:13).

“... at least two basic tonemes, marked by a high and a low pitch respectively, existed in PWN [Proto-Western Nigritic—roughly Atlantic, Gur, and old Kwa]” (Mukarovsky 1977:168).

There are several reasons behind this “intuition”:

- First, almost all NC languages are tonal, including those controversial inclusions such as Mande, Dogon, and Ijoid.

¹ An earlier version of this paper was presented at the 2nd International Conference “Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction”, Paris, Sept. 1-3, 2016. I was delighted that Alexander Zheltov also presented a paper, since we have enjoyed a close friendship ever since he, Elena, Katya and Sasha spent eight months on a Fulbright in Berkeley in 2002-3. It is an honor to dedicate this paper to him.

- Second, non-tonal NC languages are geographically peripheral and are generally assumed to have lost their tone via natural tone simplification processes (cf. Childs 1995b) and/or influence from neighboring non-tonal languages (cf. Hombert 1984:154-5). This includes not only Swahili in the East, but also Northern Atlantic (Fula, Seereer, Wolof etc.), Koromfé (Northern Central Gur; Rennison 1997:16) and (outside NC) Koyra Chiini (Songhay; Heath 1999:48), which could be the effect of contact with Berber or Arabic, either directly or through Fula (Childs 1995b:20). The only geographic exception concerns certain largely contiguous zone G, M and N Bantu languages (e.g. Pogolo, Nyakyusa, Tumbuka).
- Third, possible pathways for Niger-Congo tonogenesis are unsupported and can only be speculative. There is no evidence of a transphonologization from, say, breathy or glottalized stops, for instance. If I had to speculate myself, I would wonder if some ancient ancestor had consonant clusters (CC) which might have become hC and/or ?C, these latter then triggering tonogenesis. Most NC languages do not have complex syllables, so this does not seem far-fetched. However, there is no evidence for it that I am aware of.
- Finally, languages with 3, 4 or 5 tone heights are generally assumed to have innovated them either from the effect of depressor consonants or tonal interactions, as can be extrapolated from more recent developments, e.g. in Kru and Bantoid, respectively. Thus:

“No mid tone has been reconstructed for PUC [Proto-Upper-Cross] so far. The mid tone in eg., KoHumono seems to be the result of a secondary split of high, in most cases because of some depressor consonant....” (Dimmendaal 1978:185)

This having been said, there are both methodological and practical issues in reconstructing morpheme-specific tones at the PNC level:

First, PNC presents a huge time depth during which tones will have likely changed, perhaps dramatically, due to mergers, splits, and contextual tonal interactions with other morphemes.

Second, for nouns, the stem tone is often affected by the noun class marker, either a prefix or suffix; in PB the initial augment morpheme had a *H tone which often shifts onto the L tone noun class prefix or stem. In addition, given de Wolf’s (1971) reconstruction of different tones on Proto-Benue-Congo noun class prefixes, if noun classes have merged here and there, with *H or *L fusing onto the noun stems, this could complicate our ability to detect regular tonal correspondences. Additional problems will

occur in languages which have lost the second syllable of the mostly bisyllabic Proto-Bantu noun stem. (It is important in this context that we avoid undue Bantu-centrism.)

Third, for verbs, it is well-known that many NC languages do not have a lexical tonal contrast on verb roots, e.g. Kisi (Atlantic), Konni, Kulango (Gur), Ejagham (Edoid), Cicipu (West Kainji), Zande (Ubangi), not to mention many Bantu languages, where tones are assigned by the inflectional morphology (tense-aspect-mood-negation)—these languages will be largely irrelevant in the search for tonal correspondences with PB lexical verb tones.

Finally, it should be noted that for both word classes, it is easier to identify cognates in languages which have CVC roots vs. those which have shortened them to CV, e.g. Yoruboid, Nupoid, and Igbooid, where most nouns are V-CV, and verbs are CV.

Despite the above problems, there is a belief that a tonal correspondence strengthens the likelihood of cognacy: “Despite the rare attestations the similarity of forms and tone argues that this is reconstructed to South Bantoid” (Blench 2004[2016]:155). There thus are quite a number of problems to overcome in reconstructing tone at the NC level.

2. The strategy in this study

The proposal for the current study is to look exclusively at verbs, where the task might be expected to be both easier and more interesting. It may be easier since most PB verb roots are reconstructed with only one syllable (vs. mostly bisyllabic nouns). There is some generality to this in various NC subbranches, e.g. “Igbooid roots, as seen in verbs, are uncompromisingly monosyllabic” (Williamson, Blench & Ohiri-Aniche 2016:2). This means that we could be comparing verb roots for their correspondence to a single proto *H or *L tone. Looking at verb tones might also be more interesting, since verb roots often do not occur in isolation. In particular, the suffixal morphology (e.g. verb extension tones) may provide important hints as to the nature of earlier states, ultimately PNC vs. noun morphology, which is presently much more under control.

What this means is that we now have THREE goals, namely to see (i) if non-Bantu verb root tones correspond with PB; (ii) if anything can be said about the tones of cognate verb extensions; (iii) if (ii) can tell us more concerning what the nature might have been of early verb structure in NC. (We also would ultimately be interested in the inflectional marking of tense, aspect, mood and negation, but reconstruction of specifics has proven to be excessively rich and complicated enough, even within Bantu (see Nurse 2008).)

To get started I first consulted Mukarovsky (1976-7), who had already claimed that Bantu verb tones correspond to his Proto-Western-Nigrific (PWN), i.e. as far away as (tonal) “Atlantic” languages. Importantly, it should be noted that Mukarovsky draws mostly from Guthrie’s (1967-71) Common Bantu (CB), and cites earlier (often incorrect) suggestions for PB, i.e. from studies preceding Meeussen (1969[1980]), to which he apparently did not have access. Among his 653 proposed reconstructions are 287 verbs, i.e. 44.0%. Of these 58 have a tonal reconstruction. Although these allow for a comparison with PB, many of the correspondences are of questionable cognacy (see below). In addition, some of the cited CB/PB forms are not reliably reconstructed — I have checked their “fiabilité” scores in Bastin et al (2002). Finally, many reconstructed PWN tones are based only on a few languages. What the comparison yields is seen in Table 1:

Table 1. Corresponding tones between PWN and CB/PB (Mukarovsky)

<i>PWN</i>	<i>CB/PB</i>		<i>PWN</i>	<i>CB/PB</i>		<i>PWN Totals</i>
*H	*H	24	*H	*L	11	35 *H
*L	*L	20	*L	*H	3	23 *L
corresponding:		44	non-corresponding:		14	

By about a 3 to 1 ratio (44 vs. 14), the tones of PWN and CB/PB correspond. However, in some cases I could not see from the cited examples, why one vs. another tone was reconstructed. It is likely that Mukarovsky was influenced by the tones in Guthrie’s CB forms, i.e. Bantu-centrism.

Another long-range reconstruction effort is Stewart’s (2002:214-223) Proto-Potou-Akanic-Bantu (PPAB), with 54 verb roots out of 109 reconstructions, or 49.5%. Although tone is not reconstructed, of the 54 verb roots, 36 have PWN correspondences. Of these, 26 are reconstructed without tone by Mukarovsky (including PWN **kual* ‘cough’). The remaining 10 are equally divided: 5 are reconstructed with *H by Mukarovsky (including PWN **kwác* ‘cough’), and 5 are reconstructed with *L. These 10 forms are provided in Tables 2 and 3, where I have also added correspondences to Proto-Upper-Cross (PUC) (Dimmendaal 1978) and Proto-Igboid (PIgb) (Williamson, Blench & Ohiri-Aniche 2016):

Table 2. PWN *H tone correspondences

PWN	PPAB	PB (BLR)	PUC	PIgb	
*khwú	*k ^w u	*kó	*k ^w á	*ŋóú	‘die’
*bíl	*bílĩ	*bíd		*wé	‘become cooked’
*dád	*dá	*dáad	*DáBí	*dáã̃ (HL)	‘lie down, sleep’
*kwác	*k ^w apĩ	*kóciɗ		*k ^w á	‘cough’
*ní	*nĩ	*ni	*nè	*níõ̃ (HH)	‘defecate’ (with tonal discrepancies)

Table 3. PWN *L tone correspondences

PWN	PPAB	PB (BLR)	PUC	PIgb	
*pìn	*pĩĩ	*pìn		*pĩ	‘press, squeeze’
*kì	*k’ ĩ	*ké		*í-ŋ-kí (n.)	‘dawn’ (with tonal discrepancies)
*gìl	*gili	*gìd		*Jé̃ (H)	‘abstain, avoid’
*lùk	*lũŋkũ	*dòk	*nòkà	(*kpǎ)	‘plait’
*mìl	*mĩĩ	*mèd	*mèn	(*no [?], *dwiẽ̃)	‘swallow’

There will of course be many more tonal correspondences with languages in groups that are more closely related to PB. Proto-Grassfields Bantu works almost perfectly (Hyman 1979; Elias, Leroy, & Voorhoeve 1984), as does Noni (Bantoid: Beboïd). Noni has /H, M, L/, but verb roots show only a binary contrast, which I indicate below as H vs. L (Hyman 1981). Working from Mukarovsky’s PWN, I found 85 Noni verbs with PB correspondences:

Table 4. Corresponding tones between Noni and Proto-Bantu

<i>Noni</i>	<i>PB</i>		<i>Noni</i>	<i>PB</i>		<i>Totals</i>
H	*H	46	H	*L	4	35 *H
L	*L	26	L	*H	4	23 *L
corresponding:		72	non-corresponding:		8	

As seen, the tones overwhelmingly correspond. (Five of the 85 correspondences are not counted, since the PB tone is uncertain.)

Moving a little further away, drawing from a 1485 entry lexical database of Leggbo (Upper Cross) created with Imelda Udoh, I found 45 verbs which correspond to PWN/PB. Although Leggbo has /H, M, L/, verb roots show only a binary contrast indicated as M vs. L:

Table 5. Corresponding tones between Leggbo and Proto-Bantu

<i>Leggbo</i>	<i>PB</i>		<i>Leggbo</i>	<i>PB</i>		<i>Totals</i>
M	*H	22	M	*L	∅	22 *H
L	*L	15	L	*H	3	16 *L
corresponding:		37	non-corresponding:		3	

Again, the consistency of the correspondences is encouraging (37 vs. 3).

When we get further out into Igboïd, it gets a little harder. Part of the problem is that the group has reduced most proto forms to CV roots. Among more than 600 proposed Proto-Igboïd reconstructions, Williamson, Blench & Ohiri-Aniche (2016) provide potential PB analogues for 174 verbs. Without critically evaluating them (some appear to be listed perhaps only to show that the PB root is not cognate), the tonal correlates appear to be problematic (note how few PIgb *L verbs are reconstructed):

Table 6. Corresponding tones between Proto-Igboïd and Proto-Bantu

	Proto-Igboïd					
<i>Totals:</i>	*HH	*HL	*LH	*L	*H	
89	<u>11</u>	<u>11</u>	13	3	<u>51</u>	: Proto-Bantu *H
85	8	11	<u>25</u>	<u>5</u>	36	: Proto-Bantu *L
<i>Totals:</i>	19	22	38	8	87	

In Table 6 I have underlined the numbers where the PIgb first tone corresponds to PB, which turns out to produce 103 corresponding vs. 71 non-corresponding tones or 59%, hence not extremely impressive. Since some of the resemblances may not indicate a common proto form, I recalculated with 41 PIgb reconstructions which look the most likely to be cognate with PB:

Table 7. Corresponding tones between most likely Proto-Igboïd and Proto-Bantu cognates

	Proto-Igboïd					<i>Totals:</i>	<i>Corresponding:</i>
	*H	*L	*LH	*HL	*HH		
Proto-Bantu *H :	<u>13</u>	0	5	<u>2</u>	<u>5</u>	25	20 vs. 5
Proto-Bantu *L :	6	0	<u>5</u>	3	2	15	5 vs. 11
<i>Totals:</i>	19	0	10	5	7	41	25 vs. 16

As seen, this produces 25 out of 41 or 61% corresponding tones, hence no significant improvement. Either many of the PIgb reconstructions are not

cognate with PB, or there have been significant changes in Igbo verb tones. Some of the best PIgb/PB correspondences are shown in Table 7 (where $_ =$ nasalization):

Table 8. Some of the best Proto-Igbooid and Proto-Bantu cognates

*H/*H	*dĩ / *dí	‘eat’	*ḡó / *ḡó~ḡó	‘drink’
	*t’ú / *tóng	‘build’		
*H/*L	*gʷó / *gòn	‘snore’	*tí / *tì	‘tell/say’
	*cú / *còb	‘rub’		
*LH/*H	*pǒ / *púm	‘exit’	*dya / *dóad	‘be ill’
	*pwǒ / *púd	‘blow/mouth’		
*LH/*L	*liCĩ / *dĩk	‘bury’	*lòwú / *dò	‘fight’
	*kpǒ / *kòd	‘scrape’		
*HL/*H	dǎà / *dáád	‘sleep’	*tò / *tó	‘pound’
*HL/*L	*jò / *jòd	‘buy’	*dìò / *dì	‘be’
	*lù / *dòd	‘be bitter’		
*HH/*H	*nínjé / *nínk	‘give’	*dóá / *dóót	‘dream’
	*bíó / *bá	‘be’		
*HH/*L	*nínjù / *nè	‘defecate’	*lòCú / *dòng	‘marry’

It should be noted that there are at least three tonal classes of verb roots in certain Igbo lects (Williamson, Blench & Ohiri-Aniche 2016:2), and that the second syllable/tone of verbs may either be archaic, or Igbooid innovations. The question is whether we have moved too far away from Bantu for the tones to correspond—or is something else going on.

3. Second syllable tone

Up to this point I have been operating under the following three related assumptions: (i) NC verb roots are monosyllabic; (ii) NC verb roots can be studied in morphological isolation; (iii) NC verb roots contrast only two tones (*H and *L). With respect to this last point, no evidence has been found for more than two tones in PNC. The four tonal configurations in PIgb, are potentially predictable from the structure of NC stems: (non-derived) nouns have monomorphemic, mostly bisyllabic roots (=stems), e.g. *CVCV, while verbs have monomorphemic, monosyllabic roots + a suffix or suffixes, e.g. *CVC-V. Exceptions to this dichotomy are found, e.g. in Mande and Ijoid, where bisyllabic (and potentially longer) verb stems are monomorphemic as well: “So far, there is no reason to postulate for the verb in Proto-Mande a root structure different from the noun” (Valentin Vydrin,

pers.comm.). There are at least three alternative explanations for this: (i) this might be an archaic feature of PNC preserved in these early branches, with verb suffixes developed later; (ii) these subgroups could have lost the verb morphology; (iii) these subbranches are not NC.

There are other NC languages which look like they have monomorphemic CVCV verb roots, but the second (C)V may have once been a suffix. Evidence for this can be derived from the fact that many NC languages restrict the second vowel of CVCV verbs. For example, Leggbo allows only /i/ and /a/ (the latter assimilating to a preceding non-high vowel), which can be traced back to Proto-Upper-Cross (Dimmendaal 1978). Of his 100 reconstructed verbs, 45 are monosyllabic, 55 bisyllabic, with the following V1+V2 distributions:

Table 9. V1/V2 distributions in Proto-Upper-Cross

V1 →	*i	*e	*ɛ	*u	*o	*ɔ	*a	Totals
V2 = *i :	4	2	1	2	5	0	9	23
V2 = *a :	9	2	0	3	8	0	7	29
Totals :	13	4	1	5	13	0	16	52

As seen, 52 out of the 55 bisyllabic reconstructions have either *i or *a as their second vowel. The three exceptions are *ppénè ‘return’, *bene ‘remember’ and *kwùŋ(ede) ‘open’.

There are three possible explanations for why a language may allow only CVCi and CVCa bisyllabic stems: (i) All other *V2 vowels have fallen out, leaving the verb monosyllabic; (ii) All other *V2 vowels have merged with *i and *a; (iii) V2 vowels may be relics of suffixes which may have been limited to *i and *a. That suffixes can fail to exploit all of the vowel possibilities of the initial root syllable is dramatically seen in Kulango (Gur), where the 18 verb extensions have only *i~i*, *u~u* and *a* (Elders 2008:195).

This contrasts with the vowel combinations in 424 Kalabari (Ijoid) bisyllabic verbs drawn from a lexicon of 764 verbs collected with Otelemate Harry, whose gaps do not suggest a suffixal origin. In Table 10, I, U, E, O, A stand for [±ATR] vowels. All five of these lexically contrast in both V1 and V2 position. The gaps that appear look like “normal” morpheme-structure conditions, perhaps also found in nouns: (i) *I-U, *U-I, *E-U, *U-E (with four exceptions); (ii) *E-O, *O-E; (iii) *A-E, *A-O. Kalabari thus clearly allows bisyllabic, monomorphemic verb stems. The only unambiguous verb suffix is *-ma* ‘causative’: 102 out of 210 trisyllabic verbs and all 20 quadrisyllabic verbs end *-ma*. See however Blench & Williamson (2015) for

evidence of extensions in related Izon, none of which show clear cognacy with the rest of Niger-Congo.

Table 10. V1/V2 distributions in Kalabari

V1	V2					Totals:
	I	U	E	O	A	
I	42	0	20	9	19	90
U	0	26	4	10	18	58
E	38	1	38	0	3	80
O	37	11	0	49	7	104
A	36	7	1	1	47	92
<i>Totals:</i>	153	45	63	59	94	424

4. Verb extension tone

In most subbranches of NC there is evidence of (sometimes extensive) verb suffixation. If a verb stem consists of a root + suffix, and if each morpheme had a tone, then this predicts four verb tone patterns: H+H, H+L, L+L, L+H. The question is whether we find this in NC, and if so, where and at what proto stage. First, it is quite common for there to be H vs. L inflectional suffix tones marking tense-aspect. These tones rarely become lexicalized in the sense of becoming part of the lexical tone of some roots vs others. On the other hand we find occasional H vs. L derivational suffixal tones (“verb extensions”), which can be more readily lexicalized, ultimately losing their independent morpheme status. This likely is the story for Upper Cross. However, PB is clearly reconstructable with tripartite verb stems consisting of a root + extensions + final inflection. According to Meeussen (1967): (i) H and L contrasted on final inflectional endings **-a*, **-e*, **-I*, **-il-e*; (ii) verb extensions were toneless, e.g. **-ic-* ‘causative’, **-Id-* ‘applicative’, **-an-* ‘reciprocal’; (iii) the tone of the final inflectional morpheme was copied onto preceding toneless extensions.

This last point is shown in the Lingala examples (Table 11) from Guthrie, cited by Schadeberg (1977:198). As seen, all of the tones that follow the L root *-kàk-* ‘get confused’ and H root *-tél-* ‘stagger’ are identical. The derivational sequences *-at-an-* and *-eng-an-* copy their tone from the final vowel, which in this case is either */-à/*, */-í/* or */-á/*, depending on the inflectional TAM.

Table 11. Extension tones in Lingala

	'to get confused'		'to stagger'		final V
	pre-stem	stem	pre-stem	stem	
a. infinitive:	kò-	kàk-àt-àn-à	kò-	tél-èng-àn-à	/-à/
future:	nà-kò-	kàk-àt-àn-à	nà-kò-	tél-èng-àn-à	/-à/
subjunctive:	ná-	kàk-àt-àn-à	ná-	tél-èng-àn-à	/-à/
b. past:	nà-	kàk-át-án-í	nà-	tél-éng-án-í	/-í/
remote past:	nà-	kàk-át-án-á	nà-	tél-éng-án-á	/-á/
imperative:		kàk-át-án-á		tél-éng-án-á	/-á/

I am aware of two exceptions of contrastive tone on extensions in Bantu. For still unexplained reasons Chichewa distinguishes /H/ and toneless (< *L) extensions (Hyman & Mtenje 1999):

Table 12. Extension tones in Chichewa

Toneless extensions

mat-a 'plaster/glue'

mat-il-a	'plaster/glue for/at'	{ applicative }
mat-its-a	'cause to plaster/glue'	{ causative }
mat-an-a	'plaster/glue each other'	{ reciprocal }
mat-ul-a	'unplaster/unglue (tr.)'	{ reversive tr. }

H tone extensions (the /H/ is realized on the final vowel)

mat-ik-á	'be plasterable/gluable'	{ stative }
mat-its-á	'plaster/glue a lot/well'	{ intensive }
mat-uk-á	'become unplastered/unglued'	{ reversive intr. }

Dialectal toneless ~ H tone extension

mat-idw-a	'be pastered/glued'	[Ntcheu]	{ passive }
mat-idw-á	" " "	[Nkhotakota]	

The second exception concerns causative *-i- and passive *-o- which sometimes impose a H tone. Meeussen (1967:92n) suggests the H may be archaic, that these two suffixes were *H. On the other hand, Hyman & Katamba (1990) argue for Luganda and Kinande that the extra H is inflectional: when *-i- or *-o- is present in an appropriate tense-aspect with a final inflectional H, a second enclitic =H is assigned. My speculation has been that *-i- and *-o- were originally verb-final "grade" suffixes (Hyman 2007:161) marked by an inflectional H (vs. toneless derivational VC

extensions in the “prosodic trough”). This may explain why they are implicated in longer **-iC-i-* and **-iC-ɔ-*. The issue, however, is still unsettled. (For recent work on the tonal effects of **-i-* and **-ɔ-*, see Ebarb & Marlo 2010 and Ebarb 2012). What can be said is that most verb extensions (and lexicalized second syllables) do not contrast in tone in Bantu (and Bantoid) languages.

When we move outside of Bantu and Bantoid, we find two different situations. First, extensions are mostly toneless in some NC languages:

(i) At the west end of NC, Kisi (“Atlantic”) causative *-i* and benefactive *-lul*, as well as plural extensions are toneless vs. the “middle” suffix *-nūy* (Childs 1995a:171-194). Childs (1995b:207) sees the toneless extensions as lacking accent: “Verb extensions cause the verb root to be analyzed as accented since the extensions are without tone....”

(ii) In the far northeast, in Moro (Kordofanian) the benefactive applicative *-əḏ*, locative applicative *-aḏ*, passive *-ən* and anti-passive *-əḏ* extensions are all underlyingly toneless: “...the tone pattern of the basic stem applies to the forms with extension affixes, too.” (Rose 2013:45). However, Rose adds: “... the causative requires a H tone on the preceding stem in default verbs, and allows no H tone on the causative marker” (p.47). Given the Bantu situation, it is intriguing to note that the shape of the H-imposing causative suffix is *-i*.

(iii) In between the above two geographical extremes, Cicipu (Kainji) extensions such as causative *-is-* and applicative *-wA-*, are underlyingly toneless, taking mostly the L tone of the different melodies assigned by mood, e.g. realis LHL, irrealis HL, imperative LH (McGill 2009).

However, in other NC languages, verb extensions have their own inherent tone:

(i) In Konyagi (Atlantic), of 21 verb extensions 15 are H (e.g. *-nán* ‘causatif’), two are L (e.g. *-ì* ‘rapprochant’), three are HL (e.g. *-êl* ‘réciproque’), and one is toneless (*-ət* ‘intensif’) (Sachot 1996:314).

(ii) In Guébié (Kru), which has four tone heights 1-4 (4 = highest), passive *-o/-ɔ* has 1 tone, while causative *-a/-ə*, applicative *-li/-li* and reciprocal *-li/-li* have 2 tone (Sande 2016). (The reciprocal causes the verb to reduplicate and also take 2 tone.)

(iii) In Kana (Lower Cross) causative *-(r)ε* has M tone, while anticausative *-a* is toneless; intensive *-gara ~ -ga ~-gi* cause a M tone verb root to become L and place a H on the last (or only) vowel of the suffix (Ikoro 1996:153-4). In closely related Gokana causative *-(C)è* is L tone, while anticausative *-a* is toneless (personal notes).

(iv) In Katla (Kordofanian) some extensions have independent tone, e.g. comitative *-òŋ/-áŋ* and goal *-àŋ* (Hellwig 2013:241), while causative *-ka/ka* and applicative *-taŋ/taŋ* “copy their tone from the preceding syllable” (Birgit Hellwig, pers.comm.).

Mande languages generally do not have verb extensions. However, where suffixes do occur, they appear to undergo a general process of tonal reduction (“compacité”) which normally applies to compounds, e.g. in Maninka du Niokolo:

“A l’exception du suffixe résultatif *-’riŋ* ~ *-’liŋ* ~ *-’diŋ* et du suffixe causatif *-’ndiŋ*... les suffixes dérivatifs ont un comportement tonal qu’on peut décrire très simplement en posant qu’ils ne comportent structurellement aucun ton haut et que la base à laquelle ils s’attachent est modifiée exactement comme dans une construction à compacité tonale” [Creissels 2013:28].

However, it should be noted that of the 22 derivational suffixes listed by Creissels [2013: 54-57], only two are shown to uniquely involve V → V derivation, namely, causative *-’ndiŋ* and antipassive *-ri* ~ *-li* ~ *-diri*, the latter of which is mostly used to set up a verb for nominalization (p.56). On the other hand, Creissels [2016: 62-64] shows that causative *-ndí* has H tone and antipassive *-ndì* has unique tonal properties in Soninke.

5. Discussion

It is clear that extension tones have to be considered in any attempt to establish the tones of PNC and their reflexes in the different subbranches. Assuming the normal grammaticalization scenarios by which suffixes come from free morphemes (which in turn carry tone), two outstanding questions are: (i) What causes derivational suffixes to lose their tone? (ii) Why should this affect derivational suffixes more than inflectional? The answer I would like to propose is lexicalization: Derivational morphology creates new lexical items, which speakers may ultimately store, rather than productively generate, as is also the case with compounding. What is stored ultimately undergoes fusion, erosion, and other reduction processes, including the loss of the suffixal tone. On the other hand, inflectional morphology, unless irregular, is generally not lexicalized, rather is expected to apply across the board to the appropriate bases, e.g. tense, aspect, mood marking on verbs. Of course inflectional morphemes can become toneless as well, or even lost in the case of languages which do not inflect verbs morphologically, but this is not driven by lexicalization.

The above natural history (rise and fall) feeds into the task of determining whether the extensions we find are ancient or relatively new. If they were obviously cognate, we could be certain. The problem is that they are small (typically one or two segments) and can easily give the false impression of cognate — even across unrelated languages (Hyman 2014). The following table summarizes some of the clues to determining the age of an extension, including tone:

Table 13. Clues to determining the age of a verb extension

if relatively young, we expect an extension to ...

- have a transparent source in a verb or preposition
- have no cognates or only in closely related languages
- be functionally/semantically transparent
- occur only where corresponding roots exist
- be further from the root than other suffixes
- be syntactically dependent
- be CV, easily segmentable from other forms
- not have allomorphs
- have its own contrastive tone (like enclitics)

if relatively old, we expect an extension to ...

- have an opaque or no source in a verb or preposition
- have cognate forms in distantly related languages
- have multiple, unpredictable functions
- have frozen forms without any corresponding verb root
- be closer to the root than other suffixes
- be syntactically independent
- be V(C), more fully integrated with the base
- have allomorphs
- receive its tone from verb or inflection

The last point concerning tone can be illustrated by means of the tonally contrastive verb extensions from languages from different African stocks, all of which have verb extensions (see Table 14). Since these extensions have recently been created from the verbs on the right, they still have an inherent tone. It is only with age that their tone will give way to the lexical tone of the verb or to the tone of the tense-aspect configuration.

Table 14. Recently developed verb extensions in unrelated languages

Vute	(Bantoid)	-nà	applicative	<	nà	‘to give’	(Thwing 2006:4)
		-lé	‘in, into’	<	lé	‘to enter’	(Thwing 2006:27)
Khoe	(Central Khoisan)	-mà	benefactive	<	mà	‘to give’	(Kilian-Hatz 2005:130)
Margi	(Chadic)	-bá	‘outward’	<	bà	‘to go out’	(Hoffmann 1963:124)

6. Conclusion

So where we do stand? It is likely that PNC had two tones, *H and *L, as others have asserted, as there is no evidence of any more (or less). PNC verbs roots had a binary contrast, *H vs. *L, which some languages either lost or expanded. Finally, PNC verb extensions may have had contrastive tone, even though they appear to be toneless in most daughter languages (a more thorough survey is currently in progress). With respect to this last point, outside of the Chichewa and causative *-i- and passive *-o- cases discussed in §4, I have found no evidence of contrastive tone on any of the cognate extensions that can be reconstructed back to PNC (or close to it), e.g. those Gur shares with PB:

Table 15. Moore-Proto-Bantu verb extension correspondences

<i>Moore</i> (Canu 1976)		<i>Proto-Bantu</i> (Meeussen 1967; Schadeberg 2003)
	be in a state	*-ib-o- passive
-d	produce by putting into a state	*-oI- reversive transitive (?)
-d	locative	*-iI- applicative
-g	put into a state	*-iK- impositive
-g	repeated action, intensive	*-a(n)g- plural, durative
-g	inversive	*-oK- reversive intransitive
-I	amplitude, certitude	*-iIiI- completive, intensive
-m	positional	*-am- stative (positional)
-s	causative	*-IS- causative

This raises the question of whether those extensions which do have independent tones have been independently innovated subsequent to the break-up of the NC sub-branches.

Where to go from here? It is easy to say, but more historical work is needed to determine if verb root tones in other branches further confirm PNC *H and *L and whether verb extension tones can be reconstructed, either at the PNC or a pre- or post-PNC stage.

References

- Bastin, Yvonne, André Coupeuz, Evariste Mumba, and Thilo C. Schadeberg (eds). 2002. Bantu lexical reconstructions 3 / Reconstructions lexicales bantoues 3. Tervuren: Royal Museum for Central Africa, online database: <http://linguistics.africamuseum.be/BLR3.html>
- Blench, Roger. 2004 [2016]. The Benue-Congo languages: a proposed internal classification. Working document on line http://www.rogerblench.info/Language/Niger-Congo/BC/General/Benue-Congo_classification_latest.pdf
- Blench, Roger & Kay Williamson. 2015. Izon verbal extensions. *Studies in African Linguistics* 44.59-73.
- Canu, Gaston. 1976. *La langue mò:rē*. Paris: Société d'Etudes Linguistiques et Anthropologiques de France.
- Childs, G. Tucker. 1995a. *A grammar of Kisi*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Childs, G. Tucker. 1995b. Tone and accent in Atlantic. In Anthony Traill, Rainer Vossen & Megan Bieseke (eds), *The complete linguist: Papers in memory of Patrick J. Dickens*, 195-215. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Creissels, Denis. 2013. Le maninka du Niokolo (Sénégal oriental). *Mandenkan* 49.
- de Wolf, Paul. 1971. *The noun class system of Proto-Benue-Congo*. The Hague: Mouton.
- Creissels, Denis. 2016. Phonologie segmentale et tonale du soninké (parler de Kingi). *Mandenkan* 55.3-174.
- Dimmendaal, Gerrit. 1978. *The consonants of Proto-Upper Cross and their implications for the classification of the Upper Cross languages*. Doctoral dissertation, University of Leiden.
- Ebarb, Kristopher. 2012. *Tone and variation in Idakho and other Luhya varieties*. Doctoral dissertation, Indiana U.
- Elias, Philip, Jacqueline Leroy & Jan Voorhoeve. 1984. Mbam-Nkam or Eastern Grassfields. *AfÜbersee* 67.31-107.
- Elders, Stefan. 2008. *Grammaire kulango (parler de Bouna, Côte d'Ivoire)*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Greenberg, Joseph H. 1948. The tone system of Proto-Bantu. *Word* 4.196-208.
- Guthrie, Malcolm. 1967-1971. *Comparative bantu*, vols. I-IV. London: Gregg Press.
- Heath, Jeffrey. 1999. *A grammar of Koyra Chiini*. Berlin & New York: Walter de Gruyter.
- Hellwig, Biirgit. 2013. Verbal morphology in Katla. In Thilo C. Schadeberg & Roger M. Blench (eds), *Nuba mountain studies*, 237-249. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.

- Hoffmann, Carl. 1963. *A grammar of the Margi language*. Oxford University Press.
- Hombert, Jean-Marie. 1984. Les systèmes tonals des langues africaines: typologie et diachronie. *Pholia* 1.113-164, Laboratoire Dynamique du Langage, Université de Lyon 2/CNRS.
- Hyman, Larry M. 1979. Index of Proto-Grassfields Bantu roots. Ms. University of California, Berkeley.
- Hyman, Larry M. 1981. Noni grammatical structure. Southern California Occasional Publications in Linguistics 9. Los Angeles: Univ. of So. California. http://gsil.scil.org/pubs/SCOPILS_6_7_8_9/Noni_grammatical_structure.pdf
- Hyman, Larry M. 2007. Niger-Congo verb extensions: Overview and discussion. In Doris L. Payne & Jaime Peña (eds), *Selected proceedings of the 37th Annual Conference on African Linguistics*, 149-163. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project.
- Hyman, Larry M. 2014. Reconstructing the Niger-Congo extension paradigm: What's cognate, copied, or renewed? In Martine Robbeets & Walter Bisang (eds). *Paradigm change: In the Transeurasian languages and beyond*, 103-125. Amsterdam: John Benjamins.
- Hyman, Larry M. & Francis X. Katamba. 1990. Spurious high-tone extensions in Luganda. *South African Journal of African Languages* 10.142-158.
- Hyman, Larry M. & Al Mtenje. 1999. Non-etymological high tones in the Chichewa verb. *Malawian Journal of Linguistics* 1.121-256. (Published with font problems. Contact me for cleaner version.)
- Ikoru, Suanu. 1996. *The Kana language*. Leiden: Research School CNWS.
- Kilian-Hatz, Christa. 2005. Verbal derivation in Khwe (Central Khoisan). *Annual Publication in African Linguistics* 2.109-135.
- Marlo, Michael & Kristopher Ebarb. 2010. Non-spurious H-toned extensions in Nyala-West. Paper presented at the 41st Annual Conference on African Linguistics, University of Toronto, May 6-8, 2010.
- McGill, Stuart John. 2009. *Gender and person agreement in Cicipu discourse*. Doctoral dissertation, School of Oriental and African Studies, University of London.
- Meeussen, A.E. 1967. *Bantu grammatical reconstructions*. Tervuren: Musée Royal de l'Afrique Centrale.
- Meeussen 1969[1980]. *Bantu lexical reconstructions*. Tervuren: Musée Royal de l'Afrique Centrale.
- Mukarovsky, H. 1976-77. *A study of Western Nigritic*, 2 vols. Wien: Institut für Ägyptologie und Afrikanistik der Universität Wien.
- Nurse, Derek. 2008. *Tense and aspect in Bantu*. Oxford University Press.
- Rennison, John R. 1997. Koromfe. (Descriptive Grammars Series). London and New York: Routledge.
- Rose, Sharon. 2013. The morphological structure of the Moro verb. In Thilo C. Schadeberg & Roger M. Blench (eds), *Nuba mountain studies*, 25-55. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.

- Sachot, Rosine épouse Santos. 1996. *Le mey: Langue Ouest-Atlantique de Guinée*.
Doctoral dissertation, Université de la Sorbonne Nouvelle Paris 3.
- Sande, Hannah Leigh. 2016. Contrast maintenance and neutralization in Guébie morphophonology. Ms. University of California, Berkeley.
- Schadeberg, Thilo C. 1977. Anticipation of tone: Evidence from Bantu. In P. F. A. Kotey & H. Der-Houssikian (eds), *Language and linguistic problems in Africa*, 195-204. Hornbeam Press.
- Schadeberg, Thilo C. 2003. Derivation. In Derek Nurse & Gérard Philippson (eds), *The Bantu languages*, 71-89. London: Routledge.
- Stewart, John M. 2002. The potential of Proto-Potou-Akanic-Bantu as a pilot Proto-Niger-Congo, and the reconstructions update. *Journal of African Languages and Linguistics* 23.197-224.
- Thwing, Rhonda. 2006. Verb extensions in Vute. Ms. SIL.
- Williamson, Kay & Roger Blench. 2000. Niger-Congo. In Bernd Heine & Derek Nurse (eds), *African languages: An introduction*. Cambridge University Press.
- Williamson, Kay, Roger Blench, & Chinyere Ohiri-Aniche. 2016. Comparative igboid. Ms.

Olga Ivanova

*Department of Linguistics, University of California Los Angeles
olga.ivanova@ucla.edu*

LINGUISTIC ENCODING OF AGENCY IN NATURALLY OCCURRING INTERACTION¹

1. Introduction

Agency, its performance and grammatical encoding, is a topic of long-standing interest in linguistics and linguistic anthropology [Ahearn 2001, 2010; Duranti 1994, 2001, 2004]. Few studies have, however, addressed linguistic characteristics of agency in multilingual interactions. This paper offers some observations regarding agency based on the analysis of naturally occurring talk about social gender in Nairobi, Kenya. Kenya is an East African country with two official languages, Swahili and English. While for the majority of the population none of these languages is the first language, both languages are used widely and predominantly. A public debate about gender roles in family planning among ordinary Kenyans represents a productive site for studying resources afforded by multilingual interactions for performing agency.

2. Agency in context

Agency is a heavily loaded term in both social sciences and development discourse. While the mundane understanding of agency—as an entity able to produce a particular outcome—is preserved to some extent across the disciplines, the definition is a subject of a long-term debate.

2.1. Agency in development discourse

In development discourse, the concept of agency has a central importance as the objective of interventions and campaigns in and out of itself. The recent publication by the World Bank entitled “Voice and agency: Empowering girls and women for shared prosperity” that synthesizes public health, sociological, and economic research defines agency “the capacity to make decisions about one’s own life and act on them to achieve a desired outcome, free of violence, retribution, or fear. *Agency* (italics in original) is sometimes defined as “empowerment” [Klugman et al. 2014: 1].

¹ This paper is a version of the talk presented at the annual meeting of the American Anthropological Association in Denver, Colorado, 2015.

3.1. Agency in (linguistic) anthropology

In humanities and social sciences, the definition of agency that is synonym of free will, intentionality, and thus, empowerment, is a subject of critique for its reductionism [Ahearn 2001]. Instead, Ahearn [2001: 112] suggests that agency “refers to the socioculturally mediated capacity to act, and in line with Duranti [1994: 120] draws our attention to closely examining language use as a way of “how people reproduce and transform both language and culture.”

In this paper I will operate with the somewhat complex definition of agency offered by Duranti [2004: 453] as “the property of those entities (i) that have some degree of control over their own behavior, (ii) whose actions in the world affect other entities’ (and sometimes their own), and (iii) whose actions are the object of evaluation (e.g. in terms of their responsibility for a given outcome).” I will demonstrate that in the context of multilingualism, the encoding of semantic roles is not limited to the use of particular transitive constructions, and code-switching becomes one of the powerful resources available to speakers to perform agency.

3. Data and method

Three unrelated episodes of the televised opinion show *Matatu* were selected for the analysis [MatatuTVKenya 2011a, 2011b, 2012]. Recorded and aired in 2011-2012, the episodes address the topic of importance of family planning, its methods, and men’s role. As indicated by these topics, the *Matatu* show has a liberal agenda and is an example of the development discourse. The program was launched in 2010 by the non-governmental organization *Made in Africa TV* in Kenya, Tanzania, and Uganda with the goal to create a forum where “common people’s voices can be heard on a wide cross section of public interest issues” [Made in Africa TV, 2015]. This goal is afforded by the novel approach to the studio space and the format of the show. The show is recorded daily in a specially equipped minibus that is the most commonly used means of public transportation in East Africa. Every weekday morning a crew of two show hosts, a camera man, an editing producer and a driver recruit participants from ordinary passengers on regular city bus stops and deliver them to their destination free of charge. Each bus ride takes about two hours, during which passengers are asked to express their opinion on two different topics that have relevance to current political, economic, and societal affairs, and are carefully selected by a team of program’s staff researchers. All participants, men and women, young and old, remain unnamed and may

leave the bus on demand. The recorded material is then edited into a 30-minute long episode aired on the same evening.

The selected episodes were analyzed with the methods of discourse [Duranti 2006; C. Goodwin 1994; M. H. Goodwin 1990; Ochs 1979] and conversation analysis [Heritage 1984; Hutchby & Wooffitt 2008; Sacks Schegloff, & Jefferson 1974] with the particular interest to the turn design and the organization of the talk. The discussion in the analyzed episodes revolved around such topics as the benefits of modern family planning methods, men's involvement in family planning, and myths and misconceptions about modern family planning methods. Male and female participants generally agreed that Kenyans would benefit from reducing family size, primarily due to economic reasons. The majority of speakers expressed, however, their distrust and dissatisfaction with available methods due to perceived side effects, such as hormonal imbalance, nausea, weight gain, and possible infertility. While agreeing on most points, program participants debated the question of male involvement in particular. In these discussions, men's authority was indexed [Ochs 1992] through the use of predicative expressions, as well as strategic code-switching. Women, in comparison, discursively were assigned the role of patient or undergoer.

4. Swahili grammar and agency

In the analyzed episodes, male and female participants speak Swahili and English. Swahili is a Bantu language, Niger-Congo macro family. It is an agglutinative language, meaning that each morpheme corresponds to one grammatical meaning, and the boundaries between morphemes are clearly marked. Nouns in Swahili are organized in a system of classes based on their morphological and semantic characteristics. Swahili has SVO word order. While research has demonstrated certain non-nominative features in Swahili [Желтов 2010], it is generally characterized as a nominative-accusative language, which means that various semantic roles of a subject, including agent, actor, and patient, are expressed in the same manner. The following table demonstrates common semantic roles in English [based on Ahearn 2001: 121] and in Swahili:

Agent	Pabi read the book.	Pabi a-li-soma kitabu. PN SUBJ.CL1-PST-read book
Actor	Shiva danced.	Shiva a-li-cheza. PN SUBJ.CL1-PST-dance
Perceiver	Tika heard the news.	Tika a-li-sikia habari. PN SUBJ.CL1-PST-hear news
Instrument	The stone broke the window.	Jiwe li-li-vunja dirisha. stone SUBJ.CL5-PST-break window
Patient/ Undergoer	The old woman died.	Mwanamke mzee a-li-kufa. woman old SUBJ.CL1-PST-die

Table 1. Grammatical marking of semantic roles in English and Swahili

The language of ordinary Kenyans may diverge from the standard versions of English and Swahili represented in this table. Swahili-English code-switching is a ubiquitous practice in urban Kenya. The similarity in word order and in the grammatical marking of semantic roles in these primarily nominative-accusative languages allows for easy incorporation of English borrowings into Swahili syntax, as well as code-switching at clausal and phrasal boundaries.

5. Agency in naturally occurring Swahili-English interactions

The first excerpt² demonstrates a typical interaction on *Matatu* about family planning methods. Here, in response to the host's question about what methods they have heard about, several speakers, both male (indicated as M) and female (indicated as F), volunteer with their answers.

- (1) 01 F1: ***Najua pills, najua Norplant, najua coil.***
 'I know pills, I know Norplant, I know coil.'
 02 ***Najua female condom, male condom,***
 'I know female condom, male condom,'
 03 ***hata kuna nyingine method zingine nimesahau jina lake?***
 'even there is another, other methods, I forgot its name,'
 04 ***but normally wanaume unaona inaclosiwa.***

² This excerpt comes from a continuous recording available on the Youtube. Visible cuts are marked. Non-standard English and Swahili are preserved in the first line; Swahili is marked with bold font. Lines are numbered for the ease of reference.

- 05 ‘but normally men, you see, it is closed (for them).’
If they want make a woman to get pregnant wanaenda tena?
 ‘If they want make a woman to get pregnant they go again’
- 06 **inafungu- (na wewe chela-)**
 ‘it is opened (for them)’
- 07 <CUT>
- 08 M1: *That method is called vasectomy.*
- 09 F1: *Vasectomy. Yeah.*
- 10 M1: *And it’s not famous especially (za) men. They are (())*
 ‘And it’s not famous especially (among) men. They are (())’
- 11 F1: *They don’t like it.*
- 12 M1: *Yeah.*
- 13 M2: *It’s really bad actually.*
- 14 M1: *Yeah.*
- 15 <CUT>
- 16 F2: ***Mie hapa. Mie ni mother. Nimemarrika.***
 ‘I am here. I am a mother. I am married.’
- 17 ***Lakini sipendi, yaani napenda tu acha***
 ‘But I don’t like (them), I mean I like just (stop having sex)’
- 18 ***sababu hizo zinaniaffect, zinanifanyia (nikue) (msu).***
 ‘because these (contraceptives) affect me, they make me (()).’
- 19 ***Naloose shape. Na mie sipendi kuloose shape yangu.***
 ‘I loose shape. And I don’t like loosing my shape.’

The female participant F1 begins by listing available contraceptive methods, mentioning two male-based methods—condom and vasectomy. She expresses her lack of familiarity with the latter when she cannot remember the correct name. A male participant M1 helps her with the word choice by suggesting *vasectomy*. M1 adds his assessment of the method as being *not famous* among men (line 10). Other passengers display their agreement with this stance not only by intensifying *famous* as *they don’t like it* (line 11), but also reformulating the statement about men’s preferences in terms of truism *it’s really bad actually* (line 13). This strategy of presenting men’s point of view in absolute terms by using a predicative expression is a typical way of constructing men’s authority in the debates on family planning.

In comparison to predicative expressions that represent universal state of affairs, the female speaker F2 positions herself as an undergoer of negative processes induced by family planning methods (line 17, 18). F2 bases her argument on deeply personal experiences that she lived through in her body. Drawing on personal experiences that are generally not available to men, is

potentially a winning argumentative strategy. In the analyzed episodes of the public debate on family planning, however, experiential evidence decreased the power of the argument as local, limited, and not consequential to the societal order in general.

The following excerpt (2) from another episode demonstrates similar argumentative strategies where men are talked about in absolute terms and women's point is presented as individual, hardly generalizable experiences. In this excerpt, a female host (H-F) engages a male participant (M3) in a discussion about male-based contraceptives. Other participants, in particular the female speaker F4, join the discussion.

- (2) 01 H-F: *Keeping in mind that **hapa sasa kwa Matatu tunasema***
'Keeping in mind that here now on Matatu we say that'
02 *it's important to use contraceptives,*
03 ***lakini places zingine iko marural areas especially***
'but there are other places, especially in rural areas.'
04 *men especially are totally against that.*
05 F?: *Yes.*
06 H-F: ***Kwa nini?***
'Why?'
07 M3: *It's- it's not African. So:*
08 *Getting it need done to: a lot of mens*
09 *minds that you should use a condom, **ama:***
'meaning that you should use a condom or'
10 ***umwambie** why you should have two, three children,*
'you should tell him (a man) why you should have two, three children'
11 ***ha- hataelewi.***
'he won' - he won't understand.'
12 <CUT>
13 H-F: *From the start of the year, Mary Stopes **huko** Kisumu,*
'From the start of the year, here in Mary Stopes in Kisumu,'
14 *They have only done six vasectomies on six men yeah?*
15 *Uh why is it that men are totally against-*
16 ***Kwa nini mnakataa maneno hayo ya vasectomy hivo?***
'Why do you reject these words of vasectomy in such way?'
17 M3: *It's inhuman.*
18 H-F: *It's inhuman?*
19 M3: *Yeah. It's im- eh- e::hm- em- mutila- male mutilation.*
20 M4: *Yeah.*
21 F3: *Yes.*

- 22 F4: A::h!
23 M3: *It should be discouraged.*
24 F4: *It is? You know, I love how selfish men are,*
25 *And I love (when) **watu wanainsist** on being African at some times*
‘And I love when people insist on being African at some times’
26 *and civilized at other times. Ah?*
27 *When it comes to carrying a burden or sharing something in the house*
28 ***unapata wanaume hawataki.***
‘you get that men don’t want.’
29 ***Na hata society imeagree ni mwanamke atabeba hii mzigo.***
‘And even society has agreed that woman will carry this burden.’

The female host H-F poses a general question about men’s behavior in Kenya and selects male speaker M3 as the respondent. M3 readily aligns with the course of action and provides an answer *It’s not African* (line 07). This account is formulated as a predicative expression that conveys shared ideology. M3 describes the attempt to limit family size and the practice of using condoms as outside of traditional social order and men’s epistemic access—family planning practices are beyond their understanding (lines 10-11).

When the host specifies the question and draws attention to vasectomy as a contraceptive method readily available to Kenyan men, M3 not only continues formulating his argument in form of predicative expression (line 17, line 19), but also by using code-switching strategically draws on the development discourse. The word choice *inhuman* (line 17) and *male mutilation* (line 19) clearly refers to discourses about female circumcision—a practice that is still observed in some parts of Kenya. In Swahili, female and male circumcision is referred to with the same word *tohara* that literally means “purity, cleanliness” [Krapf 1964 [1882]: 375]. As a part of international campaigns to eradicate the practice of female circumcision worldwide, a specific terminology that avoids any positive connotations with this practice was created. For this purpose, the English term *female genital mutilation* is translated to Swahili as *ukeketaji* ‘cutting with something blunt or in saw-like motion’ [TUKI 2001: 132]. In this *Matatu* excerpt, M3 brings into the discussion about vasectomy the associations with the illegal practice of mutilation. The formulaic *It should be discouraged* (line 23) again comes from the discourse of bureaucracy and solidifies the speaker’s point with institutional credibility. Ironically, the participant re-uses the discourse of development to build a strong opposition against the development campaigns promoting male involvement in family planning.^[17]_{:SEP:}

The formulaic, impersonal statements produced by M3 contrast dramati-

cally with the contribution by the female speaker F4 who volunteers with her critique in line 24. F4 clearly addresses her critique to the prior speaker and even incorporates his statements in the form of reported speech. At the same time, she selects to avoid a direct insult by using a generalized *you* in “And I love when people insist on being African at some times and civilized at other times” (line 25-26). The sarcastic *I love* that F4 uses to preface her utterances not only displays her stance toward the issue at stake, but also unwittingly weakens her position as exclusively individual, not representative of the societal order. ^[11]_[SEP]

In the analyzed data, women were discursively constructed as subjects who actively take an agentive role in a subversive manner. While women are denied particular discursive agency—they are not expected to initiate discussion and announce decisions—they assert their agency through action. They carry and raise children, go to the hospital, insert implants and coils, get injections, take pills, and suffer the influence of side effects. Excerpt (3) shows how female participants may reinforce traditional gender norms by insisting on discursive discretion.

- (3) 01 F: ***Kuna mahali inaweza (wa)fikia nitumie***
‘It can come to the point where I should use
(contraceptives)’
02 (()) ***yaani nyuma ya mgongo yake kama amekataa.***
‘even behind his back if he refuses.’
03 ***Lakini hakuna wakati shingo itapanda juu ya kichwa.***
‘But never does the neck climb above the head.’

This excerpt illustrates the language ideology that denies women discursive agency. Taking actions without men’s formal consent (line 02) is framed as the expression of female agency. The proverbial “neck doesn’t climb above the head” restates the idea of justified inequality in male and female gender roles.

The goal of this paper was to understand what linguistic resources for encoding agency are used by multilingual speakers. It appears that men and women preform agency in different domains and in a different manner. While men are assigned the discursive agency around decision-making, women are expected to take agentive actions discretely. Men’s authority is constructed through such linguistic strategies as using predicative expressions and employing development discourse, particularly through code-switching from Swahili to English. Women’s drawing on personal experiences—lexically and through the semantic roles of patient/undergoer—limits generalizable qualities of their argument. Further systematic research on talk in naturally

occurring interactions is necessary for improving our understanding of the correlation between linguistic forms and their social meaning.

Abbreviations and transcription conventions

CL — noun class prefix (word) — unclear utterance, best guess
PST — past tense (-*li*-) (()) — unclear utterance
SBJV — subjunctive

References

- Желтов 2010 — А. Ю. Желтов. Неноминативность в нигер-конго // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика 1. P. 70–82.
- Ahearn 2001 — L. M. Ahearn. Language and agency // *Annual Review of Anthropology* 30. P. 109–137.
- Ahearn 2010 — L. M. Ahearn. Agency and language // J. Jaspers, J.-O. Östman, J. Verschueren (Eds.), *Society and Language Use*. Amsterdam: Benjamins. P. 18–48.
- Duranti 1994 — A. Duranti. From grammar to politics: Linguistic anthropology in a Western Samoan village. Berkley: University of California Press.
- Duranti 2001 — A. Duranti. Performance and encoding of agency in historical-natural languages // *The Texas Linguistic Forum* 44. P. 266–287.
- Duranti 2004 — A. Duranti. Agency in language // A. Duranti (Ed.). *A Companion to Linguistic Anthropology*. Malden, MA; Oxford, UK; Victoria, Australia: Blackwell Publishing Ltd. P. 451–473.
- Duranti 2006 — A. Duranti. Transcripts, like shadows on a wall // *Mind, Culture, and Activity* 13, 4. P. 301–310.
- Goodwin 1994 — C. Goodwin. Professional vision // *American Anthropologist* 96:3. P. 606–633.
- Goodwin 1990 — M. H. Goodwin. He-said-she-said: talk as social organization among Black children. Bloomington: Indiana University Press.
- Heritage 1984 — J. Heritage. Garfinkel and ethnomethodology. Cambridge [Cambridgeshire]; New York: Polity Press.
- Hutchby, Wooffitt 2008 — I. Hutchby, R. Wooffitt. *Conversation analysis*. Cambridge: Polity.
- Klugman et al. 2014 — J. Klugman, L. Hanmer, S. Twigg, T. Hasan, J. McCLeary-Sills, J. Santamaria. *OKR: Voice and Agency: Empowering Women and Girls for Shared Prosperity*. Washington, DC: World Bank Group, 2014.
- Krapf 1964 [1882] — J. L. Krapf. *A dictionary of the Suahili language*. Farnborough, Eng.: Gregg Press, 1964 [1882].
- Made in Africa TV 2005 — Made in Africa TV. *Minibuzz: Turn up the voices*. Retrieved October 29, 2015, from <http://miatv.co/miatv/minibuzz/>

- MatatuTVKenya 2011a — MatatuTVKenya. Je, ni zipi hadithi zisizo za ukweli kuhusiana na upangaji uzazi? Matatu Kenya 30 11 2011 - YouTube. Retrieved November 10, 2015, from <https://www.youtube.com/watch?v=4-vAqztwYjo>
- MatatuTVKenya 2011b — MatatuTVKenya. Je, manufaa ya kutumia njia tofauti za upangaji uzazi ni zipi? Matatu Kenya 17 12 2011 - YouTube. Retrieved November 10, 2015, from <https://www.youtube.com/watch?v=hy96nMawcpo>
- MatatuTVKenya 2012 — MatatuTVKenya. Je, unaona umuhimu wa kupanga uzazi? MatatuKenya 05 10 12 - YouTube. Retrieved November 10, 2015, from <https://www.youtube.com/watch?v=1pKgB8IH4cM>
- Ochs 1979 — E. Ochs. Transcription as theory // E. Ochs, B. Schieffelin (Eds.). *Developmental pragmatics*. New York: Academic Press. P. 251–268.
- Ochs 1992 — E. Ochs. Indexing gender // A. Duranti, C. Goodwin (Eds.). *Rethinking context: Language as an interactive phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 335–358.
- Sacks, Schegloff, Jefferson 1974 — H. Sacks, E. A. Schegloff, G. Jefferson. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // *Language* 50:4. P. 696–735.
- TUKI 2001 — TUKI. *Kamusi ya Kiswahili-Kiingereza: Swahili-English dictionary (Toleo la 1)*. Dar es Salaam: Taasisi ya Uchunguzi wa Kiswahili, Chuo Kikuu cha Dar es Salaam.

Rudolf Leger

Goethe University Frankfurt am Main, leger@em.uni-frankfurt.de

INTERPRETATIONS OF DREAMS AMONG THE FULANI IN NORTHEASTERN NIGERIA

In nearly all societies in this world dreams play a great role in individual, sometimes even in social life. It may go back to an universal idea based on an archaic concept, that every dream has a certain sense. A dream may be cryptic, enigmatic and mysterious referring to what one has — to the good or bad — experienced in the past; a dream may refer to a bright or dark future and in the most horrible sense it can be a nightmare with terrifying visions. But what makes a dream either so fascinating, sometimes charming, pleasant, spellbinding or at times so boring, dull, frightening or even scary? And what makes a dream so inimitable, unique and exceptional in human life? The answer for that may probably lie in the fact that a dream can basically not be manipulated and it can neither be controlled by the dreamer nor an outsider can exercise any influence upon it. A dream is, therefore, something ominous acting on every individual; it is a direct and straight ‘omen’, occurring to all human beings independently of age, social prestige or financial standing. It is a strong natural phenomenon — and this natural phenomenon essentially requests to be explained in one or the other way, reminding that interpretations of dreams may tell us sometimes more about the way of living of a society, of its region or its epoch than usual literature. Many cultures have or have had a long tradition in it. One may think of interpretations of dreams dating back to the 13th century B.C. in China as well as to Ancient Egypt (cf. the Chester-Beatty Papyrus at nearly the same time); in the Middle Age it may be referred to Girolamo Cardano (1501-1576) as having been one of the greatest humanist exegeting dreams and finally Sigmund Freud should be mentioned in our modern times where dream interpretation has found its last manifestation in psychoanalysis, cf. [Lackner 1989: 9-11].

What fitted for the worldly wisdom of dreams and their interpretations in principle, may also be described here for the Fulani, an ethnic group living in the entire Sudan zone of West-Africa. “They roughly can be divided into two groups, i.e. the nomadic and sedentary Fulani” [Abu-Manga 1986: 5]. The pastoral Fulani move in a so called «transhumance» with their cattle across the Sudan/Sahel zone of West and Central Africa from Senegambia to the Ethiopian Highlands and the sedentary Fulani «played an important role in

shaping the history of West Africa» [Abu-Manga 1986: 5]. Manifold are the theories of their origin. Some seek the original homeland of the Fulani in Malaysia or Polynesia, some others in Egypt, in India or in the Caucasus, in Syria and even in Canada (!). For those reasons they were ethnically associated with Dravidians, Gypsies, ancient Hebrews, Romans, Arabs and Berbers, cf. [Krause 1884: 10; Taylor 1953: ivf.; Kirk-Greene 1958: 22]. The most probable theory, however, is that they have been living in the Sahara from where — due to the progressive desertification — they were forced around the 4th to the 2nd millennium B.C. to migrate to the Senegambian region from where they started their eastwards movements in the 13th to 16th century A.D., cf. [Leger 2014: 185]. The fantastic theories about their origin were also transferred to their language, the Fulfulde or Pular, as the language is commonly known. cf. [Jungraithmayr, Möhlig 1983: 87]. It was considered irregular, intricate and full of exceptions. cf. [Krause 1884: 12; Engeström 1954: 8-10], which bears the “same relationship to the other Hamitic languages — and perhaps Bantu — as the ‘Parent Indogermanic’ language does to the languages of Europe and western Asia; or perhaps it might prove to be the long-sought link between the Semitic and the Indo-Germanic languages” (cf. [Taylor 1953: xi] based on [Meinhof 1912]). As of now Fulfulde belongs to the Atlantic family of the Niger-Congo phylum and is one of the most prominent class language in Africa [Leger 2014: 186]. It is spoken with various dialects in Senegal-Gambia, Futa Jalon and upper middle Niger, upper Burkina Faso, Nigeria, Adamawa Highlands in Cameroon and Baguirmi in Chad as well as in the Republic of Sudan, just to mention the main regions of their settlements [Gottschligg 1992: 49f.]. Despite their involvement with different peoples during their migration in the Sudan/Sahel zone and despite their separation in ‘pastoral’ and ‘sedentary’ societies, the Fulani believe in one uniting general rule called «Pulaaku», i.e. the way a real Fulani has to live and to behave [Vereecke 1986: 98]. Therefore “Pulaaku is a Fulani-exclusive marker” [Leger, Mohammad 2001: 301; Leger 2014: 186]. It comprises as the main components: *fulfulde* ‘the Fulani language’; *seemteende* ‘modesty or reserve’, *munyal* ‘patience’, *endam* ‘compassion or kindness’, *ngorgu* ‘bravery’, *neddaaku* ‘dignity or self-respect’ and *hakkiilo* ‘wisdom’ [Riesman 1977: 127f.; Stenning 1965: 369].

The following short texts dealing with the topic of dreams and interpretation of dreams may be ranged or subsumed under the «pulaaku components» *fulfulde* and in particular under *hakkiilo*. Especially *hakkiilo* plays here an important rule, since ‘wisdom’ and all what refers to it in its general sense is by far the most the striking element in interpreting dreams of the Fulani people. To decipher a dream, to analyse the various intriguing

passages, to interpret them accordingly and to explain them is the duty of a learned man or woman. Among the Fulani, men and women alike are — according to my experience — somehow equally entitled in doing so (although I have never been present at such an occasion). The text-passages were collected by my collaborator Malam Umaru Tongo among sedentary as well as migratory Fulani in his (Tongo) area which lies about 60 km north of the capital Gombe (of Gombe State) on the way to Nafada-Fika-Potiskum. They were translated with him and re-analysed with my main Fulfulde collaborator Malam Bappayo Bappah Djibril.¹ The text-passages chosen here deal solely with dreams in which birds or flying birds play a role. For the most part they seem to occur in dreams much more than other subjects or topics (like thunder, clouds, moon, stars, cows, poverty, garments, immigration, etc.), which is a bit peculiar, since proverbs and fairy tales relating to birds are not so frequently found in my whole Fulfulde corpus (mainly of Gombe-Adamawa and less of Bauchi dialects). The transcription of the texts agree with the (tape)recordings, although I have not written the glottal stop in front of a word beginning vowel nor I have changed the length of vowels and/or consonants which in several cases may deviate from the «Standard Gombe-Adamawa dialect» of Fulfulde (cf. [Klingenheben 1963]) and — with a few exceptions — no loan words (mainly coming from Hausa) are indicated. In the translation I basically have adhered to the original text and in only in a few cases I added the literal meaning for a more supportive understanding.

The term for ‘dream’ (in ‘Gombe-Adamawa Fulfulde’) is *koydøl* pl. *koydi* and for ‘dreamer’ *koydoo* (sometimes also *koydoowo*) pl. *hoydoobe* (cf. also [De Wolf 1995: 130]) and the general term for ‘bird’ is *sonndu* pl. *colli* and the diminutive form is *colel* pl. *colon*. In our examples, however, we find in singular as well as in plural the dialectal variations *shoonda* and pl. *sholli*, the diminutive *sholel* (pl. *sholon*). As an introductory sentence the standard formula *A hoydi bano [...]* – you have dreamed [...] of (lit. ‘like, around, about, or so’) is always employed. And the texts of interpretations of dreams concerning birds start as follows: *doo boo dum wii sholli a yidi annda* ‘Here also (meaning apart from other topics) it is referred (lit. ‘said’) to birds you like to know’.

¹ I am deeply indebted to both of them for assisting me in translating and interpreting the texts which were collected within the framework of the “Sonderforschungsbereich Westafrikanische Savanne“ during the years 1999-2000 financed by the Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG).

Gertogal pl. **gertoode** ‘hen, chicken’

A hoydì bano gertogal ‘You dream of a hen’.

To o debbo hoydì ngal o waday barka woje yeeso jama’aare. ‘If (she) a woman dreams of a hen (lit. ‘of it’) she will receive (lit. ‘make’) blessings by the people in public’. *To o gorko hoydì gertogal o waday goddùm afaanu.* ‘If (he) a man dreams of a hen (lit. ‘it’) he will get something useful’. *To boo o yii waato shofe gertoode den boona?* ‘If again she (!) sees (in the dream) chicken and hens (then) what does this mean (lit: ‘is it’)?’ *To doo dùm wii a hebay goddùm dùm deftinoojum ma bernde sheyoda boo har rowbe moofto be mballuma seyo.* ‘If it is so (lit. ‘if here it is said’) you will find something that will cool down your mind and it can be anticipated (lit. ‘until) that women will gather and rejoice with you’.

Foonndu pl. **pooli** ‘dove, pigeon’

A hoydì bano foonndu ‘You dream of a dove’.

To a hoydì foonndu hayru tan den boona? ‘If you dream of a pigeon which is alone (lit. ‘only’) (then) what does this mean (lit ‘is it’)?’ *To a gorko a banngay.* ‘If you are a man you will marry’. *Amma to a debbo ndannya binngel.* ‘But if you are a woman you will give birth to a child’. *To a hoydì boo waato mboleeru koo boo alhudahudaaru a hebay kodo.* ‘If you dream so to say (lit. ‘also for example’) about pigeons (of the *mboleeru* type) or of doves of (*alhudahudaaru* type) (then) you will get a stranger (lit. guest)’. *Kodo mo kebtaado waato mardo annadal.* ‘The stranger you will get so to say (cf. above) is a knowledgeable man (lit. ‘possessing knowledge’)’. *Anndudo boo boliide feere-feere.* ‘The knowledge (of this person) will be very different (i.e. of all kinds)’.

Jaanngal pl. **jaande** ‘guinea fowl’

A hoydì bano jaanngal ‘You dream of a guinea fowl’.

To a hoydì jaanngal waato jaanngal ni gootum too ko tegataa pat a waday dùm nder gejitaadi. ‘If you dream of a guinea fowl, meaning (lit. ‘for example’) of a lone (lit. ‘(only) one’) guinea fowl, well (then) you will be doing all things (lit. ‘look for all what you may do) with forgetfulness’.

Daanngal pl. **daande** ‘secretary’ bird’

A hoydì bano agwagwawa ‘You dream of a ‘secretary-bird.’

Amma to a hoydì daanngal a dillay nden boo beldum goddùm waraata e nder lenyol maada koo boo waato bibbe maada; too waato ko hanti koore ma e bibbe. ‘But if you dream of a secretary bird you will go then also and (find) an enjoyment within your relatives (lit. ‘tribe’) and (then) so to say (lit. ‘also

for example’) with your children; well it can also said (cf. above) with your wife and the children’.

Shoonda wolwoleeru pl. **sholli bolwoldi** ‘perrot’ (lit. ‘talking bird’)

Aku pl. idem: (Hausa loan word) is used as well

A hoydi bano agwagwawa ‘You dream of a parrot’.

To a hoydi shoonda wolwoleeru bana ndu aku too doo dum wii dum foodante cikishi. ‘If you dream of a talking bird meaning like a parrot, well here it is said it is (something) soaking on your body’ (*cikishi* < Hausa ‘your female body’). *Too sey a ummoda ndaroda mbiya, Allah hokku wada munyal!* ‘Well, you must wake up and stand and you must say ‘Allah make me patient’ (lit. ‘give and make patience’)!’ *Ngam koome dum wii dum saaloto.* ‘Because anything (bad) which is said it (about you) will pass by’. *Ngam boo a yaray bone to dum iri shoonda wolwooru ndu.* ‘Otherwise (lit. ‘because again’) you will face (lit. ‘drink’) a disaster if this type of that talking bird is around (and your are not following the advice)’.

Agwagwawa pl. idem (Yoruba loan word) ‘duck’

A hoydi bano agwagwawa ‘You dream of a duck’.

Too doo boo a nani shola bana agwagwawa e meemdo boona? ‘Well, here again you hear of a ‘large’ bird (of the shola type) meaning a duck (and) what does it mean (lit. ‘touching it’)?’ *Too doo boo dum wii shooku.* ‘Well, here again it is said poverty’.

Sholel nder ndiyam ‘small birds in the water [...] with an island’

A hoydi bano sholel nder ndiyam woodi ba dangaare ‘You dream of a small bird in the water where there is an island’.

To yiiki sholel ngel doo e ndiyam e nder ndiyam doo boo woodi ba dangaare too doo dum kayru warantama. ‘If seeing a small bird here in the water and the water again has an island, well in this sense (lit. ‘here’) there is blessing coming upon you’.

Sholli nder ndiyam ‘birds in the water’

A hoydi bano sholli nder ndiyam ‘You dream of birds in the water’.

To yiiki sholli di e nder ndiyam too doo boo doo dum holli e dow hakkilanki laamibe. ‘If seeing birds in the water, so here again, here precisely take care (lit. ‘be clever’) of chiefs’.

Tumme pl. **tummbi** ‘type of a ‘small night’ bird’

A hoydi bano tumme ‘You dream of a small night bird’.

Too waato to a hoydi tumme e fira too doo dum wii balaay goddum ummoto diga dow maada. ‘Well, so to say (lit. ‘also for example) if you dream

of a ‘tummbe-bird’ and it flies it is said that a certain calamity will come (lit. ‘shift’) upon you’. *Too sey toroda Allah hayna!* ‘So, pray to God for relieve!’

Shoonda dow suude koo juunngo ‘bird [...] on your room or on your hand’

A hoydî bano shoonda ndu jippake dow suudu koo dow juunngo ‘You dream a bird has landed on your room’.

To a hoydî a yii shoonda ndu jippake dow suudu ma koo boo dow juunngo ma too goddô kulniîdo waranta ngam tefa jippimmo. ‘If you dream (and) you see a bird which lands on your room or again on your hand so someone frightful (i.e. ‘a terrible spirit’) will come because he/she seeks you to lodge him’.

Fiiiruki e sholel ‘flying like a small bird’

A hoydî bano fiiiruki e sholel ‘You dream flying like a small bird’.

To boo a hoydî a fiiiru ba sholel boo na too dōo boo dūm holluma jaaltaaki e dow fitinahon tokkima koo boo beernuki ni. ‘If again you dream you fly like a small bird, isn’t it, so here it shows you of overcoming minor calamities tracking you again (lit. ‘following your heard’). *To boo aan e nder koydol ngol ngiida goddô fiiiri too dōo maaye’en e sebida’en.* ‘If again you see in this dream someone flying, well here it means (lit. ‘there are’) cannibals (lit. ‘persons causing human death’) and those using sharp instruments (lit. ‘sharppers’). *Hambe ngidi wadanki ma goddūm.* ‘They here again want to harm you (lit. ‘a certain somebody’)’.

It is very difficult – and most probably not possible at all for an outsider of the Fulani culture — to find a ‘red thread’ of the various dream interpretations relating to birds. But there seems to be a kind of a trichotomy (also somehow confirmed by my collaborators) which may be — and admittedly superficially — presented. The three categories seem first to comprise the «seize» of a bird, second the «usefulness» and third their «activities», i.e. during the day or night, although there can be certain interferences with each other especially when a bird is seen flying. If the seize is considered then we may realize that from big to small a certain declining of good fortune takes place (cf. the *daanngal*-bird which is big in size and brings delight and pleasure, whereas the small ‘*tummbe* bird’, in particular when dreamed flying, is a messenger of misfortune and calamity). What concerns the usefulness of domestic birds to which in the narrower sense *gertogal*, *foonndu* and *agwagwawa* may be counted, the image especially of the first two mentioned is quite pleasant. ‘Hen’ and ‘dove’ stand for blessings in the community and for useful events one may encounter. ‘Hen’ and ‘dove’ are even believed – after the “Traumbuch des Ibn Sirin (cf. Lackner

1989:120) – as ‘blessed women who gather in one place with neighbours in a cheerful occasion’ or a dove is a ‘woman, maybe the wife or a daughter and many doves are interpreted as offsprings’. The feature «poverty» which is attributed to ‘duck’ can’t be sufficiently explained, but among other ethnic groups in this area (like the Bole, Kwami, Kupto and Maha) the image of this animal is always associated with dirt, mud and filth. *Jaanngal* and *shoendu wolwoleeru* may also belong in a wider sense to the domestic fauna since they are, at least partly, kept at home (which, however, doesn’t apply for nomadic Fulani). Why a ‘guinea fowl’ is associated with forgetfulness or poor memory may be explained by its «twofold nature», i.e. whenever the eggs are hatched by a brood hen the chicks thereby have forgotten their wild nature (although they still are considered wild) and why a ‘parrot’ is connected with something soaking on somebody’s body couldn’t be neither found out nor explained. When coming to the activities of birds which are imagined in the water, landing on the roof of a house or even in one’s hand one should be careful, since such dreams are — with exception if there is an island in the water — ghastly and scary to be interpreted. And the worst interpretation of a dream is when someone dreams of very small birds (and my collaborators added in the night) then ‘you should be careful of not being harmed by men-eaters’.

* * *

Sascha, my dear friend and colleague, I always appreciated your curious approach to science, your academic activities and your scientific endeavour and efforts — and let me finish with a Fulfulde sentence relating to dreams. *A hidaay koydi mardî weeli feeroy-feeroy be a hoydâ koydi soobiraaku*. ‘You may not dream of dreams so sweet but you may dream of dreams of friendship’ which lastly means “friendship supersedes everything even the sweetest dreams”.

Bibliography

Abu-Manga 1986 — A.-A. Abu-Manga. Fulfulde in the Sudan. Process and Adaptation to Arabic. Berlin: Reimer.

De Wolf 1995 — P. P. De Wolf. English-Fula dictionary: A multidialectal approach (Fulfulde, Pulaar, Fulani). 3 vols. Berlin: Reimer.

Engeström 1954 — T. Engeström: Apport à la théorie des origines du peuple et de la langue peuhle // Smerre Meddelanden, 24. Stockholm.

Gottschligg 1992 — P. Gottschligg. Verbale Valenz und Kasus im Ful. Wien: Verlag der Wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs.

Kirk-Greene 1958 — A. H. M. Kirk-Greene. Adamawa past and present: an historical approach in the development of a Northern Cameroons province. London. New York. Toronto: Oxford University Press.

Klingenheben 1963 — A. Klingenheben. Die Sprache der Ful (Dialekt von Adamawa). Hamburg: Augustin.

Krause 1884 — G. A. Krause. Ein Beitrag zur Kenntnis der Fulischen Sprache in Afrika. Leipzig.

Lackner 1989 — M. Lackner. Über Traumbücher // Das arabische Traumbuch des Ibn Sirin. Aus dem Arabischen übersetzt und kommentiert von H. Klopfer. München: Diederichs. S. 9-26.

Jungrauthmayr, Möhlig 1983 — H. Jungrauthmayr, W. J. G. Möhlig (ed.). Lexikon der Afrikanistik. Berlin: Reimer.

Leger, Mohammad 2001 — R. Leger, A. B. Mohammad. The concept of pulaaku mirrored in Fulfulde proverbs of the Gombe dialect // Kulturentwicklung und Sprachgeschichte im Naturraum Westafrikanische Savanne. Frankfurt am Main. P. 299-306.

Leger 2014 — R. Leger. "I want to be my own cow" — Fulani names and superstitions about their cows // H. Vögele, U. Reuster-Jahn, R. Kastenholz and L. Diegner (eds.). From the Tana River to Lake Chad. Research in African Oratures and Literatures (In memoriam Thomas Geider). Köln: Köppe, p. 185-194.

Meinhof 1912 — C. Meinhof. Die Sprachen der Hamiten. Hamburg: Friederichsen.

Riesman 1977 — P. Riesman. Freedom in Fulani social life. Chicago: The University of Chicago Press.

Stenning 1965 — D. J. Stenning. The pastoral Fulani of northern Nigeria // J. L. Gibbs (ed.). Peoples of Africa. New York, Chicago, San Francisco, Toronto, London: Holt, Rinehart & Winston. P. 363-401.

Taylor 1953 — F. W. Taylor. A grammar of the Adamawa dialect of the Fulani language (Fulfulde). Oxford: Clarendon Press.

Vereecke 1986 — C. Vereecke. 'Pulaaku': ethnic identity among the Adamawa Fulbe. Annals of Bornu III.

Postscriptum lyricum

Елена Желтова

ТРИПТИХ

1. *Письмо из Херсонеса*
(«Древнеперсидские мотивы»)

Если б стать мне волшебницей, силой владеть странной –
Не во всем, а так, хоть в чем-то, хотя бы немного,
Не затем, чтоб в единый поток сливать океаны,
Предугадывать судьбы людей, их пути и дороги,

Не затем, чтобы власти добиться, краткой и брэнной,
Или груды камней обращать в золотые горы,
И не с тем, чтоб владеть красотой Троянской Елены, -
У людей это все уже было. К чему повторы?

Но уж если б колдуньей помог мне стать Заратустра,
И открылся бы мне смысл вавилонских чисел,
Из твоих поцелуев сделала б я бусы
И связала б накидку из наших совпавших мыслей.

Звуки голоса твоего в гитарные струны вплела бы,
И они б зазвучали сирингой печального Пана,
Сколько песен тогда гитара исторгнуть смогла бы,
Если б быть мне волшебницей, силой владеть странной!

Я из воска твоих нежных прикосновений
Отлила бы свечу – ночью б она светила,
Я бы дни без тебя сжала до кратких мгновений,
Если б быть мне колдуньей, странной владеть силой!

Нет, не надо накидки, ни бус, ни свечи горящей,
Все не то: неестественно, пестро и пусто.
Не хочу быть колдуньей – хочу быть с тобой, *настоящим*,
И тогда не нужны мне ни числа, ни Заратустра!

лето 1990 года

2. *Есенинский мотив*
(*Любимому Сашке на серебряную свадьбу*)

Не жалею, не зову, не плачу,
Не пристало мне на жизнь пенять!
Ты судьбою был мне предназначен
Лет тому уж ровно двадцать пять!

Нет, не просто нам пришлось вначале,
Сколько было терний и преград!
И не в церкви нас с тобой венчали,
Но свидетелем был сам Декарт.

Он открыл мне дум твоих безбрежность,
Благородство, мужество и ум.
Вот когда во мне проснулась нежность,
А не только *Cogito, ergo sum*.

Стадиальную гетерогенность
Ты и сам воспел уже не раз,
К ней добавил ты свободе верность,
Половодье чувств и буйство глаз,

Страсть борца, бесстрашие лингвиста
И поэта артистизм и пыл!
Без Мейе, Соссюра, Бенвениста
Ты мне путь в лингвистику открыл.

Нет, не стали мы скупей в желаньях,
Двух детей друг другу подарив,
Так прими же вновь мое признание
На простой есенинский мотив!

январь 2016 года

3. *Вместо статьи*
(*Сашке к юбилею*)

Как хорошо без скопусов и вак,
Вселяющих в меня тоску и ужас,
Тебе писать – без правил, просто так,
Слова любви – соавтору и мужу.

Соавтору прелестных двух детей,
В которых мы отражены так славно,
Соавтору полдюжины статей,
Пусть небесспорных, но вполне забавных.

И как смешны потуги зрелых лет
Нам чувства заглушить земной рутиной!
В глазах твоих все тот же юный свет
Назло календарям горит противным.

Как хорошо с приятелем вдвоем
Иль с целой конференцией научной
Прийти в наш дом и точно знать, что в нем
Соседям по «восьмой» не будет скучно.

О, сколько раз с друзьями до утра
Дары лингвистики и музыки делили!
Субморф, дитранзитив *et cetera*,
«Полковник Васин», ньонг и суахили...

Кто из богов талант великий дал
Тебе, избраннику, чтоб в лучшие моменты
Ты так непостижимо сочетал
И *discipline* и *dolce far niente*?

Как хорошо, что нас судьба хранит,
И, отведя от строгой медицины,
А Волгоград на Ленинград сменив,
В обитель филологии старинной

Вела меня уверенной рукой,
И не позволила пройти бездарно мимо,
Чтоб встреча неизбежная с тобой
Случилась точно и неотвратимо!

А чтобы выигрыш такой не промотать,
Судьбу за благо поблагодарим мы,
И, всю семью и всех друзей собрав,
Твой юбилей отпразднуем, любимый!

июль 2017

Константин Поздняков

ПЕСНЬ РАЗОЧАРОВАННОГО ОППОНЕНТА

послевкусие от защиты докторской диссертации А. Ю. Желтова

Все вначале было чинно,
И никто не ждал скандала —
Шла обычная рутина
В предвкушеньи ритуала.

Мирно спал в плену у Лены
Зал Ученого Совета,
Где от Саши ждали члены
Нового (для них) Завета.

Собралась вся Альма-матерь
Плыть на мирную Итаку,
Но — лишь свистнул Председатель —
Диссертант пошел в атаку!

Он настаивал, что в книге
Вьются мысли рой за роем!
Он гонял из Конго в Нигер
Бедных старцев с геморроем!

Маршируют рой за роем
Мысли эргативным строем.

Он рапирой острой стали —
Тыкал в морду аргументы!
И к полуночи устали
Отбиваться оппоненты!

Аргументом острым тыкал —
А еще Соссюру (!) тыкал!

Бьет опять рапира током!
Вновь укол я пропускаю,
Понял, выйдет явно боком
Диссертация такая!

Испугался даже Валька!
Д'Артаньян удвоил натиск!
Коль седин моих не жалко —
Хоть над «кубиками» сжался!

В этой битве в чистом поле
Отметелил нас он классно!
И, как люди доброй воли,
Мы сдались. Единогласно.

Новый основоположник
Классиков в капусту крошит,
Но ему все это — можно,
Потому что он — хороший!

Много юношей безумных
За него болели в зале,
А потом вдоль улиц шумных
Девки чепчики бросали.

У него ума палата!
У его детей — таланты!
Он домой несет зарплату,
Пропивая только гранты!

У него — полно сюжетов!
Перед ним — гора нетленки!
А чего у Сашки нету —
То с избытком есть у Ленки!

Он сорвал Поповым праздник!
Он смешал им карты будня!
Доказал он, что *сик транзит*
Глория любого *м*дня*.

Чтобы звезды не померкли,
Млейте млечные дороги!
К нам по ним летит из Беркли
Александр Ольдерогге.

И недаром называем
Александра мы «элита»!
И за это выпиваем,
Если что-нибудь налито.

31 июля 2009 г.

В.Я. Порхомовский

АЛЕКСАНДР И ЕЛЕНА

Заглавие этой заметки продолжает давнюю литературную традицию называть произведение именами действующих лиц, причем главным героем здесь является союз 'и': *Окассен и Николетта, Поль и Виржини, Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта...* Имена нашего героя и его спутницы на жизненном пути имеют замечательные прототипы в античности — у них даже есть постоянные эпитеты: *Александр Великий, Елена Прекрасная*. Однако им союз 'и' не достался. Пожалуй, первая подходящая в голову античная ассоциация для подобного случая — это *Ахилл и Патрокл*. Нельзя не признать, что именно в случае Александра и Елены Желтовых осуществилось, наконец, гармоническое сочетание этих двух имен.

Известная максима гласит, что за успешным мужем — ученым, маршалом Франции, государственным деятелем — следует искать тень женщины. По отношению к нашему юбиляру эта мысль безусловно справедлива, что и делает необходимым обращение к теме «*Александр и Елена*».

С Сашей Желтовым я познакомился на конференции в Ленинграде, когда его, тогда студента 4 курса, К.И. Поздняков представил московским африканистам как особо одаренного молодого человека, чье имя следовало запомнить на будущее. Мое общение с *Александром и Еленой* началось несколько лет спустя на большом конгрессе по африканистике в Лейпциге, когда Саша уже был самостоятельным исследователем. Как и полагается в настоящих мифах, Лена оказалась не просто специалистом по античной филологии, что само по себе замечательно, но и востоковедом, поскольку в число ее научных занятий входит греко-римская традиция о персидских магах. После Лейпцига они собирались в Берлин, где еще не бывали, и я подробно рассказывал им, на что там следует обратить внимание в первую очередь. Позже я получил большое удовольствие, сравнивая их впечатления от Пергамона, египетских коллекций и бюста Нефертити со своими собственными. Незабываемой оказалась наша встреча в парижском доме Кости Позднякова. Костя и Саша — хорошо известные

мастера пения под гитару. Но когда запела Лена, распахнулись какие-то новые пространства.

Здесь нужно сделать маленькое отступление. В то время я открыл для себя замечательный романс Высоцкого «Так дымно, что в зеркале нет отраженья...». У меня в студенческие годы произошло одностороннее знакомство с Высоцким — что-то вроде известного феномена однонаправленного понимания в междиалектной коммуникации. Я провел несколько дней на репетициях, прогонах и за кулисами спектаклей в Театре на Таганке в качестве переводчика одного индийского модернистского драматурга. Там я получил возможность непосредственного общения с Высоцким, для которого я оставался чистой функцией, машиной для перевода, а не самостоятельным собеседником. Известно, что песни Высоцкого очень тяжело воспринимаются в исполнении других артистов. После времени, проведенного в Театре на Таганке, для меня песни Высоцкого были возможны только в его исполнении. Единственным исключением в некоторых случаях могла быть Марина Влади. И тут, во время этой парижской вечеринки, я внезапно ощутил, что Елена Желтова — конгениальный интерпретатор этого романса. Каждый раз, отправляясь в Петербург на очередную конференцию по африканистике, я уверен, что последует традиционное приглашение в гостеприимный дом Саши и Лены, а там — магия романса Высоцкого.

Александр и Елена производят несколько инопланетное впечатление. Подтянутый, корректный, в безупречном костюме Александр и элегантная, стильная, обаятельная Елена выглядят как постоянные обитатели мира парижской или венской оперы. При этом они оба заведуют кафедрами Санкт-Петербургского университета — африканистики и классической филологии. У них замечательные дети. Дочь Катя занимается балканистикой и является непременной участницей домашнего вокального ансамбля, а сын Саша, которого я последний раз видел еще младшим школьником, не только страстный футболист, но и играет на саксофоне.

В заключение я хочу вернуться к романсу Высоцкого. Этот романс безусловно является ответом на стихотворение Лермонтова «Чаша жизни». Лермонтов заканчивает свое стихотворение словами:

*Тогда мы видим, что пуста
Была золотая чаша,
Что в ней напиток был — мечта,
И что она — не наша!*

Высоцкий в своем романсе идет дальше:

*Все нужные ноты давно
сыграли,
Сгорело, погасло вино
в бокале,
Тусклей, равнодушной оскал
зеркал...
И лучше мне просто разбить
бокал!*

Я хочу пожелать Александру и его Елене Прекрасной, чтобы их чаша всегда была полна, чтобы никогда не возникала мысль разбить бокал!

Сергей Смирнов

В ГОД ПРЕДЬЮБИЛЕЙНЫЙ

Друг, ученый, остролов,
Свой в среде профессоров
Давным-давно,
Давным-давно.

И, в отличие от иных,
Не чужой среди своих,
Не как в кино,
Не как в кино,

В год предъюбилейный
Прими поздравленья,
Африканист!
На совесть чист,
Как белый лист.

Чтобы знание продвигать,
Знанием нужно обладать.
Труды читать,
Труды писать.

Вы - вымойте руки!
Дельцы от науки...
Суахилист -
Не аферист,
В душе артист.

Не рушьте основы:
Краснеть за Желтова
Вам не грозит!
Он монолит,
От лжи привит.

И снова, и снова
За Сашку Желтова
Мы от души:
Живи,
Дыши,
Стихи пиши!

30.07.2016

ОТ МОСКОВСКОЙ АФРИКАНИСТИКИ — ЛИДЕРУ РОССИЙСКОЙ АФРИКАНИСТИЧЕСКОЙ ПРАРОДИНЫ!!!

Александр Юрьевич Желтов — это редкий пример учёного, который всю жизнь следует выбранному курсу. Увлечение языком суахили, с которого начался его путь африканиста, он пронёс через многие годы.

После окончания аспирантуры Александр Юрьевич остался в Санкт-Петербургском Университете в качестве преподавателя, несмотря на все трудности, которые обещал такой выбор в то непростое время (1992 год). К 2006 году он вырос до заведования кафедрой и прямо или косвенно повлиял на воспитание целого поколения молодых африканистов, зарекомендовавших себя в мировой науке. Кафедра даёт студентам возможность приобрести набор как теоретических знаний в аудитории, так и практических навыков — в экспедициях, на конференциях и стажировках, многими из которых руководит Александр Юрьевич.

Параллельно с работой преподавателя, он не прекращает своё развитие и как учёный-африканист. Он — организатор и участник многочисленных экспедиций в разные страны Африки: Кот-д'Ивуар, Нигерия, Кения и Танзания. Александр Юрьевич постоянно совершенствуется, участвуя в стажировках и конференциях в разных странах мира (Танзания, Швеция, Финляндия, Польша, Швейцария, Германия, Франция, США, Нидерланды, Кот-д'Ивуар) и выступая с лекциями (Париж, Гамбург, Хельсинки, Фес, Касабланка, Рабат, Йола).

Александр Юрьевич невероятно многогранная личность. Он прогрессивный исследователь, всю жизнь стремящийся к синтезу традиционной африканистики с современным лингвистическим знанием. Он смелый учёный, решившийся выйти за пределы как своей родной бантуистики, так и проторенной питерскими африканистами мандеистики, и занявшийся крайне малоизученными в мировом масштабе языками адамауа. Он консерватор, предпочитающий классический костюм и находящий время и энергию на то, чтобы с трибуны и в печати выступать против нынешних тенденций бесконечной наукометрии и научной прагматики. Он наследник ленинградской африканистической школы, без которой не было бы и нас всех, достойно, гордо, безупречно и ответственно несущий бремя руководства двумя петербургскими африканистическими центрами.

Его умение с успехом сочетать преподавательскую и научную деятельность вызывает уважение как у учёных, так и у преподавателей-африканистов. Он прекрасный семьянин, трогательно привязанный к столь замечательным и талантливым Лене, Кате и Саше.

Нелли Владимировна: Первое мое знакомство с Сашей состоялось много лет назад, когда он был еще «зелёным» студентом. Это был, наверное, его 3-4 курс, и он приехал в Москву на стажировку. Тогда его практические знания суахили были так себе (собственно как и мои после окончания востфака, ведь, в общем-то, преподаватели у нас были одни и те же), а общезыковедческая подготовка была довольно сильной. Помню, что мы обсуждали контексты употребления омонимичного суффикса *-e* (оптатив и «старый» перфект). И потом мы часто встречались на Ольдерогговских чтениях, на конференциях в Москве и Байройте. И на одной из конференций в Питере мне пришлось принять косвенное участие в административной судьбе Александра Юрьевича. Тогдашний декан Восточного факультета Е. Зеленев поинтересовался моим мнением по поводу замещения вакантной должности заведующего кафедрой африканистики. Не скрою, что вначале я склонялась к кандидатуре уже состоявшегося профессора, но всё же окончательное решение приняла в пользу молодости, энергичности, активности и лингвистического энтузиазма. Я рада, что Саша стал достойным руководителем кафедры африканистики СПбГУ (откуда родом почти все первые московские африканисты), преданным науке, признанным и авторитетным специалистом. С высоты моего возраста я считаю Сашу совсем молодым человеком, у которого впереди ещё большая плодотворная жизнь, полная новых открытий и свершений. Саша, пусть не иссякнут Ваши научные таланты и целеустремленность к раскрытию тайн африканских языков!

Андрей: Это удивительно, но я помню свое знакомство с Сашей на конференции в 2000 г. Тем более удивительно, что мы оба тогда делали доклады на отчасти сходные темы, касавшиеся маркированности значений глагольных форм в древних индоевропейских языка: я — о ведийском (это был мой первый в жизни доклад), а они с Леной — о латыни. Конечно же, я был категорически не согласен с тем, что услышал, и со всем юношеским запалом пошел разбираться. Мы долго сидели втроем поздно вечером и что-то чертили на листе бумаги, совершенно не могу вспомнить что, да и не думаю, чтобы это показалось теперь интересным что мне, что им. Вряд ли они помнят

этот эпизод. Кажется, я и не узнал тогда, что Саша африканист, как и не мог тогда даже предположить, что сам стану африканистом. А уж что теперь на правах новоиспеченного начальника буду писать ему юбилейное поздравление как другому начальнику в той же области — и подавно. С днем рождения, Саша! Никогда не меняйся, а всё остальное у тебя есть.

Мы, все московские африканисты, желаем Александру Юрьевичу ещё долгие годы подавать такой многогранный пример будущим поколениям людей, желающих посвятить свою жизнь изучению Африки!

*От имени кафедры африканистики Института стран Азии и Африки
МГУ и отдела африканских языков Института языкознания РАН
Н.В. Громова и
А.Б. Шлуинский
(как два больших начальника)
и все-все-все*

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А. Ю. ЖЕЛТОВА

Монографии

- А. Ю. Желтов. Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. Издательство СПбГУ, Санкт-Петербург, 2008. 270 с.

Ответственное редактирование сборников

- А. Ю. Желтов (ред.). Африканский сборник — 2015. СПб.: МАЭ РАН, 2015.
- А. Ю. Желтов (ред.). Антропология и лингвистика: материалы петербургских экспедиций в Африку. СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- А. Ю. Желтов, Е.В.Перехвальская (ред.). Le Monde Mandé. К 50-летию Валентина Феоодсьевича Выдрина. Материалы экспедиции в Западную Африку. СПб.: Нестор-История, 2014.
- А. Ю. Желтов (ред.). Африканский сборник — 2013. СПб.: МАЭ РАН, 2013.
- В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред.). Между Нигером и Конго: Заметки на полях: К 60-летию Константина Игоревича Позднякова. СПб.: Нестор-История, 2012.
- А. Ю. Желтов (ред.). Африканский сборник — 2011. СПб.: МАЭ РАН, 2011.
- A. Zheltov, V. Vydrin, K. Pozdniakov (eds.). Personal pronouns in Niger-Congo languages: International workshop. St. Petersburg, September 13-15, 2010. Abstracts and papers: Working materials. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2010.
- А. Ю. Желтов, В. Ф. Выдрин (ред.). Сказки народов Африки. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2010.
- А. Ю. Желтов (ред.). Петербургская африканистика. Памяти А. А. Жукова. СПб.: Издательство СПбГУ. 2008.
- В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред.). Южные манде. Лингвистика в африканских ритмах. К 50-летию К. Позднякова. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар. СПб.: Европейский дом, 2002.

Статьи, доклады, тезисы, рецензии

- А. Ю. Желтов. Ещё раз о типологии именной классификации: специфика языков нигер-конго, и есть ли языки без «рода» // XXIX Международный научный Конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка: наследие и современность», 21-23 июня 2017, Санкт-Петербург, Восточный факультет СПбГУ. Т. 2. СПб., 2017. С. 278-279.
- А. Ю. Желтов. Специфика терминов родства адамауа и нигер-конго: особенности полевой работы // Радловский сборник — 2017. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 г. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 126-132.

- А. Ю. Желтов. Элементы морфосинтаксиса языка майа (адамауа, нигер-конго) // В. А. Виноградов, А. И. Коваль, М. А. Косогорова, А. Б. Шлуинский (ред.). Исследования по языкам Африки. Выпуск 6. М.: Ключ-С, 2016. С. 81-89.
- А. Ю. Желтов. О последних пополнениях африканской коллекции МАЭ РАН, собранных в ходе экспедиций в Нигерию (2012 г.) и Танзанию (2013 г.) // Кунсткамера: коллекции и собиратели. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 24-33.
- A. Zheltov. Comparative analysis of morphemic and submorphemic neutralizations in Bantu pronominal paradigms (what they are for, and what they say about the language change) // Вестник СПбГУ, серия 13, 4, 2016. С. 13-21.
- А. Ю. Желтов, Е. В. Желтова. К вопросу об одушевленности в латинском, древнегреческом и русском языках в контексте семантической типологии именной классификации // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XX. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб.: ИЛИ РАН, 2016. С. 241-257.
- A. Lyakhovich, A. Zheltov. Towards a comparative description of the Adamawa languages of Mumuye-Yendang and Leko groups // Towards Proto-Niger-Congo: comparison and reconstruction (2nd international congress). Paris, September 1-3, 2016. Presentations. <http://lacan.vjf.cnrs.fr/nigercongo2/presentations.html>
- A. Zheltov. The comparative analysis of morphemic and submorphemic neutralizations in Bantu pronominal paradigms (what they are for, and what they say about the language change) // 6th International Conference on Bantu Languages. Helsinki, June 20-22, 2016. Abstracts. <http://blogs.helsinki.fi/bantu-6/files/2016/06/Bantu6-Program-Posters.pdf>
- A. Zheltov. Numerals in Adamawa languages: Common roots, diversity of strategies, analogical changes // 47th Annual Conference on African Linguistics, March 23-26, 2016, University of California, Berkeley. Papers and posters. 2016. P 33.
- А. Ю. Желтов. Петербургские экспедиции в Африку: опыт критического анализа // Радловский сборник — 2016. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 111-219.
- А. Ю. Желтов. Африка в Петербурге, Петербург в Африке: юбилей петербургской африканистики // Вестник СПбГУ, серия 13, 4, 2015. С. 134-136.
- A. Zheltov. Different strategies of ditransitive constructions in related languages (the case of Bantu and Adamawa, Niger Congo) // World Congress of African Linguistic, Kyoto, Japan, 22-26 August 2015. Abstracts. P. 103.
- А. Ю. Желтов. Еще раз о числительных в языках адамауа // 28 международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире». 22-24 апреля 2015. Тезисы докладов. СПб., 2015. С. 267.
- А. Ю. Желтов. Предисловие // Африканский сборник — 2015. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 3-5.
- А. Ю. Желтов. Африканистика в эпоху наукометрии, или зачем в России изучать Африку // Африканский сборник — 2015. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 599-611.

- А. Ю. Желтов. Африканистика в эпоху наукометрии, или зачем в России изучать Африку // Высшая школа экономики. Первая научно-практическая конференция «Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и практического изучения». Аннотированное приложение к программе., Москва, 2015. С. 22-23.
- A. Zheltov. Object indexation in Bantu: the competition of parameters (the case of Swahili and Kinyarwanda 3-valency verb constructions) // St. Petersburg Annual of Asian and African Studies. Ergon Verlag, Wurzburg, 2014. Pp. 35-43.
- A. Zheltov. 3-valency verbs constructions: the competition of the parameters (the case of Bantu and Adamawa, Niger-Congo) // Workshop "Ditransitive constructions in a cross-linguistic perspective". Pavia, 11.09.2014. Abstracts. Pavia, 2014. Pp. 36-37.
- А. Ю. Желтов. Предисловие // Антропология и лингвистика: материалы экспедиций в Африку. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 3-6.
- А. Ю. Желтов. Элементы морфосинтаксиса языка ньонг (адамауа, нигер-конго) // Антропология и лингвистика: материалы экспедиций в Африку. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 156-166.
- А. Ю. Желтов. Петербургская лингвистическая экспедиция в Нигерию // Вестник СПбГУ, серия 13: Востоковедение. Африканистика, 3, 2014. С. 152-154.
- А. Ю. Желтов. Логофоричность (коррелятивность) субъектов в логофорических контекстах в языках ньонг и генгле (адамауа, нигер-конго) // Материалы международной конференции «Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки». СПб.: Восточный ф-т СПбГУ, 2014. С. 72-76.
- А. Ю. Желтов. Полевые заметки о влиянии местных этнических языков на суахили в Кении в контексте социолингвистического статуса языка // В. Ф. Выдрин, Н. В. Кузнецова (ред.). От Бикина до Бамбаломы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 265-276.
- А. Ю. Желтов. Некоторые элементы морфосинтаксиса простого предложения языков ньонг и майа (адамауа, нигер-конго) // 13 Конференция африканистов. Общество и политика в Африке: неизменное, меняющееся, новое. Москва, 27–30 мая 2014 г. С. 484-485.
- А. Ю. Желтов. Об именной классификации в языках нигер-конго, типологии именных классификаций и взаимодействии языковых и внеязыковых данных // Е. И. Зеленев, В. Б. Касевич (ред.). Концепции современного востоковедения. СПб.: Издательство Каро, 2013. С. 217-238.
- Т. М. Гавристова, А. Ю. Желтов. Чтения памяти Д. А. Ольдерогге // Азия и Африка сегодня, 9, 2013. С. 57-59.
- А. Ю. Желтов. Предисловие // Африканский сборник — 2013. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 1-2.

- А. Ю. Желтов. Материалы к сравнительному изучению языков адамауа: стословники и системы местоимений // Африканский сборник — 2013. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 308-322.
- А. Ю. Желтов. Старосуахилийская литература // В. В. Емельянов (ред.). Литературы стран Азии и Африки. Начальный период развития. СПб.: НП-Принт, 2012. С. 329-343.
- А. Ю. Желтов. Предварительные замечания к анализу личных местоимений в языках адамауа // 27 Международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Локальное наследие и глобальная перспектива. «Традиционализм» и «революционизм» на Востоке. Тезисы докладов. СПб.: Восточный ф-т СПбГУ, 2013. С. 222-223.
- А. Ю. Желтов. «Говорящий» и «адресат» в языке и речи: к вопросу о существовании иерархических отношений между локуторами (на материале языков нигер-конго) // Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 412-429.
- А. Ю. Желтов. Россия и Африка: история и современность // Вестник СПбГУ, серия 13: Востоковедение. Африканистика, 4, 2012. С. 3-13.
- A. Zheltov. What do personal pronouns mean, and what means do they use for that: specifics of Gban (South Eastern Mande) // St. Petersburg Annual of Asian and African Studies. Ergon Verlag, Wurzburg, 2012. Pp. 73-85.
- А. Ю. Желтов. К юбилейным датам петербургской африканистики // Африканский сборник — 2011. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 21-26.
- А. Ю. Желтов. Еще раз о местоименно-предикативных показателях в языках манде: к типологии маркеров персональности // Африканский сборник — 2011. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 197-203.
- А. Ю. Желтов. Предисловие // Африканский сборник — 2011. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 3-4.
- А. Ю. Желтов. Материалы к описанию языков адамауа: два этюда о морфосинтаксисе языков майа и ньонг // В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред.). Между Нигером и Конго: заметки на полях. К 60-летию Константина Игоревича Позднякова. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 142-152.
- А. Ю. Желтов. Предисловие // В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред.). Между Нигером и Конго: заметки на полях. К 60-летию Константина Игоревича Позднякова. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 3-4.
- А. Ю. Желтов. Африканистика, гуманитарные науки и научная парадигма Н. М. Гиренко // Антропологический форум, 14, электронная версия. 2011. С. 284-294.
- А. Ю. Желтов, В. Г. Узунова. Памяти Николая Михайловича Гиренко (31.10.1940 – 19.06.2004): мемориальные научные чтения к 70-летию со дня рождения // Антропологический форум, 14, электронная версия. 2011. С. 269-271.
- А. Ю. Желтов. Международный семинар «Личные местоимения в языках нигер-конго» // Вестник СПбГУ, серия 13, 2, 2011. С. 204-209.

- А. Ю. Желтов. Изменения по аналогии или субморфная нейтрализация в прономинальных системах языков нигер-конго // Африка в условиях смены парадигмы мирового развития. 12 конференция африканистов. Москва, 24-26 мая 2011 г. М., 2011. С. 183.
- А. Ю. Желтов. Понятие местоименно-предикативного показателя и бинарный принцип классификации грамматических явлений // Модернизация и традиция. 26 международная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». 20-22 апреля 2011 г. СПб, 2011. С. 279.
- А. Ю. Желтов. Глагольное словоизменение в языке суахили // В. Г. Гузев (ред.). Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. С. 256-268.
- А. Ю. Желтов. Суахили // В. Б. Касевич (ред.). Грамматика и семантика восточного текста. Квантитативные характеристики. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 145-156.
- А. Ю. Желтов. Язык суахили. Именные категории // В. Г. Гузев (ред.). Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 42-75.
- A. Zheltov. African Language Studies in St. Petersburg // Ch. Thornell, Karsten Legère (éds.). North-South Contribution to African Studies. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2011. P. 197-203.
- А. Ю. Желтов. Вместо предисловия // Е. В. Перехвальская, А. Ю. Желтов (ред.). Le Monde Mandé. К 50-летию Валентина Феодосьевича Выдрина. Материалы экспедиции в Западную Африку. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 3-4.
- А. Ю. Желтов. О некоторых проблемах описания прономинальных систем языков манде // Е. В. Перехвальская, А. Ю. Желтов (ред.). Le Monde Mandé. К 50-летию Валентина Феодосьевича Выдрина. Материалы экспедиции в Западную Африку. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 18-32.
- В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов. Предисловие. Введение. Примечания. Типологический комментарий // Сказки народов Африки (под науч. ред. В. Ф. Выдрина, А. Ю. Желтова). СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2010. С. 3-4, 5-8, 476-508.
- A. Zheltov. 1 and 2 person in Niger-Congo languages: together or separately, and who is higher in the latter case // Personal pronouns in Niger- Congo languages. International workshop. St. Petersburg, 2010. St. Petersburg University Publishing House, 2010. Pp. 176-186.
- А. Ю. Желтов. Иерархия одушевленности (дейктическая иерархия) и взаимодействие языковых структур // В пространстве языка и культуры. Звук. Знак. Смысл. Сборник статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 67-81.
- А. Ю. Желтов. К 75-летию петербургской африканистики // Тезисы VII съезда российских востоковедов. М., 2010. С. 106-107.
- А. Ю. Желтов. О тебе, моя Африка! // С.-Петербургский Университет, 8, май 2010. С. 21-24.

- А. Ю. Желтов. Неноминативность в нигер-конго // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика, 1., 2010. С. 70-82.
- А. Ю. Желтов. Объектная индексация в языках банту (суахили и киньяруанда) // Африканский сборник — 2009. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 174-181.
- А. Ю. Желтов. Грамматический тон в глагольной системе гбан (южные манде, нигер-конго) // 8 Международная конференция по языкам Дальнего Востока, ЮВА и Западной Африки (Москва, 22-24 сентября 2009 г.): тезисы и доклады. М., 2009. С. 49-52.
- A. Zheltov. Brothers, sisters, and noun class typology: what is special about Niger-Congo? // African Languages in Global Society Papers read at the Symposium "Text in Context: African Languages between Orality and Scripturality". University of Zurich, October 18–20, 2001. Ed. by Thomas Bearth, Jasmina Bonato, Karin Geitlinger, Lorenza Coray-Dapretto, Wilhelm J.G. Möhlig, Thomas Olver. Cologne: Rüdiger Köppe Verlag, 2009. Pp. A127-A130.
- А. Ю. Желтов. Объектная индексация в языках банту (суахили и киньяруанда) // Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций. СПб., 2009. С. 115-116.
- A. Zheltov. Some elements of Gban language and linguistic typology // Mande languages and linguistics. 2nd International Conference. St. Petersburg, 2008. Pp. 126-129.
- А. Ю. Желтов. Африканистика: комплекс дисциплин или комплексная дисциплина (опыт структурирования альтернативы) // Петербургская африканистика. Памяти А. А. Жукова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. С. 48-62.
- А. Ю. Желтов. Андрей Алексеевич Жуков и петербургская африканистика // Петербургская африканистика. Памяти А. А. Жукова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. С. 5-9.
- А. Ю. Желтов. Семантические (синтаксические) роли и иерархия одушевленности (дейктическая иерархия) в языках нигер-конго: точки взаимодействия // XI конференция африканистов. Развитие Африки: возможности и препятствия. М., 2008. С. 264-265.
- А. Ю. Желтов. Инновационные элементы в именной классификации нигер-конго // Африканский сборник 2007, СПб.: Наука, 2008. С. 247-261.
- А. Ю. Желтов. Нумеративные классификаторы в языках нигер-конго // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика, 4:II, 2008. С. 283-286.
- А. Ю. Желтов. О категории именного класса (на материале языков нигер-конго) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика, 3:II, 2008. С. 58-64.
- А. Ю. Желтов, Е. В. Желтова. Классические языки и типология ролевого маркирования // Hyperboreus: Studia classica. Petropoli, 14:1, 2008. P. 122-144.

- А. Ю. Желтов. За мышью нужно видеть гору: некоторые замечания к дискуссии о новой экспозиции «Африка» в Кунсткамере // Этнографическое обозрение online, 2007. <https://journal.iea.rus.ru/online>.
- A. Zheltov. Teaching African Languages in St. Petersburg // Symposium on Nordic contributions to African Languages, Gothenburg, 2007. Abstracts. P. 18.
- A. Zheltov. Is there elements of non-nominativity in Bantoid? // Bantu Languages: Analysis, Description and Theory, Gothenburg, 2007. Abstracts. P. 33-35.
- А. Ю. Желтов. Некоторые проблемы типологии посессивности (на материале посессивных конструкций в суахили) // Вестник Санкт-Петербургского университета, 4, 2007. С. 98-104.
- А. Ю. Желтов, Н. В. Громова. Андрей Алексеевич Жуков // Вестник Московского Университета. Серия 13. Востоковедение, 1, 2007. С. 110-113.
- А. Ю. Желтов, Е. В. Желтова. Неноминативность и иерархия одушевленности в латыни: к вопросу о кумулятивности синтаксических структур // Philologia Classica, 7, 2007. С. 124-134.
- А. Ю. Желтов, Е. В. Желтова. О падежном маркировании предикатива в латыни и древнегреческом: семантика или прагматика? // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 18-20 июня 2007 г. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 95-102.
- А. Ю. Желтов. Андрей Алексеевич Жуков // С.-Петербургский Университет, 6, 2006. С. 40-41.
- A. Zheltov. Possession in Swahili: some typological and semantic problems // Международная научная конференция «Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы. Тезисы докладов. С.-Петербург, 2006, с. 105-106.
- A. Zheltov. Le système des marqueurs de personnes en gban : Morphème syncrétique ou syncrétisme des morphèmes ? // Mandenkan, 41, 2005, pp. 23-28.
- A. Zheltov. The search for non-nominativity in Niger-Congo // 4 типологическая школа. Материалы лекций и семинаров. М., 2005.
- А. Ю. Желтов. Братья, сестры и нигер-конго: Заметки о стадияльно-семантической типологии именной классификации // Ad hominem. Памяти Николая Гиренко. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 105-122.
- А. Ю. Желтов. Нумеративные классификаторы в гбан (юго-восточные манде): предварительные замечания // X конференция африканистов. Безопасность Африки. Внутренние и внешние аспекты. М., 2005. С. 154-155.
- В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов. «Люди — не-люди»: опыт бинарной типологической классификации сказочных сюжетов // Африканская сказка — 3. К исследованию языка фольклора. М.: Восточная литература, 2005. С. 504-517.
- А. Ю. Желтов. Семантическая типология именных классификаций (специфика нигер-конго) // III зимняя типологическая школа. Материалы лекций и семинаров. М., 2002. С. 150-151.

- А. Ю. Желтов. Синтаксис, дейксис и прагматика: грамматика без границ или суперфлексивность в аналитическом языке (краткий очерк глагольной системы языка гбан) // Южные манде. Лингвистика в африканских ритмах. К 50-летию Константина Позднякова. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар. СПб.: Европейский дом, 2002. С. 39-61.
- А. Ю. Желтов, В. Ф. Выдрин. Введение // Южные манде. Лингвистика в африканских ритмах. К 50-летию Константина Позднякова. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар. СПб.: Европейский дом, 2002. С. 3-8.
- А. Ю. Желтов, Е. В. Желтова. Парадигматические отношения в латинской глагольной системе // Эпистола. Сборник статей к 80-летию профессора Н. А. Чистяковой. СПб, 2001. С. 66-83.
- А. Ю. Желтов, Е. В. Желтова. Глагольные парадигмы, семантические оппозиции и флексивные языки: попытка описания латинского и древнегреческого глагола // Вторая зимняя типологическая школа. Тезисы докладов. М., 2000. С. 125-126.
- А. Ю. Желтов, Н. Р. Сумбатова, А. Л. Мальчуков. Вторая зимняя типологическая школа // Язык и речевая деятельность. Т. 3. Ч. I, 2000. С. 338-348.
- А. Ю. Желтов. Контенсивная типология и нигер-конго: подход к проблеме // Африка на пороге третьего тысячелетия. VIII конференция африканистов. СПб., 1999. С. 262-263.
- А. Ю. Желтов. Контенсивная типология и языки банту: перспективы анализа // Материалы научной конференции Восточного факультета, посвященной 275-летию С.-Петербургского государственного университета. СПб., 1999. С. 20-22.
- В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов. Опыт бинарной классификации сказок // Материалы научной конференции Восточного факультета, посвященной 275-летию С.-Петербургского государственного университета. СПб., 1999. С. 74-76.
- А. Ю. Желтов. О некоторых вопросах «почему» в грамматике суахили // Африка: общество, культура, языки. Материалы выездной сессии Научного совета по проблемам Африки. М., 1998. С. 174-176.
- А. Ю. Желтов. Семантические оппозиции и парадигматический анализ именных классов суахили // Востоковедение (межвузовский сборник). Вып. 20, 1998. СПб. С. 33-46.
- А. Ю. Желтов. Синтагматический порядок как отражение суммы парадигматических маркировок: одновременное употребление личных местоимений в роли прямого и косвенного дополнения во французском и английском языках // В. Ф. Выдрин, А. А. Кибрик (ред.). Язык. Африка. Фольбе. Сборник статей в честь А. И. Коваль., М.-СПб.: Европейский дом, 1998. С. 100-105.
- A. Zheltov. Semantic Oppositions and Paradigmatic Analysis of Swahili Noun Classes // St. Petersburg Journal of African Studies, 6, 1997, pp. 36-50.
- А. Ю. Желтов. О некоторых особенностях детской ассоциативной категоризации и языковой категоризации в африканских языках (на материале

- суахили) // Африка в меняющемся мире (тематический сборник). Тезисы докладов на VII Всероссийской конференции африканистов. М., 1997. С. 329-333.
- A. Zheltov. Swahili noun classes: some aspects of paradigmatic analysis // 2 World Congress of African Linguistics, University of Leipzig, 27th July – 3rd August 1997. Abstracts.
- A. Zheltov. Book review: *И. С. Аксенова, И. Н. Топорова. Язык курия. Москва, РАН, 1994, 202 с.* // St. Petersburg Journal of African Studies 5, 1995, p. 152-153.
- A. Zheltov. Swahili verbal affixes: semantic oppositions // St. Petersburg Journal of African Studies, 4, 1995, p. 69-79.
- A. Ю. Желтов. Суахилийские именные классы и русские словообразовательные суффиксы: структурные параллели // Проблемы изучения языков Африки. М., 1995. С. 44-51.
- A. Zheltov. Semantic oppositions of Swahili verbal affixes: an attempt at paradigmatic analysis // 1st World congress of African linguistics. Kwaluseni, Swaziland. 18-22.8.1994. Abstracts. P. 40.
- A. Ю. Желтов. О парадигматическом анализе именных классов в суахили // Тезисы докладов и сообщений на VI Всероссийской конференции африканистов. М., 1994. С. 143-145.
- A. Zheltov. Book review: *E. Contini-Morava. Discourse pragmatics and semantic categorization: the case of negation and tense-aspect with special reference to Swahili. Berlin – New York, 1989* // St. Petersburg Journal of African Studies, 1, 1993. Pp. 126-127.
- A. Ю. Желтов. Морфологические оппозиции глагольных аффиксов в языке суахили // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 3, 1992. С. 59-64.
- И. Ю. Аристов, В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов. Итератив в верхнебальском диалекте сванского языка: суффиксы *al/ali* // XIII научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп, 1990. С. 14-15.
- A. Ю. Желтов. Морфологический и функционально семантический таксис в языке суахили // V Всесоюзная конференция африканистов. Тезисы докладов и научных сообщений. Вып 4. Ч. 1. Языкознание. Литературоведение. М., 1989. С. 98-100.
- A. Ю. Желтов. Показатели категории таксиса *ka* и *ki* и их место в системе языка суахили // Африка: культура и общество. Материалы выездной сессии Научного совета по проблемам Африки. Вып 2. Языкознание. Литературоведение. М., 1989. С. 51-58.

Учебные пособия и учебники

- A. Ю. Желтов. Язык и языковая система // Обществознание. Учебно-методическое пособие для абитуриентов Восточного ф-та. СПб., 2008. С. 48-57.

Список научных трудов А. Ю. Желтова

- А. Ю. Желтов. Обществознание. Учебное пособие. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. С. 5-23.
- А. Ю. Желтов, Б. Н. Мельниченко, М. С. Пелевин. Программа вступительного экзамена по дисциплине «Обществознание» (для абитуриентов Восточного факультета СПбГУ) // Обществознание. Пособие для абитуриентов. СПб., 2006. С. 5-23.

Содержание

В. Ф. Выдрин. <i>Предисловие</i>	3
Е. С. Аплонова. <i>Употребление терминов родства без посессора в бамана</i>	5
Е. В. Волкова. <i>"Африканское имя" исследователя в жизни и в поле</i>	15
В. Ф. Выдрин. <i>Выражение предикации качества в гвинейском манинка</i>	25
Н. В. Григорьева. <i>Лионго Фумо и «героический цикл» в устной традиции народов Африки и Юго-Восточной Азии</i>	48
Е. В. Гусарова, В. Н. Семёнова. <i>Традиционные эфиопские грамматики säwasəw: краткий исторический обзор, структура и содержание (на примере анализа лестницы эф.н.с. 11 из собрания РНБ)</i>	58
А. В. Давыдов. <i>О некоторых свойствах лингвонима суахили в русском языке</i>	69
Е. А. Желтова. <i>Дитранзитивные конструкции с прономинальными актантами в новогреческом языке: конкурирующие иерархии и ограничения</i>	81
О. Ю. Завьялова. <i>Традиция и современность: взгляд на Гвинею (Ньягасоля и окрестные деревни в 1999 и 2014 гг.)</i>	96
А. С. Зданевич. <i>От архаики к неотрадиционализму: взгляд сквозь призму африканской культуры</i>	104
А. В. Ляхович. <i>Обстоятельственные распространители в структуре вводов прямой речи с глаголом се в хауса (на примере романа Хумаиры Лаван Занго «Я этого не потерплю»)</i>	113
А. В. Образцов, А. С. Сулейманова. <i>Симпозион по-турецки: питейные заведения в Османской империи</i>	125
Е. В. Перехвальская. <i>Информационная структура предложения в южном сан</i>	145
К. И. Поздняков. <i>Славянские счетные существительные на фоне бантуских именных классов</i>	158
Ю. Г. Суетина. <i>Формирование терминологических систем в младодписьменных языках (на примере спортивной терминологии хауса)</i>	171
L. Hyman. <i>On reconstructing tone in Proto-Niger-Congo</i>	175

O. Ivanova. <i>Linguistic encoding of agency in naturally occurring interaction</i>	192
R. Leger. <i>Interpretations of dreams among the Fulani in Northeastern Nigeria</i>	202
Postscriptum lyricum	
Е. В. Желтова. <i>Триптих</i>	211
К. И. Поздняков. <i>Песнь разочарованного оппонента</i>	215
В. Я. Порхомовский. <i>Александр и Елена</i>	217
С. В. Смирнов. <i>В год предъюбилейный</i>	220
Н. В. Громова, А. Б. Шлуинский. <i>От московской африканистики</i>	222
Список научных трудов А. Ю. Желтова	225

Content

Valentin Vydrin. <i>Preface</i>	3
Ekaterina Aplonova. <i>Use of Bamana kinship terms without possessor</i>	5
Elizaveta Volkova. <i>"African name" of a researcher in the life and in the field</i>	15
Valentin Vydrin. <i>Property concepts encoding in Guinean Maninka</i>	25
Nina Grigoreva. <i>Liongo Fumo and the "heroic cycle" in the oral tradition of Africa and Southeast Asia</i>	48
Ekaterina Gusarova, Valeria Semenova. <i>Traditional Ethiopian grammars säwasəw: historical survey and structure</i>	58
Artem Davydov. <i>Some characteristics of the "Swahili" linguonym in Russian</i>	69
Ekaterina Zheltova. <i>Ditransitive constructions with pronominal arguments in Modern Greek: competing hierarchies and limitations</i>	81
Olga Zavyalova. <i>Tradition and modernity in Guinea: Nyagassola and surrounding villages in 1999 and 2014</i>	96
Alexander Zdanevich. <i>From archaisms to neo-traditionalism: A glance from the African perspective</i>	104
Anastasia Lyakhovich. <i>Adverbial modifiers in the structure of introduction of the direct speech with the verb ce in Hausa (Exemplification from a sample of Humayra Lavan Zango's novel 'I won't be patient')</i>	113
Alexej Obraztsov, Alia Suleymanova. <i>Turkish carouse: Meyhane culture in the Ottoman Empire</i>	125
Elena Perekhval'skaya. <i>Information structure in Southern San</i>	145
Konstantin Pozdniakov. <i>Slavonic numerative nouns against the background of the Bantu noun classes</i>	158
Julia Suetina. <i>Emergence of terminological systems in newly written languages: the case of the sporting terminology in Hausa</i>	171
Larry Hyman. <i>On reconstructing tone in Proto-Niger-Congo</i>	175
Olga Ivanova. <i>Linguistic encoding of agency in naturally occurring interaction</i>	192
Rudolf Leger. <i>Interpretations of dreams among the Fulani in Northeastern Nigeria</i>	202

Postscriptum lyricum	
Elena Zheltova. <i>A triptych</i>	211
Konstantin Pozdniakov. <i>A discouraged opponent's song</i>	215
Victor Porkhomovsky. <i>Alexander and Helen</i>	217
Sergej Smirnov. <i>Preceding the jubilee</i>	220
Nelli Gromova, Andrey Shluinsky. <i>From the Moscow Africanists</i> . . .	222
Alexandre Zheltov's publication list	225

В жёлтой жаркой Африке...

К 50-летию Александра Желтова

Подписано в печать 19.07.2017. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 15

Тираж 80 экз. Заказ № 1008

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86

